
3 1761 05318581 5

DK
254
N4A3

№ 32

Русское книгоиздательство.

Les mémoires d'un socialiste Russe
par. Gr. NESTROIEFF
préface de
WLADIMIR BOURTZEFF.

Nestroev, Gr

Гр. НЕСТРОЕВЪ.

Iz dnevnika maksimalista

Изъ дневника

Максималиста

съ предисловіемъ

Владиміра Львовича Бурцева

ПАРИЖЪ

1910.

Предисловіе

Книгу т. Нестроева нельзя назвать воспоминаніями въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ довольно значительное мѣсто отводится имъ и теоріи максимализма, зародившагося въ Россіи сравнительно давно, но развернувшаго всѣ свои боевыя силы въ періодъ русской революціи. Какъ бы кто ни относился къ этому движенію, но ясно, что, говоря о революціонномъ движеніи въ Россіи, нельзя пройти мимо него. Но.... отсутствіе достаточной литературы для точной характеристики максимализма, отсутствіе протоколовъ конференцій максималистовъ, отсутствіе архива у послѣдователей этого ученія затрудняютъ безпристрастную оцѣнку теоріи и практики молодого революціонно-соціалистическаго ученія, характеристику главныхъ дѣятелей этого боевого направленія, прогремѣвшаго не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Вотъ почему книга т. Нестроева представляетъ собой интересъ: она даетъ кой-какой матеріалъ будущему историку русскаго революціоннаго движенія.

Нельзя умолчать о томъ, что взгляды на сущность максимализма, изложенные въ этой книгѣ, существенно разнятся отъ общепринятыхъ. Это есть попытка оправдать существованіе максимализма въ

періодъ затишья, въ періодъ реакціи, подводя подъ него тройной фундаментъ программы, совершенно отличной отъ всѣхъ другихъ тактики, обоснованіе которой нельзя не назвать новымъ, и организаціи, базирующей не только на принципахъ демократизма, автономіи и федераціи, но и на принципѣ отдѣленія классовой организаціи отъ организаціи внѣ-классовой, значеніе которой въ революціонномъ движеніи авторъ признаетъ громаднымъ.

По формѣ своей книга эта представляетъ собой сжатые и отрывочные наброски того, что видѣлъ, слышалъ и въ чемъ принималъ непосредственное участіе самъ авторъ. Начавъ съ студенческаго періода своей жизни, изложивъ почему онъ не былъ с.-д., какъ онъ перешелъ въ ряды соціалистовъ, соціалистовъ-революціонеровъ, а потомъ и максималистовъ, т. Нестроевъ попутно, говоря о своей работѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, о разныхъ выдающихся событіяхъ, даетъ характеристики и краткія біографіи работниковъ революціоннаго соціализма. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, т. Нестроевъ значительное мѣсто отводитъ рядовымъ революціонерамъ, тѣмъ безымяннымъ героямъ, имена которыхъ почти не будутъ извѣстны новому поколѣнію борцовъ за соціализмъ, какъ они не были извѣстны намъ, явившимся на смѣну нашимъ предшественникамъ, тѣмъ „середнякамъ", которые по своей преданности „дѣ-

лу“, по своей идейности, энергіи и мужеству не стоятъ ниже тѣхъ, о комъ такъ много говорили и писали. Между прочимъ, мужественно принявшіе смерть отъ русскихъ палачей, максималисты до сихъ поръ не нашли своихъ біографовъ, до сихъ поръ большинство изъ нихъ неизвѣстны даже, за малымъ исключеніемъ, самимъ максималистамъ. Этотъ громадный пробѣлъ давно уже необходимо пополнить. И началомъ этой трудной работы можетъ послужить предлагаемая книга. Такіе революціонные дѣятели, каковыми были Михаилъ Соколовъ, Василій Виноградовъ, Самуилъ Рыссъ, Владиміръ Мазуринъ и др., заслуживаютъ того, что-бы ихъ жизнь, ихъ подвиги, ихъ взгляды и убѣжденія сдѣлались достояніемъ всей мыслящей Россіи, чтобы не только друзья, но и враги знали правду о нихъ.

Разговоръ, который произошелъ между авторомъ этой книги и С. Рыссомъ послѣ разгрома боевой организаціи с-р.-м. въ концѣ 1906 г., хотя и даетъ мало новаго для освѣщенія „дѣла Рысса“, но онъ интересенъ какъ матеріалъ, исходящій отъ того, кого подозрѣвали въ провокаціи и кто такъ мужественно умеръ на революціонномъ посту. И историку „поступленія Рысса въ департаментъ полиціи“ придется довольно трудно, если онъ вздумаетъ провѣрить разсказъ Мортимера объ одиннадцилѣтнемъ мальчикѣ — почтальонѣ, объ его

отношенiи къ выдачѣ Емельяновой и къ подготовленiю нападенiя на карету, въ которой В. Мазуринъ былъ доставленъ въ тюрьму. Здѣсь правда такъ тѣсно сплелась съ вымысломъ, съ фантазiей тѣхъ, кто жилъ въ этомъ чаду, въ этой ненормальной атмосферѣ, что трудно докопаться до истины.

Ненормальная атмосфера породила ненормальныя явленiя, каковыми были не только дѣло Рысса, но и многихъ другихъ, двинутыхъ на этотъ путь. Что думали, что переживали тѣ, передъ которыми становился вопросъ, какой сталъ и передъ Мортимеромъ: служить революцiи, находясь въ самомъ сердцѣ вражескаго стана. Авторъ „Изъ дневника максималиста“ паредаетъ намъ переживанiя двухъ такихъ товарищей, которые въ теченiе долгаго времени, передъ лицомъ смерти, были искушаемы охраннымъ отдѣленiемъ. Одинъ умеръ на своемъ посту, другой избралъ путь Рысса. Но какъ знать, остался ли онъ вѣренъ трудовому народу, не дрогнулъ ли онъ, когда узнали его двойную игру, и не перешелъ ли онъ на самомъ дѣлѣ въ ряды тѣхъ, кто вѣками сидитъ на шеѣ народа.

Въ послѣднiе 2—3 года русское самодержавiе прибѣгаетъ къ очень опасному прiему, на который попадаются очень многiе изъ даже извѣстныхъ революцiонеровъ: оно предлагаетъ имъ жизнь за измѣну и предательство. И многiе,

думая обмануть охранниковъ или использовать свое мнимое желаніе служить самодержавію, попадаются на этотъ крючокъ.

Въ книгѣ товарища Нестроева есть кое-что и о растратѣ денегъ, экспропріированныхъ въ Московскомъ обществѣ взаимнаго кредита и у фонарнаго переулка; въ ней указана приблизительная сумма, переданная въ партію с-р.; въ ней упоминается и о тѣхъ 200 т. р., которые до сихъ поръ не только не разысканы, но о которыхъ неизвѣстно, имѣются ли они, не растрачены ли, а если растрачены то кѣмъ и на что... Давно пора затронуть въ печати этотъ вопросъ. Быть можетъ это послужитъ началомъ появленія той отчетности, которую революціонеры должны отдать въ экспропріированныхъ и истраченныхъ суммахъ.

Не малая доля истины заключается и въ характеристикѣ современныхъ ссылки и эмиграціи. Одна дополняетъ другую. Картины до того порази тельно — плачевны, что нечего удивляться тому факту, что обыватель, такъ недавно еще относившійся къ революціонеру не только съ уваженіемъ, но чуть ли не какъ къ святому, теперь смотритъ на него съ усмѣшкой, чуть ли не съ пренебреженіемъ, считая его виновникомъ всѣхъ бѣдъ, переживаемыхъ Россіей. И довольно много

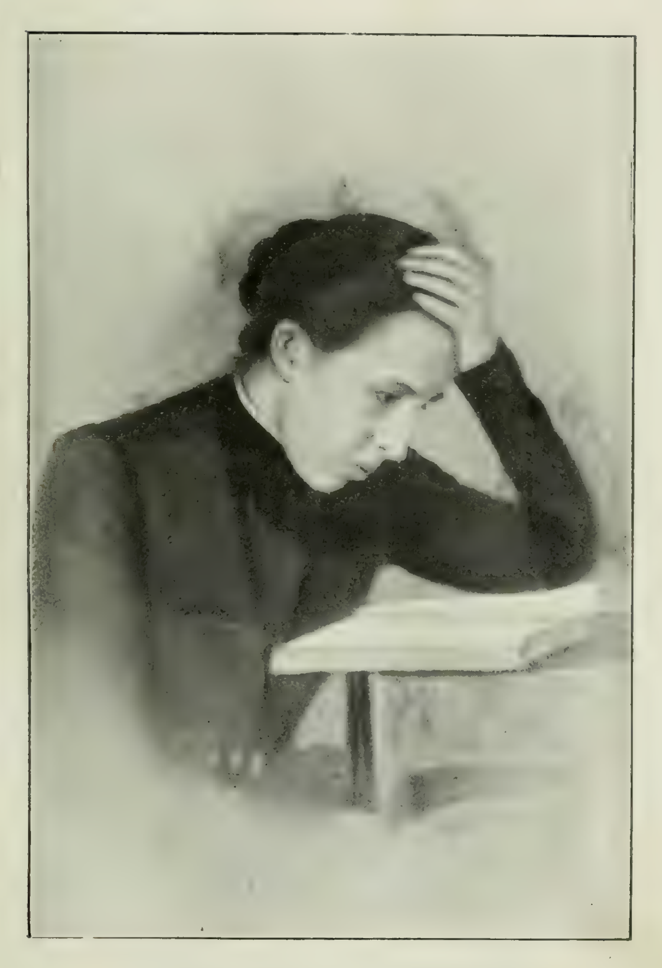
усилій придется потратить на то, чтобы отдѣлить революціонеровъ отъ революціонной накипи, чтобы вновь поставить революціонера на то мѣсто, которое онъ завоевалъ столькими жертвами. И въ этомъ отношеніи предлагаемыя воспоминанія имѣютъ свое значеніе.

Вл. Бурцевъ.

Михаилъ Ивановичъ СОКОЛОВЪ.
(„Медвѣдь“, „Анатолій“, „Петръ Васильевичъ“).

Екатерина Адольфовна ИЗМАЙЛОВИЧЪ.

Е. А. ИЗМАЙЛОВИЧЪ.

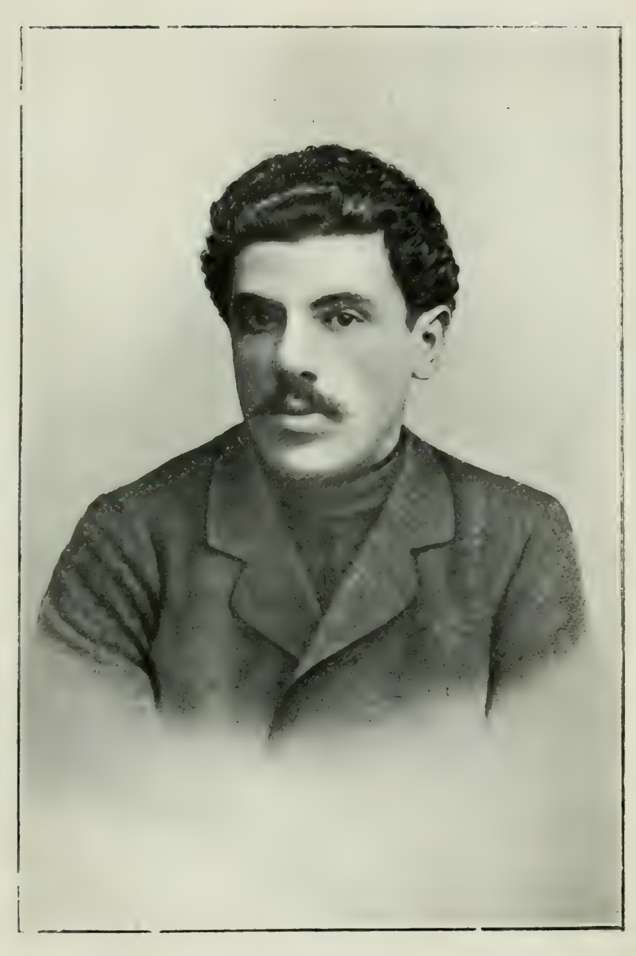
Михаилъ Ивановичъ СОКОЛОВЪ.
(съ карточки 1903 г.)

А. А. ИЗМАЙЛОВИЧЪ.

РОЗА ШАБАДЪ
убита 18 октября 1905 г. во время митинга на Вокзальной площади въ Минскѣ съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ.

М. АЛЬТШУЛЬ.
Арестованъ въ Минскѣ въ лабораторіи послѣ взрыва, которымъ ему оторвало кисть руки.

Н. ПУЛИХОВЪ.

Мои воспоминанія—воспоминанія рядового революціонера, прошедшаго всѣ ступени работы—отъ самой трудной и „черной“ до болѣе „бѣлой“. Они касаются очень многихъ мѣстъ Россіи и очень многихъ личностей, съ которыми приходилось сталкиваться и жить вмѣстѣ. Они касаются и тѣхъ безымянныхъ героевъ, которыхъ въ такомъ количествѣ выдвинули 1905—6 годы.

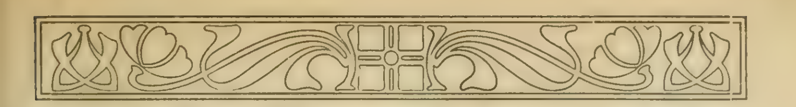
Въ моихъ воспоминаніяхъ имъ принадлежитъ первое слово.

Первое слово тѣмъ, кого врагъ трудового народа преслѣдуетъ, какъ разбойниковъ и грабителей, и о комъ даже „друго-враги“ ихъ говорили и писали такъ много невѣрнаго и извращеннаго.

Первое слово тѣмъ, кто въ дни разгула реакціи, побѣднаго хохота Столыпиновщины, торжества краснаго царя Николая II, полнаго распада всѣхъ революціонныхъ силъ, проповѣди легализма и „малыхъ дѣлъ“,—кто въ эти дни своими дѣйствіями вселялъ увѣренность въ душу живу великаго русскаго народа, въ неизсякаемость его творческихъ и боевыхъ силъ.

Вѣчная память погибшимъ народнымъ героямъ!..

Гр. Нестроевъ.

ГЛАВА I.

Первый годъ моего студенчества совпалъ съ знаменитымъ въ исторіи студенческаго движенія 1899 годомъ, когда безпорядки охватили всѣ университетскіе города, вызвавъ дружное движеніе студенчества и сочувственный откликъ въ обществѣ. Это былъ протестъ противъ избіенія студентовъ 8 февраля въ Петербургѣ. Въ отвѣтъ на такой небывалый еще въ лѣтописяхъ студенческихъ „исторій" фактъ — правительство издало „Временныя правила", одобренныя „великимъ филантропомъ" Николаемъ II, о сдачѣ студентовъ въ солдаты безъ всякихъ льготъ по положенію, условіямъ здоровья и образованію за участіе въ „безпорядкахъ". И первое примѣненіе этихъ драконовскихъ правилъ произошло въ Кіевѣ въ 1900 г.: 183 студента были сданы въ солдаты въ самыя отдаленныя мѣста Сибири и Средней Азіи за то, что они рѣшили заставить двухъ бѣлоподкладочниковъ — кутилъ уйти изъ университета за кражу у кафешантанной пѣвицы золотого кольца. Университетское же начальство рѣшило за такую „продѣлку" посадить ихъ на двое сутокъ въ карцеръ. Это глубоко возмутило общественную честь и совѣсть студенчества и начались безпорядки противъ вмѣшательства властей въ семейныя академическія дѣла студенчества, защищавшаго достоинство университета и студенческія традиціи. Начались безпорядки съ полиціей въ стѣнахъ университета, съ судомъ профессорской коллегіи и жандармовъ и ... сдачей въ солдаты. Послѣдовалъ выстрѣлъ Карповича, явившагося мстителемъ за поруганное достоинство человѣческой личности, за жертвъ произвола. Этотъ выстрѣлъ послужилъ какъ-бы сигналомъ къ всеобщему движенію не только студенчества, но и рабочихъ, которое произошло черезъ нѣсколько дней послѣ

Извѣстный революціонеръ!.. Для меня въ это время революціонеры-практики были невѣдомыми смѣлыми людьми, гдѣ-то и какъ-то борющимися съ правительствомъ царя. Я чтилъ ихъ, какъ святыхъ людей, какъ мучениковъ за народъ, но зналъ ихъ по... Туну.

Революціонеръ! Ничего выше не было для меня этого святого имени! Борецъ, прокладывающій путь къ новому, свѣтлому, но неизвѣстному мнѣ, будущему. Борецъ, безъ страха дѣлающій самое опасное дѣло, стоящій на своемъ посту до послѣдней минуты.

Революціонеръ! Какое магическое это было для насъ слово, для насъ, молодыхъ студентовъ, рвавшихся въ бой съ самодержавіемъ, ненавидѣвшихъ его всей душой!

Въ бой! Но какъ? Какимъ путемъ? Вотъ что роилось въ головѣ, вотъ о чемъ думали мы въ это время, не зная, какъ рѣшить вопросъ. И вдругъ — революціонеръ... извѣстный... Поговорить съ нимъ... Узнать его мнѣніе...

Съ бьющимся сердцемъ и затаеннымъ дыханьемъ я вошелъ въ комнату къ „извѣстному“.. Онъ не слыхалъ, какъ мы зашли, шагая задумчиво по комнатѣ. Когда онъ обернулся и посмотрѣлъ на насъ, я почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха: онъ напоминалъ Мефистофеля: концы бровей приподняты, глаза проникали въ душу, лобъ высокій, голова немного склонена на бокъ, на лицѣ ироническая усмѣшка. Въ теченіе пяти дней, по вечерамъ, мы бесѣдовали на разныя темы. Онъ не старался вліять на насъ, „совратить“ насъ, онъ высказывался лишь тогда, когда мы начинали разговоръ. Это былъ Григорій Андреевичъ Гершуни...

За эти пять вечеровъ онъ продиктовалъ мнѣ, между прочимъ, свой „Разрушенный молъ“ и „реформу Вановскаго“, которые мною были впервые изданы на гектографѣ. Эта встрѣча опредѣлила всю мою дальнѣйшую жизнь, оказала громадное вліяніе на меня въ смыслѣ выработки опредѣленныхъ соціально—революціонныхъ взглядовъ, высказанныхъ имъ вскользъ во время нашихъ мирныхъ бесѣдъ. Хотя я „воспитывался“ на соціаль-демократической литературѣ („Заря“ и „Искра“, многія „экономическія“ изданія, „Рабочее дѣло“, „Рабочая мысль“ и др.), но все это было не по нутру мнѣ, все это зарождало во мнѣ чувство недовѣрія даже въ искренность этихъ соціалистовъ. Еще въ то время, когда партія соціали-

стовъ-революціонеровъ не выдвинула террористическаго метода борьбы, въ началѣ 1900 года, я въ письмахъ къ товарищамъ студентамъ высказывалъ взглядъ, что на удары необходимо отвѣчать ударами въ прямомъ смыслѣ этого слова. Смерть за смерть — это былъ мой лозунгъ. И я называлъ себя анархистомъ. Понятно, что пропаганда экономической борьбы исключительно, мысли, что всякая экономическая борьба есть уже борьба политическая не находили отклика въ моей душѣ. Я мечталъ о борьбѣ другой, съ оружіемъ въ рукахъ, на улицѣ, представляя себѣ, что побѣда въ открытомъ столкновеніи съ городовыми, казаками, что битье стеколъ въ субсидируемыхъ правительствомъ редакціяхъ, что демонстраціи, манифестаціи *на мѣстахъ*, — что все это наноситъ значительный ущербъ правительству, не только моральный, но и матеріальный. И поэтому „Искра", оправдывавшая такой методъ борьбы, предпочиталась мною другимъ с.-д. изданіямъ. Въ общемъ же чувствовалась постоянная неудовлетворенность: названіе „соціаль-демократъ", которое не связывалось въ моемъ представленіи съ революціонностью, съ смѣлой боевой борьбой; антитеррористическая проповѣдь, начатая с.-д-ми, все болѣе и болѣе отталкивали меня и заставляли крѣпко задумываться: можно ли довѣрять словамъ? не расходится ли у нихъ слово съ дѣломъ? Такъ продолжалось довольно долго, пока я не прочиталъ „Историческихъ писемъ" Миртова, первую книгу „Вѣстника Русской Революціи", лучшія статьи Михайловскаго, Туна „Исторію революціоннаго движенія въ Россіи" и Степняка „Подпольную Россію". Это было то, чего я безсознательно искалъ. Какъ легко я сдѣлался ихъ ученикомъ! Никакихъ сомнѣній, какъ будто я давно все это зналъ. И когда я годъ спустя встрѣтился вновь съ Г. Гершуни, я былъ уже с-ромъ и онъ „пустилъ меня въ революцію", ввелъ въ партію соціалистовъ-революціонеровъ.

Я съ любовью теперь вспоминаю о томъ, кто далъ мнѣ возможность практически пойти по пути къ правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости.

* * *

Въ началѣ 1902 года я былъ впервые арестованъ. Въ тюрьмѣ я подводилъ итоги всему видѣнному, слышанному и подвергалъ критикѣ все пережитое.

Я пытался набросать характеристику студенчества того періода, но въ самомъ же началѣ натолкнулся на очень интересное и, повидимому, сложное явленіе. Я зналъ почти всѣхъ активныхъ участниковъ студенческаго движенія въ Харьковѣ. Я зналъ, что большинство изъ нихъ сторонники революціонныхъ методовъ борьбы, не боявшіеся ни увольненія, ни солдатчины, ни тюрьмы. Но я также зналъ, что многіе изъ нихъ, въ дни затишья, проводили время такъ, какъ могла проводить лишь „золотая молодежь", т. е. за картами, билліардомъ, и виномъ. Я зналъ цѣлую группу ярыхъ революціонеровъ, которыхъ я бы назвалъ „руками" студенческихъ забастовокъ, въ дни борьбы проводившихъ обструкцію и освистывавшихъ черносотенныхъ профессоровъ, а въ дни спокойнаго теченія академической жизни способныхъ играть на билліардѣ по 18 часовъ въ сутки, а за картами просиживать ночи напролетъ.

Что это за молодежь? Что можно ожидать отъ подобныхъ личностей, способныхъ вершать дѣла великія съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и дѣла далеко несимпатичныя?

Что можно ожидать? я вспомнилъ очень интересный случай, имѣвшій мѣсто въ Харьковѣ во время февральской демонстраціи 1901 года. Когда казаки, предварительно избивъ демонстрантовъ, забрали ихъ въ полицію, пять случайно не попавшихъ въ цѣпь студентовъ, среди которыхъ былъ, между прочимъ, и технологъ Киріенко (б. депутатъ второй Госуд. Думы, членъ с.-д-ой фракціи, сосланный на каторгу) отправились къ полиціймейстеру заявить, что они, случайно не попавъ въ число арестованныхъ, желаютъ раздѣлить ихъ участь.

Исполнить это примитивно-трогательное пониманіе товарищеской солидарности не удалось, такъ какъ одинъ изъ арестованныхъ, замѣтивъ пришедшихъ, „посовѣтовалъ" имъ попытаться устроить еще одну демонстрацію, а не „сдаваться задаромъ". Они отправились, но было уже поздно: демонстрація была въ полномъ разгарѣ. За часъ, проведенный ими въ полиціи, стихійно организовался протестъ рабочихъ и студентовъ, протестъ грандіозный, невиданный еще въ Харьковѣ. Могучая пѣснь „Дубинушки" раздавалась на двухъ углахъ противъ театра, а казаки свирѣпо лишь смотрѣли на дерзкихъ и не знали, что предпринять.

Еще много другихъ фактовъ, рисующихъ обликъ этой части передового студенчества съ идеально-чистой стороны, припоминалъ я, сидя въ одиночной камерѣ. И приходилось думать, что двѣ души живутъ въ каждомъ человѣкѣ.

Не разрѣшивъ этого вопроса, я взялся за критическій пересмотръ своего личнаго міросозерцанія.

Кто я? соціалистъ-революціонеръ или соціалъ-демократъ?

Соціалистомъ я былъ давно до ареста. Ненавидя насиліе, я ненавидѣлъ и неравенство, инстинктивно не терпѣлъ богачей и косился на студентовъ-бѣлоподкладочниковъ, на „прилизанныхъ" студентовъ въ воротничкахъ. Это чувство не поддавалось никакому учету, никакому опредѣленію. Въ то же время всѣ мои симпатіи были на сторонѣ бѣдноты, измученной работой, униженной сильными. И я чутко прислушивался къ тому, что происходило въ рабочей средѣ. Я видѣлъ какъ подъ вліяніемъ фактовъ жизни росло недовольство и возмущеніе рабочихъ, какъ поддерживали они студентовъ, какъ реагировали на всѣ событія и какъ относились къ власть имущимъ,—и у меня являлся вопросъ: въ чемъ причина этого? Я видѣлъ празднованіе 1-го мая въ Харьковѣ въ 1900 году,—и у меня явился новый вопросъ: почему, для чего? Читая прокламаціи съ требованіями отмѣны сверхъурочныхъ работъ, сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы, читая брошюры и изучая полит. экономію я знакомился съ жизнью рабочаго, его страданіями и желаніями, выяснялъ себѣ причины протеста, причины рабочаго движенія и ту цѣль, къ которой стремились организованные рабочіе этого періода.

Программой моей сдѣлался соціализмъ, соціализмъ, какъ этически должное.

Въ тюрьмѣ я успѣлъ разобраться во многихъ вопросахъ, и прежде всего—въ вопросѣ о роли студенчества въ революціи. Дѣйствительно ли оно—сила, имѣетъ ли значеніе его протестъ, или его выступленіе—напрасная трата молодыхъ жизней и энергіи? Я вспоминалъ рѣчи студентовъ-марксистовъ о студенчествѣ во время безпорядковъ 1899 года.

Вѣрна ли эта теорія—теорія марксизма съ ея „естественнымъ ходомъ вещей", презрительнымъ отношеніемъ къ революціонной иниціативѣ и ея вѣрой во всемогущество классовой борьбы фабрично-заводскаго пролетаріата, теорія, сводящая

роль студенчества въ борьбѣ за лучшее будущее къ нулю? Я видѣлъ воочію вліяніе студенческаго протеста на общество, ту роль, будирующую стоячее болото русской жизни, которую оно сыграло. Я видѣлъ, какъ реагировало правительство на студенческія демонстраціи. Значитъ оно боится ихъ, боится ихъ агитаціоннаго значенія. Что же это за теорія, которая не считается съ фактами жизни? Такая теорія мертва...

Отношеніе с. д. къ студенчеству и было тѣмъ первымъ пунктомъ, въ которомъ я рѣзко разошелся со студентами, стоявшими на точкѣ зрѣнія соціалъ-демократическаго „экономизма", и примкнулъ къ тѣмъ, кто, не опирась на догмы, не закрывалъ глазъ на дѣйствительность.

Прямо отсюда я перешелъ къ вопросу о роли революціонно-соціалистической интеллигенціи. Сведеніе ея значенія къ нулю казалось мнѣ совершенно непонятнымъ. Исторію „Народной Воли" я зналъ, правда, по Туну, но и этого было достаточно, чтобы примкнуть къ тѣмъ, кто рѣшалъ о великомъ значеніи этой внѣ-классовой группы, спаянной лишь мотивами идеологическими. Трагическая судьба „Народной Воли" ярко доказала мнѣ, что, предоставленная самой себѣ, революціонно-соціалистическая интеллигенція не можетъ побѣдить вѣкового врага народа—царизма. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ ея quantité négligeable. Можетъ ли пролетріатъ безъ нея обойтись? Кто является создателемъ теорій, партій, союзовъ? Кто—пропагандисты, агитаторы, лекторы, референты? Интелегенція и студенчество. Слѣдовательно, и какъ внѣ-классовая группа, и какъ сумма отдѣльныхъ индивидовъ, она—крупная величина.

Мнѣ казалось смѣшнымъ рѣшать для отвѣта на вопросъ о роли личности, что раньше—среда или личность.

Это было для меня верченіемъ бѣлки въ колесѣ. Я бралъ личность въ извѣстной обстановкѣ и ставилъ вопросъ: можетъ ли она своими дѣйствіями влiять на измѣненіе среды. И бомба Гриневецкаго, явившаяся причиной крутого поворота къ политикѣ Александра III, и пуля Карповича—причина эры сердечнаго попеченія—были для меня двумя примѣрами этого вліянія. Рѣшать же, что создало тѣ условія, которыя толкнули ихъ на этотъ шагъ, означало бы искать начало всѣхъ началъ. Это былъ вопросъ академическій, которымъ мы въ тотъ періодъ не имѣли времени интересоваться. Въ

тюрьмѣ же я попытался разобраться въ теоріи „естественнаго хода вещей“. Что это такое? Не нужно ли полагать, что и безъ людей все было бы, какъ теперь, подъ вліяніемъ какихъ то внутреннихъ причинъ, появляющихся и дѣйствующихъ независимо отъ участія людей? Или это означаетъ лишь, что созданныя человѣкомъ силы, разъ появившись, дѣйствуютъ ужъ потомъ по своимъ собственнымъ законамъ, даже вопреки желанію людей, во вредъ имъ. Первое предположеніе, приводящее къ квіетизму, къ апатіи, къ самодовольству, я отрицалъ всѣми силами души. И защитниковъ этого взгляда, послѣдовательныхъ марксистовъ, я не могъ иначе называть, какъ „научными реакціонерами“. А такіе въ то время были въ студенческой средѣ. Послѣдователи второго толкованія матеріалистически-экономическаго ученія, какъ удалось мнѣ подмѣтить, были болѣе революціонно настроены. И ихъ точка зрѣнія на „естественно-историческій процессъ“ близко подходила къ моей въ томъ смыслѣ, что для нихъ главнымъ двигателемъ исторіи являлась личность *въ конечномъ счетѣ*.

Чѣмъ больше я задумывался надъ вопросами соціализма, надъ вопросами программными и тактическими, тѣмъ болѣе я сознавалъ свою близость къ соціалистамъ-революціонерамъ. Вспоминая горячіе споры студентовъ объ „экономизмѣ“ и „политикѣ“, я недоумѣвалъ по поводу непониманія „самыхъ простыхъ вещей“ — какъ возможно завоеваніе соціализма путемъ стачекъ; такая „тупость“ вселяла лишь злобу противъ тѣхъ, кто запутывалъ „такой ясный вопросъ“. Вопросъ о пролетаріатѣ и крестьянствѣ въ то время еще не былъ такъ рѣзко поставленъ, но и тогда я ужъ чутьемъ понималъ, что истина на сторонѣ защитниковъ крестьянства. Правда, я не зналъ совершенно ни его жизни, ни его нравовъ, ни правосознанія. Зналъ лишь я о его бѣдствіяхъ, голодовкахъ, невыносимомъ экономическомъ положеніи. Но меня подкупало то, что почти всѣ изслѣдованія русской деревни, съ которыми приходилось знакомиться, принадлежали перу народника или соціалиста-революціонера; и ихъ выводы, думалъ я, выводы людей лучше знакомыхъ съ крестьянствомъ и поэтому болѣе правдивыхъ и близкихъ къ истинѣ.

Съ такими взглядами я по выходѣ изъ тюрьмы, приступилъ къ непосредственному практическому ознакомленію съ новымъ для меня міромъ.

ГЛАВА II.

Въ концѣ 1902 акад. г., когда студенчество совершенно извѣрилось въ чисто академическое движенiе и окончательно избрало другой путь — путь революцiонной, путь политической борьбы, очень живо дебатировался въ разныхъ студенческихъ группахъ вопросъ тактическiй, который почти во всѣхъ университетскихъ городахъ рѣшался единообразно лишь передовымъ студенчествомъ, масса же, вмѣсто отстаиванiя чистаго академизма, колебалась. И колеблющiеся, нерѣшительные вдругъ взяли перевѣсъ надъ „политиками" послѣ вмѣшательства въ движенiе генерала Ванoвскаго съ его „сердечнымъ попеченiемъ" о молодежи. Наступила эра „сладостныхъ ожиданiй" для той части, которая плелась въ хвостѣ движенiя, но которая представляла большинство студенчества. Поэтому 1901-2 учебный годъ не явилътого единодушiя, которое наблюдалось раньше. Этотъ годъ, судя по событiямъ,имѣвшимъ мѣсто во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, можно считать борьбой передового студенчества не съ правительствомъ, а съ „академической" частью студенчества, силившейся удержать движенiе въ стѣнахъ учебнаго заведенiя и не понявшей еще глубокой связи между интересами академическими и общественными. Другой характерной чертой движенiя этого перiода была его мѣстная изолированность, раздробленность, такъ что представленiе объ общемъ положенiи дѣлъ отсутствовало у участниковъ мѣстнаго движенiя. И вотъ въ моментъ такого то хаоса состоялся студенческiй съѣздъ, опубликовавшiй „Манифестъ всероссiйскаго студенческаго съѣзда", явившiйся той каплей, которая довершила стихiйно начавшееся распаденiе обще-студенческихъ организацiй, не удовлетворявшихъ уже запросамъ движенiя и не могущихъ примирить намѣтившiяся въ ихъ нѣдрахъ идеологiи. Всѣ организацiи прежнихъ лѣтъ, преслѣдовавшiя задачи объединенiя студенчества на почвѣ землячествъ и другихъ подобныхъ имъ группъ, цѣлью которыхъ была и взаимопомощь, и подготовка борцовъ за общечеловѣческiе идеалы, и выработка общественныхъ дѣятелей, — всѣ эти организацiи по содержанiю и цѣли не соотвѣтствовали вновь народившейся потребности группировокъ и народившимся настроенiю и стремленiю той части, которая была организована въ эти земля-

чества. Съ этого періода начинается ихъ быстрый распадъ, а слѣдовательно и распадъ объединяющихъ ихъ учрежденій. Лучшимъ подтвержденіемъ негодности этихъ отжившихъ, но еще влачившихъ жалкое существованіе учрежденій, служитъ та поразительная неосвѣдомленность однихъ о другихъ, которая такъ сильно вліяла на разбросанность, непланомѣрность и неединодущіе движенія, что въ свою очередь понижало настроеніе, боевой духъ и вызывало недовольство *всѣмъ* студенчествомъ.

Съѣздъ констатировалъ, что „студенческое движеніе есть движеніе политическое", своими корнями глубоко лежащее въ современномъ общественномъ строѣ Россіи и что борьба за права студенчества неизбѣжно является борьбою противъ правительства, но что „не вся масса студенчества вполнѣ ясно представляетъ себѣ" роковую неизбѣжность такой эволюціи; поэтому „съѣздъ находитъ, что выясненіе вопроса можетъ и должно вестись въ формѣ пропаганды среди студенчества". „Констатируя фактъ совмѣстныхъ дѣйствій за послѣднее время студентовъ и рабочихъ" въ борьбѣ за политическую свободу, „съѣздъ находитъ желательнымъ возможно широкую пропаганду соціалистическихъ идей среди студентовъ", а для достиженія этой цѣли — учрежденіе при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ постоянныхъ организаціонныхъ комитетовъ, состоящихъ въ сношеніяхъ съ мѣстными комитетами Р. С.-Д. Р. П.

Третій пунктъ этого манифеста нашелъ „не менѣе полезнымъ средствомъ для достиженія вышеуказанной цѣли" изданіе нелегальнаго обще-студенческаго органа, посвященнаго выясненію вопросовъ общественной и, въ частности, студенческой жизни.

По вопросу о тактикѣ студенчества съѣздъ оставилъ въ силѣ примѣненіе забастовки и обструкціи и выдвинулъ на первый планъ демонстраціи.

Съѣздъ высказался за учрежденіе обще-студенческаго секретаріата, который-бы установилъ правильныя сношенія между отдѣльными организаціями и издавалъ органъ. Созывъ слѣдующаго съѣзда съ указаніемъ мѣста и времени предоставленъ былъ секретаріату.

Въ средѣ той части студенчества, къ которой принадлежалъ и я, начались дебаты по поводу этихъ резолюцій. Отно-

шеніе къ съѣзду намѣтилось разное, но превалирующимъ было отношеніе глубоко отрицательное. Высказывалось мнѣніе, что съѣздъ явился слѣдствіемъ частной иниціативы, совершенно изолированной отъ обще-студенческаго движенія, что резолюціи ничего новаго не внесли въ общественную мысль студенчества, что съѣздъ состоялъ не изъ студентовъ, представителей студенческихъ организацій, а изъ партійныхъ с.-д-овъ. Какъ бы то ни было, но вѣрнымъ оказалось то, что съѣздъ и его постановленія оказались мертворожденными: ни одно изъ нихъ не было осуществлено. Лишь мысль манифеста объ изданіи студенческаго органа, мысль, дѣйствительно широко бродившая въ студенчествѣ, брошенная въ широкія массы, нашла своихъ исполнителей. Но не потому, что необходимость органа призналъ съѣздъ. Нѣтъ! Факты движенія ярче всего, всякихъ постановленій указывали на необходимость единаго органа, единой организаціи, задача которой - вносить планомѣрность въ движеніе, бороться съ отдѣльными вспышками, связать разложенныя студенческія организаціи и распространять идеи соціализма въ средѣ тѣхъ, изъ рядовъ которыхъ вербуются всѣми партіями пропагандисты, агитаторы, ораторы...

Въ одномъ провинціальномъ городѣ, куда волею „просвѣщеннаго" Вановскаго собрались уволенные студенты многихъ высшихъ учебныхъ заведеній и разныхъ городовъ, зародилась мысль о созданіи той иниціативной группы, которая немедленно взялась бы за реализацію постановленій съѣзда. Помнится, на первомъ же собраніи высказано было предположеніе, что это предпріятіе можетъ столкнуться съ другимъ, подобнымъ же, исходящимъ изъ среды участниковъ съѣзда. Но это предположеніе, никѣмъ не поддержанное, скоро было забыто. Поднятый вопросъ о направленіи газеты рѣшился въ смыслѣ ея безпартійности. За исключеніемъ одного всѣ согласились и съ этимъ, и съ тѣмъ, что она должна проповѣдывать непримиримо-революціонную борьбу съ правительствомъ. Цѣль органа — сплоченіе вокругъ себя не только все оппозиціонное и революціонное, но и соціалистическое студ-во, для чего необходимо было найти такое *академическое* требованіе, волновавшее студенчество, которое можно было бы легко и для всѣхъ ясно связать съ необходимостью уничтожить современный капиталистическій строй. И это требованіе было

найдено: свобода образованія, свобода въ смыслѣ общедоступности не только юридической, но и фактической. Ибо не можетъ быть рѣчи о свободѣ образованія тамъ, гдѣ большинство населенія, рабочій классъ, вынужденъ посылать дѣтей на фабрику вмѣсто школы. Строй, который для своего развитія нуждается въ дѣтскомъ трудѣ, не даетъ мѣста свободѣ образованія; иначе — строй капиталистическій, будь то монархія или демократія, несовмѣстимъ съ свободой образованія.

Когда я, встрѣтившись въ Женевѣ, во время печатанія перваго номера „Студента", съ „бабушкой" (Е. Брешковская), передалъ ей цѣль органа, она, привѣтствуя эту попытку, усумнилась однако въ возможности найти такую позицію въ вопросахъ студенческаго движенія, съ которой можно было бы вести внѣ-партійную проповѣдь соціализма. Выслушавъ точку зрѣнія, по которой свобода преподаванія и свобода образованія возможны лишь при полномъ экономическомъ равенствѣ, „бабушка" удивилась „изобрѣтательности" редакціи, сказала, что это, пожалуй, можетъ быть исходной точкой пропаганды, и прибавила: „молодежь нынче пошла бѣдовая, хорошая... Попытка ваша симпатичная... Но врядъ ли вамъ удастся сплотить студентовъ-соціалистовъ воедино..." И „бабушка" оказалась права.

Пунктъ о сплоченіи соціалистическаго студенчества вокругъ органа встрѣченъ былъ ярой критикой и нападками многихъ студентовъ с.-д., незадолго передъ этимъ отстаивавшихъ борьбу всего студенчества подъ знаменемъ с.-д-іи. Но объ этомъ ниже.

Чтобы журналъ могъ откликаться на всѣ явленія студенческой жизни, чтобы онъ затрагивалъ всѣ злободневные вопросы какъ чисто академическаго, такъ и политическаго характера, чтобы своевременно давать на все это отвѣты, чтобы чувствовалась живая связь органа со всѣмъ студенчествомъ, рѣшено было издавать органъ въ Россіи. Но насущной задачей своей группа считала созывъ новаго съѣзда для выбора редакціи обще-студенческаго органа, беря на себя пока лишь подготовительныя работы по изданію — сношеніе съ типографіей, выясненіе условій, раздобываніе средствъ, заготовленіе статей и т. д.

Приблизительно въ октябрѣ 1902 г. Одесскій Союзный Совѣтъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ делегата къ иници-

аторамъ дѣла съ запросомъ: намѣрены ли они исполнить постановленіе нашего перваго собранія, совпавшее съ постановленіемъ Одесскаго С. Совѣта о необходимости въ данный періодъ студенческой борьбы *безпартійнаго* студ. органа съ широкой обще-политической платформой. Если да, то Союзный Совѣтъ окажетъ имъ свое содѣйствіе. Это обѣщаніе было уже чѣмъ то реальнымъ. Мы ощутили подъ собой почву. Передовая статья новаго органа не вызвала дебатовъ въ средѣ редакціи, была принята и Одесскимъ делегатомъ. Тутъ же было рѣшено организовать съѣздъ въ декабрѣ 1902 г., къ которому долженъ быть готовъ первый номеръ журнала. Вслѣдствіе провала типографіи, обѣщавшей напечатать первый номеръ, приходилось искать другую.

Я направился въ Кіевъ. Здѣсь надѣялся я раздобыть связи со всѣми другими университетскими городами. Имѣя адресъ лишь одного студента с.-д., я пытался связаться съ Союзнымъ Совѣтомъ и Организаціоннымъ Комитетомъ и узнать ихъ взглядъ на наше предпріятіе. Для насъ, взявшихся за изданіе органа, было важно мнѣніе кіевлянъ, застрѣльщиковъ почти во всѣхъ студенческихъ „исторіяхъ", у которыхъ движеніе протекало организованнѣе и планомѣрнѣе, чѣмъ повсюду. Мы смотрѣли на Кіевъ какъ на мѣсто, гдѣ студенчество болѣе всего революціонизировано и гдѣ оно почти первое признало необходимость перехода на путь революціонной борьбы.

Въ это время Кіевскій С. Совѣтъ объединенныхъ землячествъ и организацій и Орг. Ком. Кіевскаго Политехн. Института выпустили свое „открытое письмо С. С. и Орг. К-амъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи", въ которомъ указываютъ, что „студенчество, какъ таковое, не можетъ примыкать всецѣло ни къ партіи с.-р., ни къ с.-д.-ой", ибо оно „представляетъ изъ себя источникъ, изъ котораго вербуютъ себѣ членовъ, какъ обѣ указанныя партіи, такъ и другія революціонныя организаціи и группы". „Руководствуясь подобными соображеніями, Кіевск. С. С. и Орг. К. единогласно постановили предложить болѣе широкое толкованіе параграфа II Манифеста Вс. Ст. С. въ томъ смыслѣ, что студенчество, выражая сочувствіе всѣмъ дѣйствующимъ въ Россіи революціоннымъ организаціямъ и будучи проникнуто сознаніемъ необходимости возможно широкой пропаганды

соціально-революціонныхъ идей въ средѣ учащейся молодежи—находитъ желательнымъ, чтобы С. Совѣты и Орг. К. входили въ сношенія съ мѣстными комитетами дѣйствующихъ партій, независимо отъ фракціонныхъ различій".

Противъ подобнаго выступленія С. С. поднялся походъ студентовъ с.-д-овъ. И такъ какъ въ это время и университетъ, и институтъ были спокойны и выжидали, то поднявшаяся полемика всецѣло захватила студенчество, разбившееся на двѣ неравномѣрныя части: 1) с.-д-овъ и 2) с.-р-овъ со всѣми безпартійными революціонерами, оппозиціонерами и просто безпристрастно мыслящими. С.-д-ты нападали на с.-р-ій Союзный Совѣтъ, доказывая, что студенчество въ цѣломъ *можетъ* быть связано лишь съ одной частью соціалистовъ, а *должно* быть связано съ с.-д-ами, единственными выразителями интересовъ рабочихъ, съ которыми студенчество идетъ теперь рука объ руку.

Явившись къ студенту, къ которому у меня была явка, и изложивъ ему суть нашего предпріятія и цѣль пріѣзда, я былъ сразу огорошенъ: „Зачѣмъ вамъ органъ? Студенчество, какъ таковое, не имѣетъ идеаловъ. Они имѣются лишь у т. наз. передового студенчества. А теперешнее передовое студенчество, революціонное, можетъ имѣть значеніе лишь соединившись съ обще-революціонной орг., вѣрнѣе съ организаціей пролетаріата. Составивъ одно цѣлое съ с.-д., оно не нуждается въ особыхъ органахъ: органы с.-д-іе, пролетарскіе—суть органы студенчества. Лишь ихъ студенты должны читать, съ ними знакомиться, а не затѣвать никчѣмное предпріятіе".

Огорошенный такимъ пріемомъ, я отправился къ своимъ знакомымъ, сильно „сконфуженный". Неужели, думалъ я, всѣ таковы? Я ошибся. Члены Союзнаго Совѣта, къ которымъ меня отправили, очень серьезно отнеслись къ нашему предпріятію, нашли вполнѣ своевременнымъ выступленіе съ обще-студенченческимъ революціоннымъ органомъ, обѣщали свое содѣйствіе и въ матеріальномъ отношеніи, и въ смыслѣ распространенія этой идеи, признали пріемлемымъ попытку сплоченія студенчества въ цѣломъ вокругъ академически-соціалистической точки зрѣнія о недоступности общаго образованія въ строѣ капиталистическомъ, нашли необходимымъ созывъ студенческаго съѣзда, про-

грамма котораго была выработана редакціей „Студента". Передавъ ее на обсужденіе Кіевскаго организованнаго студенчества, я долженъ былъ отправиться дальше, но... не могъ достать связей: ни Кіевскій С. С., ни Организаціонный Комитетъ не могли мнѣ помочь—такъ велика была изолированность одного города отъ другого. Помогла мнѣ простая случайность. Зайдя къ одному изъ своихъ знакомыхъ студентовъ, я встрѣтилъ тамъ Григорія Андреевича Гершуни, который своими партійными связями оказалъ существенную помощь дѣлу созданія органа и организаціи третьяго обще-студенческаго съѣзда.

Получивъ отъ него Харьковскія и Петербургскія явки, я направился въ Харьковъ, гдѣ Союзный Совѣтъ совершенно равнодушно отнесся и къ „затѣѣ", хотя и обѣщалъ послать своего делегата, и къ программѣ, въ которую, между прочимъ, были включены такіе пункты, какъ зависимость студенческаго движенія отъ капиталистическаго развитія Россіи, вліяніе капитализма на перемѣну содержанія движенія, зависимость дифференціаціи въ средѣ студенчества отъ промышленнаго развитія страны и т.д. Въ Москвѣ, не смотря на сильные розыски, такъ и не удалось никого найти, въ Петербургѣ удалось войти въ переговоры съ двумя студенческими организаціями, которыя сочувственно отнеслись къ этому дѣлу; въ Ригѣ программа вызвала оживленные дебаты между членами Организаціоннаго Комитета; въ Юрьевѣ обѣщали сдѣлать все для прибытія на съѣздъ, а въ Варшавѣ мало интересовались русскими дѣлами вообще и дѣлами русскаго студенчества въ частности.

Съѣздъ этотъ, назначенный въ одномъ изъ южныхъ городовъ, не состоялся. Явились лишь представители редакціи „Студента", два кіевскихъ делегата и одинъ рижскій. Рѣшено было отложить созывъ съѣзда на февраль 1903 г. и предложить Кіевскому Союзному Совѣту привести въ исполненіе это постановленіе. Но общая апатія, которая охватила въ это время студенчество, оказала свое дѣйствіе. То постыдное равнодушіе, которое присуще широкимъ массамъ послѣ пораженія, захватило въ свои цѣпкія лапы и студенчество, впавшее въ уныніе послѣ нѣсколькихъ лѣтъ непрерывной борьбы, потери самыхъ лучшихъ своихъ борцовъ, разстройства всѣхъ старыхъ организацій, отжившихъ къ этому

времени свой вѣкъ, и отсутствія новыхъ, могущихъ взять на себя дѣло сплоченія всего передового студенчества для общей, сознательной и планомѣрной борьбы противъ насилія и произвола. Для иниціаторовъ съѣзда стало выясняться общее настроеніе студенчества начала 1903 г. и, поэтому, они тѣмъ энергичнѣе рѣшили дѣйствовать, чтобы во что бы то ни стало создать тотъ центръ, который могъ бы взять на себя эту задачу.

Собравшіеся въ Кіевѣ делегаты Новор. С. С., „Студента", Кіевскаго С. С. и Орг. Ком. рѣшили въ виду такой неудачи организовать пока выпускъ перваго номера обще-студенческаго органа.

Типографія „Южной революціонной группы с-д-овъ", взявшаяся выпустить первый номеръ и получившая уже 200 руб., заявила, что она не можетъ выполнить обязательствъ вслѣдствіе яко-бы ареста типографіи и всѣхъ рукописей. Приходилось перенести печатаніе заграницу, что немедленно и было исполнено. Одинъ сочувствовавшій этому дѣлу либералъ далъ для этого предпріятія денегъ и въ среднихъ числахъ марта я уже былъ въ Женевѣ.

——

Я очутился въ совершенно новомъ для меня мірѣ, среди главныхъ дѣятелей русскаго соц.-револ. движенія. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я знакомился съ новыми для меня лицами, съ новой для меня обстановкой. Я бывалъ не только въ с-р-ихъ кругахъ, но и въ с-д-ихъ, желая поближе узнать тѣхъ, кто распоряжается не только судьбами русской революціи, но и судьбами отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ. Меня интересовала не только теорія той и другой соц.-революціонной фракціи, не только формы полемики, которая у с-д. была и грубо неприличной, и, временами, остроумной и безпощадно-жестокой, но и личности, ихъ жизнь, ихъ психологія, нравы и привычки. Въ Россіи я относился къ нимъ, какъ къ людямъ высокой нравственности, и полагалъ, что и въ личной ихъ жизни они такъ же чисты и высоки, какъ и въ революціонной. Ибо представленіе о нихъ я имѣлъ теоретическое. Желябовъ, Перовская, Лизогубъ и Халтуринъ — вотъ кто носился предо мною, вотъ съ кѣмъ я сравнивалъ всякаго революціонера. Съ такой мѣркой я въ то время подходилъ ко

всѣмъ партійнымъ личностямъ. Но, познакомившись поближе съ партійными людьми заграницей, я внесъ коррективъ въ свой „примитивный“ взглядъ.

Я понялъ прежде всего, что мое представленіе о революціонерахъ не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Я увидѣлъ предъ собой очень много хорошихъ и преданныхъ дѣлу революціи людей, но далеко не святыхъ и не героевъ. Въ большинствѣ это были люди со всѣми человѣческими слабостями и желаніями, подчасъ съ мелкимъ самолюбіемъ и самомнѣніемъ, качества, которыя сильнѣе всего проявляются, какъ я думалъ, у революціонеровъ-эмигрантовъ и менѣе всего у революціонеровъ, дѣйствующихъ въ Россіи. Но было много и такихъ, которые укрѣпляли меня въ томъ, что живъ еще революціонеръ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, живъ еще его духъ не только въ средѣ соціалистовъ-революціонеровъ, но и въ средѣ *рядовыхъ* соціаль-демократовъ. Только рядовыхъ! И одной изъ причинъ роста партіи соціалистовъ-революціонеровъ было то, что въ ней такого дѣленія не существовало. „Генералы„ соціалистовъ-революціонеровъ *въ то время* ничѣмъ почти не отличались отъ офицеровъ и солдатъ с-р-ой арміи: скромность и истинно товарищеское другъ къ другу отношеніе — вотъ что привлекало и манило къ себѣ молодежь. Ни заносчивости, ни гордости... Слова и проповѣдь с.-р. совпадали съ дѣломъ. Личная жизнь с.-р-ихъ вожаковъ и ихъ жизнь общественная вытекали изъ признаваемыхъ ими принциповъ. И когда это становилось извѣстнымъ въ далекихъ углахъ Россіи, когда пропагандисты и агитаторы, побывавъ заграницей, разсказывали о жизни вождей, — сердца и симпатіи многихъ молодыхъ революціонеровъ всецѣло отдавались этой соціально-революціонной фракціи. Какъ люди, с-ры стояли выше с-д. Это было общее мнѣніе всѣхъ — и молодежи, и „общества“. И этотъ взглядъ складывался даже у тѣхъ, кто никогда не видѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ: исключительно подъ вліяніемъ формы той полемики, которая въ то время велась с-д-ами...

Познакомившись съ однимъ довольно извѣстнымъ с-д-мъ Б., я какъ то завелъ разговоръ объ этой полемикѣ. Б. вдругъ перемѣнился, сдѣлался неузнаваемъ. Оскорбленія за оскорбленіями сыпались изъ его устъ по адресу „враговъ“. И какъ ни высоко ставилъ я его, какъ революціоннаго дѣятеля, но чувство возмущенія не могло не появиться, видя такое от-

ношеніе къ с-р. Изъ всѣхъ его словъ, изъ всей его рѣчи вытекало одно: мы непогрѣшимы, у насъ истина и ни у кого другого. Невольно вспоминалъ я времена испанской инквизиціи и радовался, что прошли ужъ они безвозвратно.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1903 года появился, наконецъ, сильно урѣзанный за недостаткомъ средствъ, первый номеръ „Студента", посвященный памяти С. В. Балмашева. Довольно тощій на видъ, мало интересный, появившійся не во время, въ концѣ учебнаго года, онъ однако былъ сочувственно встрѣченъ тѣми организаціями, которыя ожидали его появленіе. Въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ онъ былъ распространенъ въ довольно большомъ количествѣ экземпляровъ, вызвавъ всевозможнаго рода толки и разговоры; между прочимъ и яко-бы о соціаль-революціонномъ направленіи органа. Этотъ скороспѣлый выводъ былъ сдѣланъ изъ факта посвященія „Студента" памяти С. Балмашева и изъ факта помѣщенія редакціоннаго протеста противъ полемическихъ красотъ „Искры" по дѣлу убійства Сипягина. А между тѣмъ посвященіе было написано *с-д-мъ*, протестъ же принятъ былъ *единогласно* всей редакціей. Болѣе безпристрастные, считая помѣщеніе этихъ статей лишь актомъ справедливаго и здороваго революціоннаго чутья, обратили вниманіе на недостаточную содержательность *перваго* печатнаго обще-студенческаго органа, обѣщавъ все же свое содѣйствіе.

Собранныя мною мнѣнія необходимо было передать въ редакцію. Но въ это время всѣ члены ея принуждены были эмигрировать — приходилось слѣдовать за ними, чтобы установить правильныя сношенія заграничной редакціи со всѣми университетскими городами и выбрать представителей редакціи въ Россіи.

Въ августѣ 1903 года я пріѣхалъ въ Харьковъ для организаціи студенческихъ группъ „Студента", которыя должны были быть революціонными, соціалистическими, но безпартійными. Цѣлый мѣсяцъ бился я надъ созданіемъ хотя-бы одной такой группы, но безуспѣшно. Особенно сильную оппозицію составили студенты соціаль-демократы, точка зрѣнія

которыхъ заключалась въ томъ, что соціализма безпартійнаго быть не можетъ. Всякая проповѣдь соціалистическихъ идей связана съ вопросами тактики, съ вопросами, какъ осуществить соціалистическій строй. Это вызываетъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, освѣщеніе которыхъ возможно лишь съ *партійной* точки зрѣнія. Останавливаться же на полдорогѣ никакая организація не должна, болѣе того — не сможетъ при столкновеніи съ русской дѣйствительностью, Если бы создалась такая организація,говорили они, то скоро тамъ возникнутъ споры и раздоры, которые и разложутъ эту группу. Всѣ указанія на то, что эти организаціи ставятъ себѣ цѣль — пропаганду *идей* соціализма и только, что въ вопросахъ партійной тактики они могутъ быть и несогласны, лишь бы сходились въ вопросахъ тактики обще-студенческой — не приводили ни къ чему. Сильно смущенный этимъ, я отправился въ Кіевъ, гдѣ было рѣшено приступить къ организаціи съѣзда. Мнѣ пришлось присутствовать на двухъ засѣданіяхъ Союзнаго Совѣта, который въ это время былъ въ рукахъ студентовъ соціаль-демократовъ, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія послѣдняго обще-студенческаго съѣзда. Присматриваясь къ членамъ С. С., слушая рѣчи с-д. и соціалистовъ-революціонеровъ, я пришелъ къ заключенію, что послѣдніе могутъ быть и стараются быть болѣе или менѣе безпристрастными. Было время, въ 1902-3 учебномъ году, когда С. С. былъ въ рукахъ с-р. И не смотря на то, что всѣ прокламаціи этого періода писались съ сильнымъ оттѣнкомъ соціаль-революціонизма, все же никто не распространялъ взглядовъ, что Союзный Совѣтъ, какъ представитель всѣхъ студенческихъ организацій, долженъ принять программу соціалистовъ-революціонеровъ, что лишь эта программа истинна, вѣрна, непогрѣшима. Эта соціаль-дамократическая узость, нетерпимость, самоувѣренность непріятно дѣйствовали на студенчество и это было одной изъ тѣхъ причинъ, которыя способствовали внѣдренію въ студенческія массы идей соціаль-революціонныхъ.

Событія начала 1903-4 учебнаго года показали на практикѣ, что Союзные Совѣты потеряли все свое значеніе, что они не могутъ ужъ быть руководителями движенія, что нужна новая организація, болѣе стойкая, жизненная. Но никто не могъ опредѣлить ея характеръ. Все говорило за необходимость скорѣйшаго созыва съѣзда, съѣзда компетентнаго, обще-студенческаго.

Я вновь отправился по университетскимъ городамъ и въ концѣ ноября состоялся, наконецъ, съѣздъ, сыгравшій крупную роль въ дѣлѣ пересозданія студенческихъ организацій: онъ призвалъ къ жизни коалиціонное делегатское собраніе, объединенное вопросами тактики, чѣмъ сдѣлалъ излишнимъ выработку С. С. своей программы. Этимъ самымъ онъ внесъ живую струю въ ту атмосферу споровъ и раздоровъ, которая царила въ землячествахъ, этимъ самымъ все было расщеплено на свои составныя части. Существенную роль въ дѣлѣ созданія новаго типа обще-студенческихъ организацій сыгралъ... петербургскій делегатъ, соціаль-демократъ.

Кромѣ этого „съѣздъ постановилъ признать „Студентъ" обще-студенческимъ органомъ, но придать ему характеръ органа непартійнаго, объективно отражающаго настроеніе студенчества, съ обязательнымъ сохраненіемъ „свободной трибуны" и организовать филіальныя отдѣленія редакціи въ Россіи. Въ это время вышелъ уже очень содержательный 2-3 номеръ „Студента", о которомъ говорили, что онъ зараженъ соціаль-демократическимъ духомъ.*) Это и заставило съѣздъ рѣзко подчеркнуть свою позицію. Мнѣ казалось уже тогда, что это постановленіе мертво. Новая организація не нуждалась въ постоянномъ органѣ, ибо она сама была организаціей временной, и поэтому ни с-д-кія, ни с-р-кія группы не оказали „Студенту" помощи *послѣ* съѣзда ни матеріально, ни морально. Не было людей, которые взялись бы за созданіе филіальныхъ отдѣленій, за правильную доставку органа въ Россію. Всѣ шли въ партіи. И пишущій эти строки сейчасъ же послѣ съѣзда отправился туда же. Наступалъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, который втягивалъ въ свой круговоротъ всѣхъ сознательно относившихся къ явленіямъ русской общественной жизни.

ГЛАВА III.

Моя работа на югѣ Россіи совпадаетъ съ періодомъ 1902-4 годовъ. Съ рабочими, ихъ взглядами, стремленіями, пониманіемъ всего происходящаго, отношеніемъ къ партіямъ и правительству я былъ знакомъ теоретически, книжно. Брошюрная

*) См. „Студентъ" № 2—3. „Заявленіе отъ редакціи" и „по поводу движенія въ средней школѣ".

и прокламаціонная литература того періода трактовала о тяжеломъ положеніи рабочаго класса, о необходимости борьбы съ капиталомъ, о необходимости политической свободы. Рабочіе какъ будто откликнулись на этотъ призывъ, какъ будто поняли всю эту проповѣдь и открыто выступили на улицу съ этими требованіями. Организаціи ихъ росли и крѣпли, литература соціалистовъ читалась ими съ интересомъ. Все это я зналъ. Но ихъ психологія, ихъ душа, ихъ *собственныя* мысли и дѣла были мнѣ невѣдомы. Союзъ науки и труда, провозглашенный студентами, обязывалъ „науку" *знать* тѣхъ, кому протягиваешь руку. И я еще студентомъ мечталъ о томъ, какъ пойду въ рабочіе кварталы, какъ буду бесѣдовать съ рабочими, какъ я увижу вплотную ихъ жизнь, жизнь въ домашнемъ кругу, жизнь на фабрикѣ. Но эти мечты осуществились лишь тогда, когда волей Николая II я вынужденъ былъ безвыѣздно прожить въ теченіе года въ одномъ изъ городовъ южной Россіи, гдѣ еще не было организаціи соціалистовъ-революціонеровъ, но гдѣ сравнительно крѣпко осѣли с-д., примыкавшіе по своимъ воззрѣніямъ къ группѣ „Южнаго рабочаго".

Попавъ туда въ моментъ полнаго разгрома группы и ареста почти всѣхъ лучшихъ работниковъ и руководителей мѣстнаго движенія мы, цѣлая группа студентовъ, естественно приняли участіе въ возстановленіи разгромленной организаціи. Въ это время (май 1902 г.) нетерпимость с-д-овъ не была еще такъ велика, чтобы нельзя было ужиться рядомъ съ ними въ тѣхъ городахъ, гдѣ мѣстныя условія не позволяли не только проповѣди террора, но даже проповѣди политической борьбы. Это былъ одинъ изъ тѣхъ угловъ, гдѣ экономизмъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни, чтобы событія 1901 года могли ихъ вырвать. Не пытаясь рѣзко сойти съ проложеннаго до насъ пути, не пытаясь сверху навязать рабочимъ чуждую имъ точку зрѣнія политической борьбы, мы рѣшили удовлетвориться пока „малыми дѣлами" и вступить въ святая святыхъ многихъ изъ насъ — въ *рабочую* организацію. И началъ я съ занятій въ кружкахъ.

Въ маленькой, окнами во дворъ, комнатѣ, при тускломъ свѣтѣ лампочки, собирались поочередно кружки, человѣкъ въ 7-8, послѣ утомительнаго рабочаго дня. Становилось жарко, душно, потъ катилъ градомъ. Я всматривался въ тѣхъ, кто послѣ работы отправлялся слушать пропагандиста, а не отдыхать.

За рѣдкимъ исключеніемъ всѣ были внимательны, на лицахъ не замѣчалось даже печати утомленности, недовольства. Изученіе основъ того, „что долженъ знать и помнить каждый рабочій“, было для нихъ залогомъ крѣпости организаціи. Если подымался споръ, то исключительно программнаго характера, отнюдь не тактическаго. Единственнымъ средствомъ борьбы для нихъ была мѣстная стачка. Почти вся организація состояла изъ мирныхъ ремесленниковъ евреевъ, вѣрившихъ, что соціализмъ уничтожитъ классы, а вмѣстѣ съ ними и нищету, что соціалисты ихъ лучшіе друзья. Вмѣстѣ съ молодыми пропагандистами —интеллигентами, вмѣстѣ съ рабочими всей Россіи они вѣрили, что соціалистъ, стремящійся установить другой экономическій строй, долженъ быть и революціонеромъ; что не тактика, не тѣ или иныя средства борьбы, которыя текучи, а программа и только она характеризуетъ партію и ея истинныя цѣли.

Несмотря на все наше безпристрастіе, эта культурно-соціалистически-экономическая работа продолжалась недолго. Подъ вліяніемъ общероссійскихъ условій, подъ вліяніемъ харьковскихъ и полтавскихъ событій, убійства Сипягина и казни Балмашева мѣнялся и характеръ нашихъ бесѣдъ. Отъ экономизма дѣлался шагъ къ политизму, который окончательно получилъ право гражданства послѣ ростовской стачки рабочихъ, захватившей многія отрасли промышленности и показавшей, что революціонное и политическое настроеніе среди рабочихъ быстро растетъ. Кличъ „да здравствуетъ политическая свобода!“ былъ подхваченъ прежде всего пропагандистами-интеллигентами и постепенно передавался черезъ организованные кружки въ рабочую среду, гдѣ шли уже толки на эту тему. Въ это время никто не отдавалъ себѣ отчета въ возможности разныхъ степеней этой свободы, въ которую вкладывалась анархически-индивидуалистическая сущность, какъ и во *всѣ* туманные термины, употреблявшіеся въ то время. Съ энтузіазмомъ, глубокой вѣрой въ свою правоту начали мы проповѣдывать необходимость „свободъ“ для борьбы за соціализмъ, необходимость новой тактики, устарѣлость „испытаннаго боевого оружія пролетаріевъ всего міра“ — стачки. Понемногу рабочіе были сдвинуты съ той мертвой точки, на которой мы ихъ застали въ серединѣ 1902 года, и они даже начали интересоваться вопросомъ террора. Въ цѣляхъ противодѣйствія увле-

ченію массъ этимъ ,,опаснымъ''методомъ борьбы,явилась необходимость въ критикѣ его со стороны с-д. на собраніяхъ наиболѣе развитыхъ и сознательныхъ рабочихъ, черезъ которыхъ критика эта передавалась въ массу. Мнѣ казалось въ то время, что моя защита террора не оказываетъ никакого вліянія на рабочихъ и не имѣетъ приверженцевъ среди тѣхъ, кто воспитывался на идеяхъ соціаль-демократическаго экономизма. Правда, я аппелировалъ къ теоріи „естественно-исторической необходимости“, чтобы сокрушить всѣ нападки с-д-овъ, доказывалъ, что появленіе, какъ стихійнаго, неорганизованнаго террора, такъ и организованнаго, партійнаго, есть слѣдствіе естественнаго хода вещей, явленіе положительное, и что борьба противъ него — борьба противъ естественнаго хода историческаго развитія, стремленіе повернуть назадъ колесо исторіи, стремленіе реакціонное; что если бы удалось остановить начавшійся разливъ террористической борьбы, то этимъ самымъ доказали бы, что исторія — слѣдствіе не какихъ то внѣ насъ лежащихъ силъ, а слѣдствіе человѣческой работы, усилій, желаній и стремленій, т. е. они опровергли бы свою собственную „научную“ теорію экономическаго матеріализма. Но презрительныя улыбки, которыми встрѣчали мою „ересь“, сильно колебали мою увѣренность въ неопровержимость моихъ доводовъ, а главное въ то, что они поняты. Лишь черезъ 4 ½ года я узналъ, что моя пропаганда с-р-ой тактики на этихъ собраніяхъ принесла плоды — одинъ рабочій, котораго я встрѣтилъ, самый ярый сторонникъ экономизма, горячо противъ меня выступавшій, перешелъ въ ряды соціалистовъ-революціонеровъ, а потомъ и максималистовъ. Уже въ это время центръ тяжести расхожденій постепенно передвигался изъ плоскости программы въ плоскость тактики. Вѣдь цѣль, говорили мѣстные защитники террора, оказавшіеся и въ рабочей средѣ, у всѣхъ соціалистовъ одна, различны же методы осуществленія цѣли. И поскольку методы не приближаютъ насъ къ цѣли, а отдаляютъ, постольку и приверженцы ихъ безсознательные реакціонеры, съ которыми совмѣстная работа невозможна и вредна. Вполнѣ раздѣляя эту постановку вопроса о разногласіяхъ между разными теченіями соціально-революціонной мысли, приходилось думать о самостоятельной работѣ въ духѣ соціаль-революціонизма, который тогда отождествлялся нами съ „исправленными“ взглядами „Народной Воли“. Такая по-

пытка была сдѣлана задолго до появленія въ этомъ городѣ офиціальной группы п. с-р. Воспользоваться имѣющимися связями съ рабочимъ міромъ, благодаря участію въ социаль-демократической организаціи, мы считали революціонной непорядочностью и потому пришлось выжидать пока пріѣхалъ рабочій изъ Колпина, считавшій себя с-р. Онъ поступилъ на заводъ и успѣлъ съагитировать первый кружокъ. Но скоро всѣ активные с-ры оставили городъ, кружокъ распался, успѣвъ издать одну прокламацію къ рабочимъ безъ всякой примѣси экономизма.

Начиная съ августа 1903 г., оставшись на нѣкоторое время въ Харьковѣ, я сдѣлалъ попытку работы здѣсь совмѣстно съ Николаемъ Коршуномъ. Онъ былъ казненъ, кажется, въ 1907 г. въ Иркутскѣ послѣ неудачнаго покушенія на ген. Ренненкампфа.

Въ началѣ нашей работы намъ пришлось столкнуться съ группой рабочихъ, оказавшихъ сильное сопротивленіе нашей проповѣди. Это было сейчасъ послѣ знаменитой всеобщей стачки южныхъ рабочихъ 1903 года, охватившей почти половину промышленности Россіи; она показала всю опасность правительственнаго заигрыванія съ рабочими и силу массоваго движенія; она привела къ практическому выясненію той точки зрѣнія, что натискъ на одну изъ силъ современнаго режима сопряженъ съ борьбой противъ всѣхъ его защитниковъ и, главнымъ образомъ, противъ самодержавія; она, наконецъ, рѣзко поставила вопросъ о знамени, подъ которымъ должна продолжаться борьба. Съ этого времени усиливается натискъ на рабочій классъ с-д. и с-р., пытавшихся завоевать его симпатіи и вѣру. И наша попытка въ Харьковѣ принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ попытокъ, которая дала мало результатовъ. При первой же встрѣчѣ съ рабочими насъ спросили о нашей партійной физіономіи.

— Намъ важно это знать, такъ какъ мы, вѣдь, рабочіе, сказали они.

И когда они узнали, что мы соціалисты-революціонеры, то „наморщили чело“...

—Мелко-буржуазная партія... Мелко-буржуазная тактика (терроръ) и защитники крестьянства, мелко-буржуазнаго слоя —таковъ былъ приговоръ, вбитый имъ въ голову.

Николай Коршунъ прочиталъ имъ цѣлый рефератъ въ защиту крестьянства и закончилъ указаніемъ, что рабочимъ, знающимъ всю тяжесть жизни рабочаго класса, стыдно обвинять, да еще съ чужихъ словъ, своихъ братьевъ и отцовъ, гораздо болѣе ихъ страдающихъ, что партія с-р-овъ, выражая интересы трудового народа, будетъ звать и многомилліонное крестьянство къ борьбѣ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ противъ вѣковыхъ его угнетателей, что ростъ крестьянскаго движенія показываетъ, что крестьянство способно къ этой борьбѣ, что оно ведетъ ее подъ знаменемъ „Земли и Воли", и способно воспринимать, какъ и пролетаріатъ, идеи соціализма.

На мою долю выпала защита террора, вскрытіе всѣхъ его положительныхъ сторонъ и доказательство, что безъ него обойтись нельзя.

Они молчали... Не могли возразить. Но это было молчаніе людей, оставшихся при своемъ мнѣніи. Мы условились вновь встрѣтиться. Но на этотъ разъ пришелъ лишь одинъ предупредить, что никто не явится, ибо — „не хотятъ слушать". Мы разстались. Черезъ нѣсколько дней одинъ с-р. предложилъ притти къ группѣ рабочихъ, ищущихъ связь съ соціалистами. Мы отправились, но... встрѣтили тѣхъ же. Увидя насъ, они смутились и... ушли.

Наши поиски связей привели къ знакомству съ двумя убѣжденными рабочими, принадлежавшими къ двумъ лагерямъ: одинъ былъ революціонеръ, другой — независимый соціалистъ изъ организованныхъ въ профессіональные рабочіе союзы. Когда мы заговорили съ первымъ о южной стачкѣ, онъ сказалъ:

—Опередили мы васъ, соціалистовъ-то. Вы позади остались. Быстро шагаетъ рабочій. Только вотъ что я вамъ скажу: сила его и стойкостъ можетъ проявиться лишь тогда, когда онъ требуетъ чего либо конкретно-опредѣленнаго; а какъ только онъ переходитъ къ требованію отвлеченныхъ политическихъ свободъ, то сходитъ, какъ будто, съ твердой почвы, онъ теряется, расплывается. Нужны вѣдь ему эти самыя свободы. А между тѣмъ, не видя передъ глазами того, чего добивается, не имѣя возможности, такъ сказать, его ощупать, онъ, какъ будто, отрывается отъ матери-земли и теряетъ свою силу.

Если еще революціонеры стоятъ во главѣ и пользуются вліяніемъ, то это безсиліе не такъ замѣтно; но когда движеніе стихійно, какъ въ послѣднихъ всеобщихъ стачкахъ, оно сильно даетъ себя чувствовать. Какъ вы думаете? закончилъ онъ.

Я не былъ подготовленъ къ такому вопросу, но мнѣ казалось, что онъ не совсѣмъ правъ. Ибо были факты, говорившіе противъ него. У насъ завязался споръ. Онъ горячо отстаивалъ свою точку зрѣнія, кратко, но ясно формулируя свои положенія.

—Вы, революціонеры-интеллигенты, тѣмъ и отличаетесь отъ рабочихъ, что способны за отвлеченное бороться съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и за матеріальное. Захватъ ли земли или свобода слова — для васъ едино. И за то, и за это готовы вы голову сложить. Въ этомъ ваше преимущество. Вы идейнѣе насъ, что ли. Мы болѣе грубы. Но въ этомъ наша сила — держась за грубо-матеріальное мы не такъ быстро воспламеняемся, но и не такъ быстро потухаемъ. Мы поэтому сильнѣе васъ, хотя вы развитѣе.

Незамѣтно нашъ разговоръ коснулся религіи. Онъ оказался атеистомъ. Національной нетерпимости у него не было. Женатъ былъ на еврейкѣ; еврейскій народъ считалъ народомъ культурнымъ и революціоннымъ.

Совсѣмъ другого склада ума и воззрѣній оказался другой рабочій. Явился онъ ко мнѣ изысканно одѣтый и чувствовалъ себя непринужденно. Зная его отношеніе къ „рабочимъ кассамъ“ и „рабочему дому“, я затѣялъ разговоръ на эту тему. Онъ доказывалъ, что эти учрежденія служатъ дѣлу сплоченія рабочихъ, что профессіональные союзы лучше политическихъ партій раскрываютъ глаза рабочимъ, но что необходимо все же идти руку объ руку съ революціонерами, такъ какъ нѣтъ элементарныхъ условій равной борьбы между рабочими и капиталистами.

„Рабочіе на опытѣ должны увидѣть всю эфемерность ихъ надеждъ на мирное рѣшеніе рабочаго вопроса и тогда они сами пойдутъ по другому пути. Слова слабѣе фактовъ. А зубатовщины мы не боимся. Здоровый духъ, здоровое чутье и логика рабочаго движенія приведутъ насъ къ тому же, къ чему пришли и вы. Но зато мы будемъ крѣпче васъ, ибо придемъ туда безъ вожаковъ, безъ давленія извнѣ“.

Въ его словахъ я чуялъ уже тогда противопоставленіе рабочихъ союзовъ политическимъ партіямъ. Но это казалось намъ большой ересью, ибо внѣ партій мы тогда не видѣли спасенія, мы были ослѣплены партіей. И естественно, что споръ возгорѣлся страшный. Но врядъ ли рабочій былъ побѣжденъ.

*
* *

Въ концѣ этого же года я переѣхалъ въ Екатеринославъ. Это одинъ изъ тѣхъ городовъ, на который были направлены всѣ силы с-д-іи съ цѣлью его „завоеванія“, ибо этотъ пунктъ, „бывшій прежде довольно ничтожнымъ губернскимъ городомъ, превратился въ столицу новаго края“, богатаго рудой, желѣзомъ и каменнымъ углемъ. Казалось бы, что утвержденіе, болѣе или менѣе прочное, въ этомъ мѣстѣ с-ровъ въ дни „могущества“ с-д., въ 1902-3-4 годахъ, должно было быть довольно трудно. Между тѣмъ на опытѣ оказалось, что это далеко не такъ. То, что пугало рабочихъ другихъ районовъ, — боевой духъ и боевая тактика с-ровъ того періода, — здѣсь оказывало притягательное дѣствіе. И объясняется это тѣмъ, что рабочіе этого города и его окрестностей самые боевые рабочіе изъ всей россійской трудовой массы. Ни одинъ городъ не выдѣлилъ такой массы террористовъ и экспропріаторовъ, какъ Екатеринославъ. Начиная съ организованной и планомѣрной всеобщей стачки 1903 г. и кончая октябрскими и декабрскими днями, когда не только городъ, желѣзныя дороги, станціи были въ рукахъ рабочихъ, но когда нѣсколько тысячъ чечелевцевъ (жители предмѣстья города) ждали съ минуты на минуту, пока стачечный комитетъ найдетъ вагоны, нагруженные ружьями и патронами, чтобы вооружиться и захватить всѣ банки, заводы и фабрики, — екатеринославскіе рабочіе стояли во главѣ русской революціи. Ни на одну мѣстность не падаетъ столько вооруженныхъ столкновеній и смертныхъ казней. Смѣлость, предпріимчивость и безстрашіе, — такова характеристика этихъ рабочихъ, и пришлыхъ, и мѣстныхъ, имѣющихъ родоначальниками энергичныхъ переселенцевъ. Понятно, что с-р-кая тактика 1903-4 годовъ и привлекла въ партію всѣ лучшія боевыя силы рабочаго класса. Когда я столкнулся съ мѣстнымъ рабочимъ, я увидѣлъ, что онъ не тотъ, котораго я зналъ до сихъ поръ — не ремесленникъ, не независимый соціалистъ, а пол-

ный боевой энергіи и жажды борьбы, не „экономистъ", борющійся за прибавку пятачка на рубль, а революціонеръ, признающій всѣ методы борьбы — отъ стачки съ насиліемъ до вооруженныхъ демонстрацій и террора. Въ началѣ 1904 года здѣсь уже образовалась боевая рабочая дружина. Къ ней принадлежалъ и Василій Бабешко, казненный въ іюнѣ 1907 года, уже какъ анархистъ.

* * *

Въ этотъ городъ я попалъ совершенно случайно. Сейчасъ послѣ общестуденческаго съѣзда я вернулся въ Харьковъ, чтобы продолжать начатую мною здѣсь работу. Черезъ нѣсколько дней утромъ ко мнѣ вдругъ явились двое — одинъ, мнѣ извѣстный, довольно несимпатичный человѣкъ, любившій немного приврать и прихвастнуть, одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые присосались къ партійному организму изъ личныхъ интересовъ, довольно широко жившій уже въ то время на революціонныя средства; другой — мнѣ незнакомый, смуглый, съ длинной шеей, моложавый на видъ, въ пенснэ, довольно бойкій, живой и энергичный.

—Вы должны поѣхать въ Е. — началъ второй.

—Позвольте...

Но онъ не далъ мнѣ произнести хотя бы одно слово. Быстро набросалъ онъ положеніе дѣлъ въ Екатеринославѣ, набросалъ картину плачевнаго положенія организаціи, оставшейся послѣ стачки безъ пропагандистовъ и агитаторовъ, организаціи сыгравшей извѣстную роль въ эти дни и вызвавшей интересъ къ себѣ со стороны рабочихъ. Живо онъ доказывалъ все значеніе моей поѣздки туда для дѣла русской революціи, настаивалъ на необходимости поддержать организацію, имѣющую будущее, доказывалъ, что, какъ партійный человѣкъ, я не имѣю права отказываться и т. д. Впервые мнѣ пришлось столкнуться съ революціонеромъ, не желавшимъ считаться ни съ какими доводами, когда вопросъ касался революціоннаго дѣла. На мои замѣчанія онъ отвѣчалъ цѣлыми рѣчами. Повидимому онъ рѣшилъ меня взять приступомъ, рѣшилъ не дать мнѣ опомниться и вырвать обѣщаніе. На мой послѣдній доводъ, что я никогда не стоялъ во главѣ цѣлой организаціи, имѣющей отдѣлы въ разныхъ частяхъ города и въ его окрестностяхъ, что

я врядъ ли буду способенъ удержать въ цѣлости такую громоздкую организацію, онъ отвѣтилъ.

—Вы должны ѣхать! Вы очень подходящій человѣкъ... И видъ вашъ превосходенъ! Вы ѣдете, вы ѣдете! Ура! Вы непремѣнно поѣдете!

И онъ завертѣлся на одномъ мѣстѣ, потомъ схватилъ и меня въ свои объятія и закружилъ по комнатѣ. Пришлось сдаться.

Вечеромъ я пришелъ за инструкціями. Въ комнатѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Одинъ — мрачный на видъ, довольно плотный мужчина—стоялъ, наклонившись надъ столомъ съ чертежами.

А вѣдь вѣрно, что у васъ видъ подходящій,—сказалъ онъ. Анти-шпиксвскій... Трудно подумать, что вы революціонеръ.

Онъ имѣлъ въ виду мою „солидную" наружность и новый костюмъ. Узнавши, что я вполнѣ легаленъ, этотъ серьезный и симпатичный человѣкъ такъ обрадовался, что чуть не задушилъ меня въ своихъ объятіяхъ. Онъ самъ былъ нелегаленъ, зналъ всѣ трудности нелегальнаго существованія и всѣ препятствія. которыя ставятся революціонной работѣ подобной жизнью.

Утромъ слѣдующаго дня я былъ въ Е. и заѣхалъ къ „сочувствующимъ". Въ то время таковыхъ было немного. Каждый изъ нихъ вначалѣ считалъ своей обязанностью помогать революціонерамъ, потомъ это вошло у нихъ въ моду, особенно у „дамъ", которыя занимались этимъ не то какъ спортомъ, не то какъ благотворительностью. Если бы они не претендовали на большее, то ихъ старанія принесли бы только пользу. Но они этимъ не желали ограничиться, и хотѣли „имѣть вліяніе", входить въ „комитетъ" или хотя бы въ „финансовую комиссію" и, главнымъ образомъ, пользоваться правомъ рѣшающаго голоса. Довольно часто благодаря этимъ, почти постороннимъ дѣлу, элементамъ возникали споры и раздоры между верхами и низами организаціи.

„Сочувствующая", къ которой я заявился, принадлежала именно къ этому разряду людей. И такъ какъ я не скрывалъ своего взгляда относительно нихъ, то скоро и былъ безъ словъ изгнанъ изъ ея дома, какъ ранѣе Н. Коршунъ былъ просто выгнанъ „старымъ ворчуномъ" за то, что осмѣлился въ концѣ 1903 г. сказать: „черезъ полтора года у насъ будетъ революція".

„Старый ворчунъ" смотрѣлъ на революцію, какъ на „маякъ путеводный", лишь освѣщавшій дорогу революціонерамъ въ ихъ повседневной работѣ, но не какъ на близкую и возможную цѣль.

* * *

Въ концѣ 1904 года я очутился въ сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь русскіе рабочіе, особенно желѣзнодорожные, отличались косностью, малосознательностью, несмотря на воцарившуюся „весну", „созданную" мин. внутр. дѣлъ Святополкъ-Мирскимъ послѣ убійства Плеве Сазоновымъ. Это типъ рабочихъ осѣдлыхъ, имѣющихъ свои домики, садики, своихъ коровъ, свое „имущество". Это по участію въ производствѣ пролетаріи, по духу—мѣщане, съ недовѣріемъ относившіеся къ „демократамъ".

Организація с.-р. только складывалась подъ непрерывнымъ огнемъ всѣхъ мѣстныхъ организацій—особенно Бунда и с.-д-овъ,—и равнодушія общества, которое почти не знало о существованіи мѣстной группы соціалистовъ-революціонеровъ, зародившейся среди еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ, которые въ отношеніи воспріимчивости къ идеямъ соціализма, въ отношеніи сознательнаго отношенія ко всему происходящему занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ средѣ россійскаго пролетаріата. Но въ то же время здѣсь я подмѣтилъ одну черту, которую я назвалъ бы заносчивостью и самомнѣніемъ еврейскаго пролетаріата. Она проявляетя прежде всего въ необычайныхъ требованіяхъ къ революціонной интеллигенціи. Это не недовѣріе къ „пришельцамъ", не духъ махаевщины, не стремленіе самимъ вести свои дѣла, а пренебрежительное отношеніе къ тѣмъ, кто не обладаетъ *ораторскими способностями.*

Для еврейской рабочей массы, по крайней мѣрѣ этого города, болѣе важна форма рѣчи, чѣмъ ея содержаніе. И „ораторы" пользовались тамъ большимъ вліяніемъ. Въ другихъ интеллигентныхъ силахъ, говаривали они, „мы не нуждаемся"... Я считаю характернымъ одинъ слышанный мною разговоръ. На рабочей биржѣ, одной изъ первыхъ биржъ этого періода, занимавшей цѣлую улицу, на которой каждая партія имѣла свое особое мѣсто, гдѣ велись безконечныя дискуссіи по всѣмъ вопросамъ теоріи, тактики, орга-

низаціи, споры на злобу дня, гдѣ устраивались массовки и общіе митинги, гдѣ ораторы разныхъ партій, со стола поставленнаго среди улицы, знакомили рабочихъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ 1905 года,—на этой биржѣ стояла группа рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, заложивъ руки въ карманы и разставивъ ноги, говорилъ:

—Э—э!.. Каляевъ!.. (это было сейчасъ послѣ убійства Сергѣя Алекс.) Бросилъ бомбу!.. Великое дѣло... Дайте мнѣ бомбу и я тоже брошу...

—Ну, замѣтилъ другой, положимъ...

—Бросить то ты, быть можетъ, и бросишь, но не въ этомъ только дѣло. А потомъ? Послѣ?

—Э!.. Великое дѣло. Буду молчать.

Я поспѣшилъ удалиться. Въ другой разъ во время митинга я услышалъ такой же разговоръ.

—Ораторъ! Великая штука разсказать, какъ было дѣло, и „дать агитацію". Дайте мнѣ столъ и вы увидите!..

Одинъ товарищъ с.-р., пріѣхавшій прочитать рефератъ, пожелалъ посмотрѣть биржу, о которой складывались цѣлыя легенды. Онъ походилъ по ней, поговорилъ съ рабочими, прислушался къ дебатамъ и сказалъ:

—Знаете, на чашкѣ соціальныхъ вѣсовъ ваши рабочіе и, какъ мнѣ кажется, всѣ рабочіе сѣверо-западнаго края имѣютъ малую цѣну. Думаю что поднятый шумъ объ организованности, готовности къ активной борьбѣ и возстанію еврейскихъ рабочихъ есть въ громадной степени революціонная фразеологія.

Бывая часто на биржѣ я подмѣтилъ еще одну черту—искусственную грубость по отношенію къ еврейской революціонной интеллигенціи. Показать свою сознательность, свое пониманіе себѣ цѣны, показать, что онъ „такой же человѣкъ", какъ и „интеллигентъ" — такова цѣль этой грубости.

Группа с.-р. съ самаго начала своего возникновенія обратила вниманіе на желѣзно-дорожную рабочую массу, къ которой евреямъ доступа не было. Долгая и упорная работа с.-р. и с.-д. среди трудно поддававшихся пропагандѣ рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ все же принесла плоды. Когда за день до 17 октября 1905 года пошелъ слухъ о погромѣ евреевъ, эти же рабочіе, которые въ 1903 году сами устроили

погромъ, печатно заявили, что они не допустятъ его и, если таковой начнется, подавятъ его силой. Болѣе того, желѣзно-дорожные рабочіе организовали боевую дружину—самооборону подъ руководствомъ с.-р., которая дежурила на одной изъ еврейскихъ квартиръ, ожидая погрома. Тѣ, которые говорили, что били евреевъ за ихъ революціонность, нынѣ, во главѣ съ членомъ с.-р. комитета, дружно примкнули къ октябрской забастовкѣ и такъ же дружно къ декабрской, захвативъ въ свои руки управленіе станціей, смѣстивъ начальника ея и т. д. Потребовалось прибытіе генерала Орлова съ карательнымъ отрядомъ и пулеметами, потребовался еще одинъ погромъ, чтобы возстановить „порядокъ“.

Въ этомъ маленькомъ сравнительно городкѣ собралось пять человѣкъ, умѣвшихъ вести самостоятельную работу, энергичныхъ, владѣвшихъ отчасти перомъ и словомъ и болѣе или менѣе организаторскими способностями. Не хватало всѣмъ работы. Тогда часть изъ нихъ направилась въ мѣстечки и села, захвативъ съ собой самыхъ развитыхъ рабочихъ для болѣе успѣшной работы среди крестьянства. Организація ширилась, охватывала все новые пункты, требованія прислать „демократа“ или „жидка“ учащались, росъ спросъ на литературу, прокламаціи, все чаще и чаще обыватели обращались за содѣйствіемъ, за разрѣшеніемъ споровъ, посылались даже прошенія „ въ комитетъ с.-р.“, которыя и попадали туда черезъ десятыя руки. Организація с-р. имѣла типографію, которая помѣщалась въ трехъ комнатахъ, была прекрасно оборудована и въ которой работало четыре человѣка. Между ними былъ Пулиховъ, казненный за покушеніе на минскаго губернатора Курлова. Типографія была устроена совмѣстно съ Мих. Ив. Соколовымъ („Медвѣдемъ“), пріѣхавшимъ въ то время съ цѣлой группой аграрныхъ террористовъ въ Россію и организовавшихъ Крестьянскій Союзъ с.-р. Въ этой типографіи должна была печататься газета „Земля и Воля“. Во время ареста типографіи двое отсутствовали. Другіе двое переносили готовыя прокламаціи на конспиративную квартиру. Это было вечеромъ. Идя изъ типографіи, они встрѣтили на этой же улицѣ цѣлую свору полицейскихъ съ жандармами.

—Не къ намъ ли, замѣтилъ, шутя, одинъ?..

—Можетъ и къ намъ, отвѣтилъ другой.

Когда черезъ часъ они возвращались, то совершенно забыли о встрѣчѣ и прямо вошли во дворъ. Здѣсь ихъ пытались задержать, но были встрѣчены револьвернымъ огнемъ. Стрѣлявшій скрылся. Другой былъ арестованъ, избитъ ротмистромъ Шебеко и отправленъ въ тюрьму. Очень скоро была организована новая тайная типографія исключительно на средства группы и работа вновь закипѣла. Единственнымъ тормазомъ въ это время были нечистые пріемы с.-д., къ которымъ они не стѣснялись прибѣгать для борьбы съ ростомъ с.-р-аго вліянія. Но разоблачить ихъ было не такъ ужъ трудно... Мирно шла культурно-соціалистическая работа... Но духъ активнаго протеста, разлившійся по всей Россіи, проникъ и въ этотъ городъ и скоро нашелъ себѣ выходъ: былъ присланъ полиціймейстеръ спеціально для разгона биржи. Въ день пріѣзда онъ явился окруженный казаками къ углу ея и гаркнулъ: „разойдись, сволочи, стрѣлять буду". Силой отстоять биржу не было возможности и было рѣшено прибѣгнуть къ партизанской борьбѣ. Вечеромъ биржа была разогнана, а въ 11 ч. ночи, во время манифестаціи по этому поводу, была въ него брошена бундовцами бомба. Она не взорвалась. На слѣдующій день снова манифестаціи по всему городу. Полиціймейстеръ леталъ по всѣмъ улицамъ, гоняясь за рабочими. Въ воскресенье, черезъ три дня послѣ разгона, когда онъ выходилъ изъ канцеляріи полицейскаго управленія, въ него была брошена вторая бомба, но и эта не взорвалась. Вспоминая эту исторію, предъ моимъ взоромъ появляются образы двухъ рабочихъ с.-р, рвавшихся покончить съ полиціймейстеромъ. Они пріѣхали изъ Екатеринослава послѣ покушенія на провокатора Федора Голубничаго, въ теченіе свыше 2-хъ лѣтъ проваливавшаго с.-р-скую организацію. Они стрѣляли въ него въ его собственномъ дворѣ, но промахнулись. Одного изъ нихъ мы звали—„Ваня маленькій". Это былъ молодой рабочій, лѣтъ 19-ти, съ свѣжимъ и румянымъ лицомъ, блестящими и энергичными глазами, сильной волей и пытливымъ умомъ. Въ первый разъ онъ показалъ свое спокойствіе и силу духа въ минуты опасности въ Екатеринославѣ. Онъ ночевалъ съ тремя товарищами въ домѣ на углу Керосинной улицы. Ночью явилась полиція, домъ былъ окруженъ и имъ предложено было сдаться. Но они, отворивъ дверь, открыли стрѣльбу изъ револьверовъ,

бросились черезъ цѣпь городовыхъ, прорвали ее и скрылись. Ваня былъ даже не вооруженъ. Второй—рабочій, токарь по металлу, былъ извѣстенъ подъ именемъ Дмитрія и представлялъ полную противоположность Ванѣ. Высокій, плечистый, лицо грубое, носъ вздернутъ, руки мозолистые, глаза равнодушно—спокойные. Помню нашъ разговоръ въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ слѣдилъ за полиціймейстромъ. Онъ сказалъ: „Знаете, я сегодня много думалъ о тактикѣ с.-р. и вообще революціонеровъ. Не согласенъ я съ ней. Прежде всего партія недооцѣниваетъ силу террористическихъ группъ. Всѣ говорятъ о массовомъ захватѣ, возстаніи. Я рабочій. Рабочаго хорошо знаю. Съ малыхъ лѣтъ я съ нимъ живу. И массу знаю. Вы обманываетесь на ея счетъ. Она не такая, какъ бы сказать, грозная, какъ вы думаете, совсѣмъ не такая сознательная. Пятьдесятъ рабочихъ террористовъ больше сдѣлаютъ, чѣмъ рабочіе цѣлаго города, и въ смыслѣ устройства стачки, и въ смыслѣ захвата завода, или полицейскаго управленія. Кромѣ того, какое значеніе, кромѣ агитаціоннаго разумѣется, за тактикой политическихъ стачекъ, демонстрацій? Мнѣ кажется, что нужно было бы собрать всѣхъ боевиковъ и захватить все въ городѣ въ свои руки. Чтобы каждый зналъ, для чего онъ борется. А такъ вѣдь онъ не знаетъ: политическая свобода—хорошая вещь, но ее вѣдь въ Петербургѣ должны дать, пусть бы террористы Петербурга и захватили власть и дали бы свободу".

Когда они заявили о своемъ желаніи, была приготовлена бомба, съ которой они и слѣдили за полиціймейстеромъ. Но послѣдній, сдѣлавъ свое дѣло, былъ переведенъ обратно на старый постъ исправника. И они, оставшись „за флагомъ", ходили на новую биржу и тяготились своимъ положеніемъ. Дмитрій даже поступилъ было слесаремъ въ мастерскую въ мѣстечкѣ, но скоро вернулся: его тянула къ себѣ боевая работа. Почти ежедневно они говорили со мной на эту тему, просили передать въ центральный комитетъ выраженіе недовольства боевой организаціей, которая допускаетъ ихъ „киснуть" гдѣ то въ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ некуда приложить свои силы въ то время, когда они „способны на терроръ". Скоро удалось все же „довести до свѣдѣнія" Б. О. объ этихъ двухъ юныхъ борцахъ и къ намъ явился боевикъ повидать ихъ; поговоривъ съ ними, онъ попросилъ *ждать* и

уѣхалъ. Ваня скоро послѣ этого приступилъ къ самостоятельной независимо отъ группы, боевой работѣ, а Дмитрій рѣшилъ ждать болѣе крупнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ уже не скучалъ—учился приготовлять бомбы...

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ своемъ стремленіи быть независимымъ даже въ постановкѣ боевого дѣла, мѣстная группа рѣшила изучить приготовленіе бомбъ и всѣхъ ея составныхъ частей. Когда объ этомъ было передано въ Москву, оттуда черезъ нѣсколько дней пріѣхала Зинаида Коноплянникова, которая познакомила насъ вкратцѣ съ конструкціей бомбъ и просила отправить кого либо къ ней въ лабораторію для практическаго изученія этого дѣла. Черезъ нѣкоторое время, послѣ возвращенія изъ Москвы посланнаго туда товарища, мы самостоятельно приготовляли уже гремучую ртуть и трубки съ сѣрной кислотой съ перехватомъ для грузила. Первые наши опыты кончились взрывомъ гремучей ртути, который не причинилъ никому вреда. Пришлось лишь перебираться на новое мѣсто, гдѣ дальнѣйшіе опыты удались блестяще. Необходимо было запастись динамитомъ. За это дѣло и взялся Дмитрій, который съ самаго начала принялъ горячее участіе во всемъ этомъ и вызвался отправиться въ Екатеринославъ, гдѣ у него были связи съ шахтерами. У нихъ онъ надѣялся получить около пуда. Незадолго предъ октябрскими днями онъ уѣхалъ, но не успѣлъ возвратиться, ибо начавшееся тамъ движеніе втянуло его въ свой водоворотъ.

Ваня пошелъ другой дорогой. Онъ примкнулъ къ образовавшейся здѣсь въ августѣ 1905 года террористически—экспропріаторской группѣ исключительно изъ русскихъ рабочихъ г. Екатеринослава. Еще въ то время, когда мѣстная группа партіи с.-р. мало задумывалась надъ постановкой боевого дѣла, одинъ изъ ея бывшихъ членовъ самостоятельно устроилъ маленькую лабораторію, гдѣ онъ оперировалъ порохомъ и пикриномъ. Въ этой лабораторіи, скоро взорвавшейся безъ жертвъ, и приготовлена была та бомба, съ которой Ваня и Дмитрій слѣдили за полиціймейсторомъ. Имѣя связи со всѣми районными группами, онъ скоро организовалъ летучій отрядъ, который, войдя въ сношеніе съ мѣстной группой, организовалъ покушеніе на ротмистра Шебеко. Бомба въ него брошенная не взорвалась, а лишь

зашипѣла. Это и послужило толчкомъ къ тому, что террористическая вначалѣ дружина сдѣлалась экспропріаторской—стремленіе организовать хорошую лабораторію и рядъ покушеній требовало средствъ. На этой почвѣ среди членовъ этой группы происходили споры: одни, какъ Ваня, признавали всякія экспропріаціи принципіально, какъ средство классовой борьбы; другіе—лишь какъ средство добывать необходимыя суммы, требуемыя дѣломъ. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ рабочій Сергѣй Бочарниковъ—хорошій агитаторъ, мягкій въ обращеніи съ товарищами, рѣшительный въ схваткѣ съ врагомъ, съ вдумчивыми глазами и симпатичнымъ лицомъ, въ высшей степени конспиративный. Добывъ около 2 тыс. рублей, они построили вторую лабораторію, въ которой работалъ главнымъ образомъ Бочарниковъ. Въ ней же онъ былъ взорванъ вмѣстѣ съ другимъ рабочимъ, евреемъ, убившимъ пом. пристава Славасевича. Третій былъ лишь оглушенъ и обожженъ. Взрывъ произошелъ во время обыска недалеко отъ лабораторіи. Сергѣй спѣшилъ закончить бомбу, чтобы съ ней напасть на весь полицейскій отрядъ, когда тотъ выйдетъ съ обыска. Нужно было лишь приладить крышку, которая съ трудомъ надѣвалась, и перевязать проволокой. Онъ тихонько ударилъ по ней и... произошелъ взрывъ; весь животъ былъ вырванъ у него. Его послѣдними словами были—„похороните меня какъ революціонера“. У другого оторваны были ноги. Онъ держалъ готовую бомбу въ карманѣ, которая взорвалась вслѣдъ за первой.

Сергѣй Бочарниковъ и Ваня приняли участіе въ покушеніи на исправника Еленскаго. Выстрѣлами этихъ террористовъ, засѣвшихъ во рву глубокой ночью, когда исправникъ проѣзжалъ по мостику къ себѣ домой изъ клуба, онъ былъ тяжело раненъ. Эта же дружина убила въ м. Вѣткѣ „грозу“ революціонеровъ—урядника; ими же произведено покушеніе на провокатора, ими же была брошена бомба въ квартиру зубного врача, не желавшаго дать денегъ по ихъ требованію. Это было въ тотъ моментъ, когда на этой квартирѣ засѣдалъ комитетъ Бунда. Бомба, влетѣвъ въ окно, зацѣпилась за шторы, скатилась на колѣни бундовца, который ее и задержалъ. Противъ этой группы с.-р., (непартійныхъ) былъ поднятъ походъ бундовцами, выпустившими прокламацію противъ „вымогателей“ и „грабителей“,

„позорившихъ“ честное имя революціонера, грозившую разоблаченіями.

Подоспѣли октябрскіе дни. Террористически-экспропріаторская дружина совмѣстно съ отдѣльными членами мѣстной партійной группы с.-р. проявляли чудеса храбрости. Стоя у воротъ одного дома, они стрѣляли въ казацкіе патрули и ранили нѣсколько человѣкъ и пошадей. Во время демонстраціи, устроенной с-р. съ цѣлью заманить казаковъ въ засаду, были брошены ими двѣ бомбы: одна попала въ густую грязь, другая же на мостовую и взорвалась съ страшной силой, ранивъ лошадь. Разъяренные казаки ринулись на демонстрантовъ, но послѣдніе, осыпая ихъ градомъ пуль, разсыпались во рву, гдѣ преслѣдованіе было невозможно.

Вечеромъ слѣдующаго дня бундовцы бросили бомбу въ полиціймейстера, которая взорвала лошадь, но не причинила вреда людямъ. Я сидѣлъ въ это время недалеко отъ мѣста взрыва. Вдругъ задребезжали окна и зашатался полъ. Казалось, что рушится домъ. Всѣ бросились къ окнамъ съ крикомъ: „что? что такое? что случилось?“ Зная что въ этотъ моментъ экспропріаторская дружина тоже должна была встрѣтить полиціймейстера, я предупредилъ испугавшихся и не совѣтовалъ подходить къ окнамъ. Черезъ минуту начался форменный обстрѣлъ всей улицы пачками. Пули летѣли во всѣ стороны. Были убиты нѣсколько человѣкъ на улицѣ, дворникъ, показавшійся въ калиткѣ, дѣвушка. Всѣ огни сразу вездѣ погасли. На всемъ протяженіи улицы [illegible] около лошадей, какъ будто на часахъ, охраняя [illegible] отъ враговъ, и осматривали дома, не [illegible] ли кто въ [illegible]. Было жутко въ этой тишинѣ, сквозь которую часто доносились зловѣщіе выстрѣлы. Лишь утромъ я [illegible] мѣсто покушенія, залитое кровью. По улицамъ ходили патрульные и разгоняли толпу.

[illegible] черезъ [illegible] дни [illegible] въ нашемъ городѣ [illegible]. И здѣсь, какъ вездѣ, сразу начались митинги. [illegible] устроена [illegible] манифестація. На слѣдующій день [illegible] митингъ въ скверѣ подъ предсѣдательствомъ члена с.-р. комитета. Мѣстная буржуазія закупила все [illegible] оружіе и раздала соціалистическимъ организаціямъ, образовавшимъ союзы самообороны, причемъ [illegible] и с-р-[illegible] организацій были оцѣнены ею

одинаково. Выбранъ былъ Коалиціонный Совѣтъ всѣхъ революціонныхъ организацій. Въ это время я переѣхалъ въ другой городъ—Минскъ.

* * *

Это было уже въ серединѣ ноября, когда начался съѣздъ организацій соціалистовъ - революціонеровъ этой области. Я останавливаюсь на этомъ съѣздѣ лишь для того, чтобы отмѣтить одинъ его моментъ. Передъ закрытіемъ съѣзда было передано пріѣзжимъ изъ Петербурга с.-р-омъ о прекращеніи центральнымъ комитетомъ партіи террора. Произошло нѣчто неописуемое. Всѣ заговорили разомъ, стараясь перекричать другъ друга. Предсѣдатель, безсильный установить тишину, сложилъ свои полномочія, но никто не обратилъ на это никакого вниманія. Въ разныхъ мѣстахъ раздавались нелестныя о Ц. К. отзывы. Но, наконецъ, первый приливъ негодованія прошелъ, установился порядокъ и слово взяла доселѣ совершенно спокойная и все время молчавшая Екатерина Измайловичъ. Рѣчь ея плавная, красивая и энергичная была безпощаднымъ обвиненіемъ, брошеннымъ передъ лицомъ свыше 20-ти представителей громадной области, Ц. К. въ оппортунизмѣ. При громкихъ крикахъ одобренія она закончила:

—Въ то время, когда необходимо напречь всѣ боевыя силы для нанесенія какъ можно большаго числа ударовъ, чтобы расшатать еще больше уже расшатанную государственную машину, когда нужно показать, что террористы готовы продолжать и продолжаютъ свое дѣло, Центральный Комитетъ складываетъ самое страшное для правительства оружіе. Это измѣна народному дѣлу!... Мы не должны подчиниться такому постановленію!!. Необходимо немедленно извѣстить Ц. К., что съѣздъ нашей области не броситъ этого оружія, несмотря ни на какія запрещенія. Предлагаю послать отъ имени съѣзда делегата въ Петербургъ для полученія точныхъ свѣдѣній относительно этого страннаго и непонятнаго для насъ явленія.

Ея доселѣ равнодушное лицо дышало энергіей, глаза горѣли, она вся была воплощеніемъ гнѣва. Всѣ присоединились къ ея требованію—не прекращать террора. И, дѣйст-

вительно, минскій Комитетъ Партіи не бросилъ террористической борьбы и продолжалъ подготовлять, состоявшіяся впослѣдствіи, два покушенія, связанныя съ именами Ал. Измайловичъ и Ив. Пулихова.

Екатерина Измайловичъ—дочь генерала. Въ первый разъ я ее увидѣлъ на съѣздѣ работниковъ сѣверо-западной области въ серединѣ 1905 года въ Смоленскѣ. Она задумчиво сидѣла подъ дубомъ и не вмѣшивалась въ разговоръ. Высокая, тонкая, съ большими черными глазами, овальнымъ и блѣднымъ лицомъ она производила впечатлѣніе человѣка дѣла. Лишь впослѣдствіи, когда я познакомился съ ней поближе, я узналъ всю красоту ея души, всю преданность ея революціи, при воспоминаніи о которой ея рѣчь становилась живой и остроумной. Лишь впослѣдствіи я узналъ, что она во всякое время готова была жизнь свою отдать за жизнь тирановъ.

Она ушла изъ родительскаго дома, изъ той среды, гдѣ росла и воспитывалась, и примкнула къ тѣмъ, кто ведетъ неустанную борьбу противъ гнета и произвола. Въ Петрбургѣ она получила свое революціонное крещеніе, была тамъ два раза арестована и выслана въ Минскъ. Здѣсь она жила въ то время, когда отецъ ея командовалъ на войнѣ цѣлой дивизіей. Въ роскошныхъ комнатахъ отца она устраивала рабочія собранія, на которыхъ лились ея страстныя рѣчи о борьбѣ, о революціи, объ эксплуатаціи и соціализмѣ. Она пріобрѣла довѣріе и уваженіе рабочихъ. Ея искренность побѣждала всѣхъ, кто съ ней сталкивался. Во время разстрѣла Курловымъ митинга около желѣзно-дорожнаго вокзала Катя подбирала раненыхъ. Это на нее такъ подѣйствовало, что она потомъ говорила: „мнѣ стыдно смотрѣть въ глаза евреямъ". Она еще болѣе поблѣднѣла, лицо ея сдѣлалось еще строже.

Со дня пріѣзда моего въ Минскъ вплоть до ареста я часто бывалъ у сестеръ Измайловичъ, гдѣ въ это время была с.-р-ая „штабъ-квартира". Цѣлый день въ ней толпились „товарищи", здѣсь обсуждались планы покушеній на полиціймейстера Норова и губернатора Курлова, здѣсь стояли громадныя корзины съ литературой, здѣсь же приготовлялись бомбы для предстоящихъ покушеній.

Когда разразилась декабрская забастовка, Катя вся ушла въ работу—бѣгала въ типографію, приносила прокламаціи,

переносила бомбы, приготовленныя въ Г — кой лабораторіи для взрыва поста на углу Губернаторской и Заваринской улицъ, исполняла роль патрульнаго въ день предполагавшагося покушенія на Норова—14 декабря. Въ ночь на 15-е она была арестована. Въ тюрьмѣ все время была въ боевомъ настроеніи. Съ ненавистью говорила о тюремщикахъ. Какъ то начальникъ тюрьмы сдѣлалъ ей замѣчаніе за ея игнорированіе тюремныхъ правилъ. Посмотрѣвъ на него черезъ плечо, она отвѣтила: „за грубость. для перваго раза дарю васъ своимъ презрѣніемъ".

Скоро женщинъ перевели въ другую тюрьму, откуда она и была освобождена Борисомъ Мищенко-Вноровскимъ, тѣмъ самымъ, который бросилъ бомбу въ Дубасова наканунѣ созыва первой Государственной Думы. Десять дней просидѣла она въ совершенно холодной квартирѣ, ожидая момента, когда возможно будетъ выѣхать изъ города. На саняхъ повезли ее студентъ и элегантно-одѣтый офицеръ къ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій близь Минска. Трудно было узнать Катю. Лишь выдавали ее все тѣ же сверкающіе глаза. Сейчасъ послѣ бѣгства она отправилась въ Севастополь и стрѣляла въ Чухнина — начальника флота Черноморской эскадры. Раненный четырмя пулями, онъ приказалъ разстрѣлять ее безъ суда на черномъ дворѣ. Ея изуродованный трупъ покрыли рогожей. „Стрѣляйте, я свое дѣло сдѣлала"—это были послѣднія слова незабвенной Екатерины Измайловичъ.

Сестра ея Александра, стрѣлявшая въ Курлова послѣ неудачнаго покушенія на него Ив. Пулихова, не была похожа на Катю. Она казалась болѣе серьезной и спокойной. Не принимала участія въ мѣстной работѣ, хотя ко всему присматривалась, всѣмъ интересовалась. Въ „дни свободы" она ходила ежедневно учиться стрѣлять и какъ будто чего-то ждала. 14-го января 1906 г. во время похоронъ одного генерала Пулиховъ бросилъ бомбу въ губернатора, но она не взорвалась. Видя неудачу она выхватила револьверъ и начала стрѣлять. Ее повалили, избили, отправили въ участокъ, гдѣ тушили о ея тѣло папиросы, пытали такъ, что лопнула барабанная перепонка праваго уха. Когда я ее увидѣлъ въ тюрьмѣ, лицо было черно, глаза не видно было—вмѣсто него синее пятно. На судѣ держалась геройски. Ив. Пулиховъ послѣ суда написалъ намъ письмо съ изложеніемъ обстановки

суда и поведенія Сани: „На судѣ Саня держала себя героически. Меня заражало ея свѣтлое, радостное настроеніе. Въ ея присутствіи я нашелъ такую энергію, что моя рѣчь была сказана звонкимъ голосомъ, плавно и громко, чего никогда не удавалось достигнуть на нашихъ массовкахъ. Да, съ такимъ товарищемъ, какъ Саня, я съ восторгомъ пошелъ бы на костеръ, отдалъ бы двѣ жизни, если бы могъ!

Слава нашимъ женщинамъ".

Декабрская забастовка... Мертвая тишина. Весь городъ погруженъ во мракъ. Ни живой души на улицахъ... Лишь полицейскіе посты заняты какими то закутанными фигурами, озирающимися по сторонамъ, какъ бы боясь внезапнаго нападенія. Но во мракѣ жуткой ночи не слышно ничьихъ шаговъ, какъ будто городъ весь вымеръ или погрузился въ волшебный сонъ. Какъ и по всей Россіи здѣсь шла борьба между двумя силамя — силами царскаго правительства и силами народа. Всѣ обывательскіе элементы запрятались въ свои конуры, высматривая оттуда на исходъ поединка.

Лишь царскіе слуги и защитники народа не были спокойны въ эти грозныя ночи, лишь они по временамъ показывались на улицахъ, какъ будто осматривая непріятельскій лагерь, и скрывались во мглѣ декабрской ночи.

Въ центрѣ города въ ярко освѣщенномъ залѣ собрались представители всѣхъ революціонныхъ организацій города. Комментируются вѣсти изъ Москвы, возставшей на баррикадахъ за свободу и права человѣка, обсуждаются вопросы объ отношеніи къ горожанамъ-купцамъ, заводчикамъ, не пожелавшимъ подчиниться рѣшенію забастовочнаго комитета въ смыслѣ пріостановки всѣхъ работъ. Обсуждаются и *отвергаются* по настоянію желѣзнодорожниковъ предложеніе минскихъ с-р. о взрывѣ мостовъ и предложеніе бобруйскихъ солдатъ, переданное черезъ бобруйскій с-р-ій комитетъ, о сдачѣ революціонерамъ бобруйской крѣпости.

Густыя облака дыма окутываютъ сидящихъ. Дверь то открывается, то закрывается. Все новыя и новыя извѣстія приноситъ телеграфъ.

Телеграмма! раздается въ дверяхъ...

Въ наступившемъ вслѣдъ за этимъ тишинѣ ясно и отчетливо слышно :

Сегодня въ четыре часа ночи черезъ вашъ городъ проходитъ поѣздъ съ солдатами, направляющимися на усмиреніе Москвы.

Всѣ замолкли... Почти у всѣхъ блеснула одна и таже мысль: задержать, задержать во что бы то ни стало... Быть можетъ отъ этого зависитъ исходъ борьбы въ Москвѣ... Задержать...: Но какъ?

Долго дебатировался этотъ вопросъ, пока одержало побѣду предложеніе устроить крушеніе поѣзда. Погибнутъ люди, тѣ же рабочіе въ солдатскихъ мундирахъ, невинные, подъ страхомъ смерти, быть можетъ, идущіе противъ своихъ братьевъ, но... прежде всего революція, а потомъ уже человѣческая жизнь. Въ раскаленной атмосферѣ декабрскихъ дней, атмосферѣ борьбы казалось, что отъ успѣха этого дѣла зависитъ судьба Россіи.

Предложеніе было принято, около десяти добровольцевъ выразили согласіе на участіе въ этомъ предпріятіи и въ часъ ночи эта группа двинулась въ путь на полотно желѣзной дороги въ пяти верстахъ отъ города.

Быстро одинъ за другимъ, крадучись, прошли мы городъ, какой то садъ, перебрались черезъ плетень и очутились въ полѣ. Была мятель... Дорогу занесло. По колѣни въ снѣгу спѣшили мы къ мѣсту. Измученные, усталые добрались мы, наконецъ, къ указанному пункту, сбились всѣ въ кучу подъ прикрытіемъ цѣлой груды досокъ, лежавшихъ невдалекѣ отъ полотна, и выработали планъ нападенія на сторожевую будку, которой необходимо было завладѣть, чтобы взять для развинчиванія гаекъ инструменты. Нѣсколько человѣкъ потихоньку подошли къ будкѣ и нѣсколько разъ стукнули въ дверь.

Ни звука...

Стукнули настойчивѣе... Мертвая тишина... Снова всѣ сбились въ кучу и рѣшили попытаться выломать дверь. Но вдругъ съ грохотомъ и свистомъ пронесся поѣздъ—мы опоздали...

Наша миссія не была исполнена. Хотя это казалось намъ огромной неудачей, но все же мы облегченно вздохнули, что смерть миновала тѣхъ, кто самъ спѣшилъ сѣять смерть въ пролетарскихъ рядахъ.

———

Въ среднихъ числахъ марта 1906 года, черезъ нѣсколько дней по освобожденiи изъ тюрьмы, я случайно встрѣтилъ издателя одной газеты, который предложилъ мнѣ занять мѣсто фактическаго редактора. Я согласился и скоро выпустилъ первый номеръ. Но соцiально-революцiонное направленiе газеты не „понравилось“ губернатору и она была немедленно закрыта. Пришлось уѣзжать „отдыхать на Волгу“.

Отдыхъ продолжался недолго — всего двѣ недѣли. Но и этотъ срокъ былъ достаточенъ, чтобы выяснить себѣ тѣ вопросы, которые роились въ головѣ и готовый отвѣтъ на которые я не могъ найти въ литературѣ. Это были вопросы максимализма. Впервые заставили задуматься меня и сильно возстать противъ максималистскихъ идей прокламацiя Союза соцiалистовъ-революцiонеровъ, организованнаго „Медвѣдемъ“ (М. Соколовымъ). Наряду съ требованiями соцiализацiи земли прокламацiя выставила требованiе соцiализацiи фабрикъ и заводовъ. Съ этой программой выступилъ одинъ рабочiй на собранiи, устроенномъ Г — ой группой с.р., исключительно въ цѣляхъ выясненiя этого пункта максимализма. Въ концѣ 1905 года мнѣ попался номеръ „Вольнаго дискуссiоннаго листка“, который трактовалъ этотъ вопросъ въ статьѣ о программѣ минимумъ. На съѣздѣ организацiй сѣверо-западной области этотъ вопросъ вызвалъ массу споровъ. Но уже въ это время мнѣ казалось, что вопросъ поставленъ не на правильную позицiю, что разбирать его надо не съ этой точки зрѣнiя. Всѣ с.-р. нападавшiе на максимализмъ и всѣ максималисты его защищавшiе доказывали—одни невозможность, другiе его возможность. Но тогда это вопросъ практическаго осуществленiя соцiализма, рѣшить который довольно трудно было на основанiи имѣвшихся въ то время данныхъ. Оправданiе максимализма съ точки зрѣнiя *возможности* его существуетъ лишь въ томъ случаѣ, если соцiальная революцiя уже *сейчасъ* можетъ быть совершена. Въ противномъ случаѣ не могло бы быть этого соцiально-революцiоннаго теченiя. Но, думалъ я, максимализмъ долженъ существовать независимо отъ того, имѣются ли объективныя и субъективныя предпосылки соцiалнаго переворота. И онъ существовалъ, вѣдь, уже!., По крайней мѣрѣ въ вопросѣ построенiя соцiалистической программы на максималистской точкѣ зрѣнiя стояли революцiонные народники 70-хъ годовъ, народовольцы, часть соцiа-

листовъ-революціонеровъ начала девятьсотыхъ годовъ и „аграрные террористы“. А это—точка зрѣнія должнаго, а не возможнаго, отрицающаго при всѣхъ обстоятельствахъ программу-минимумъ. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о возможности соціализаціи фабрикъ и заводовъ занимаетъ хотя второе мѣсто, но болѣе выгодное, ибо фактомъ непрерывнаго распространенія того, что должно быть, придвигается и возможность его реализаціи.

Второй шагъ въ сторону максимализма я вынужденъ былъ сдѣлать, разбирая безпристрастно аграрную программу п. с.-р. Если возможна соціализація земли, если нѣдра земли будутъ изъяты изъ сферы товарнаго обращенія, то какъ возможно капиталистическое индустріальное хозяйство? Третій шагъ я сдѣлалъ исходя изъ факта неудавшагося декабрскаго возстанія, что въ большей степени зависѣло отъ централистическаго его метода и отъ точки зрѣнія минималистскихъ партій на *ближайшую* цѣль революціи, осуществить которую только, яко-бы, и нужно было — я пришелъ къ методу коммунальной революціи. Таковы были мои расхожденія съ партіей, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью выяснить возможность моей дальнѣйшей работы среди соціалистовъ-революціонеровъ. Это было во время первой Думы. Здѣсь я сдѣлалъ четвертый шагъ въ сторону отъ партіи, узнавъ о прекращеніи террора въ самый удобный и нужный моментъ. Здѣсь же я на личномъ опытѣ убѣдился, какъ подавляется стремленіе партійныхъ „еретиковъ“ высказать свободно свои мысли, какъ верхи дипломатично обходятъ желаніе „низовъ“ оказать вліяніе на выработку партійной программы. Статью, въ которой я дѣлалъ попытку доказать, что русская революція *или* закончится полнымъ соціальнымъ переворотомъ и въ городѣ, и въ деревнѣ, *или* будетъ окончательно раздавлена, не пропустили. Предлагали помѣстить лишь ту часть ея, которая трактовала о политическомъ переворотѣ. Пока велись эти споры, газета была закрыта. Такъ, не солоно хлебавши, уѣхалъ я въ Москву.

Здѣсь начались новыя мытарства. Прежде всего я предложилъ свои услуги Областному Комитету Центральнаго района, который въ то время нуждался въ работникахъ. Не считая допустимымъ скрывать свои еретическіе взгляды, я както повѣдалъ ихъ Областникамъ, между прочимъ и бывшему

товарищу-доктору Бѣльскому. И странное дѣло - отношенія вдругъ сдѣлались совершенно непозволительными. Приняли было сердечно, предлагали поѣхать по области, читать рефераты, давали явки, деньги и все прочее, а тутъ, когда увидали во мнѣ неправовѣрнаго, перестали являться на конспиративныя квартиры, избѣгали встрѣчи со мной, а когда имъ этого не удавалось, они отдѣлывались обѣщаніями и ничего не значущими фразами. Наконецъ я раскусилъ эту некрасивую дипломатію „товарищей“ и... вновь уѣхалъ отдыхать.

Но я не думалъ складывать оружія. Съ одной стороны меня тянуло къ рабочимъ, къ активной борьбѣ. Съ другой— я считалъ *себя* настоящимъ с.-р., а *ихъ* еретиками, правда правыми. Въ 1906 году, максималистскими сдѣлались тѣ воззрѣнія, которыя въ 1903 году были соціально-революціонными. Я вспомнилъ дебаты съ с-д. по вопросу о соціализаціи земли. Одинъ изъ главныхъ ихъ аргументовъ заключался въ томъ, что бѣднякъ—мужикъ, получивъ землю, не будетъ въ состояніи ее обрабатывать, не будетъ имѣть орудій труда. И мы, с-р-ы, всегда отвѣчали: „Мы мыслимъ соціализацію земли черезъ народное возстаніе. Странное было бы возстаніе, если бы крестьянство, захвативъ землю, не захватило инвентаря землевладѣльцевъ. Не только земля, но и всѣ машины, лошади, коровы и все прочее, всѣ „культурныя“ помѣщичьи гнѣзда, всѣ ихъ дома и парки перейдутъ въ руки народа. И поэтому, ваши нападки на соціализацію земли не выдерживаютъ критики. Сейчасъ же послѣ захвата земли обработка ея будетъ вестись „панскимъ“ инвентаремъ, на „господскія средства“.

Таковъ былъ отвѣтъ въ 1903 г. А въ 1906 г. эти же воззрѣнія фигурировали какъ максималистскія и мнѣ пришлось защищаться уже отъ с-р. Но все же я сдѣлалъ еще одну попытку приступить къ активной работѣ и съ этой цѣлью обратился къ одному изъ членовъ [illegible] комитета, который направилъ меня къ представителю [illegible] района. Здѣсь меня прежде всего спросили:

—Что вы можете дѣлать?

—Все...

—Все?

—Все, кромѣ боевого дѣла

—А рефераты можете читать?

—И рефераты, и лекціи, на массовкахъ и митингахъ говорить могу, кружки веду и организовываю, прокламаціи и статьи пишу, набирать могу, гремучую ртуть добываю, трубки дѣлаю, на гектографѣ работаю, газету издавалъ и издавать могу, легальную и нелегальную, и все остальное могу, для революціонной работы необходимое...

—Въ такомъ случаѣ для васъ есть работа въ кружкѣ рабочихъ, оставшихся безъ пропагандиста.

—Хорошо, дайте адресъ.

Къ назначенному дню я явился. Собралось человѣкъ шесть. Къ слѣдующему разу никто не пришелъ, а мнѣ приходилось пріѣзжать въ городъ, потомъ пѣшкомъ двигаться нѣсколько верстъ, пока добирался до квартиры. Все же я явился и въ третій разъ, но засталъ лишь трехъ рабочихъ. Пришлось отказаться отъ такой работы. Какъ разъ въ это время изъ другого района мнѣ было предложено прочитать рефератъ въ защиту „права на землю". Я отправился по данному адресу, но таковаго не оказалось. „Отдохнувъ" еще нѣкоторое время, я раздобылъ связи съ желѣзно-дорожнымъ союзомъ и добрался до группы рабочихъ, довольно солидныхъ и развитыхъ с-р-овъ. Но въ это время возгорѣлся уже тотъ конфликтъ между комитетомъ и совѣтомъ районныхъ представителей, не признававшихъ Комитетъ, который привелъ къ созыву конференціи въ сентябрѣ 1906 г. для урегулированія всѣхъ тѣхъ неурядицъ, которыя все время тормозили работу. Занятія съ кружкомъ пріостановились. Въ это время я собралъ всѣ свои статьи, признанныя с-р-ими литераторами „еретическими" и отправилъ ихъ въ Петербургъ въ издательство максималистовъ. Черезъ нѣсколько дней я телеграммой былъ вызванъ туда.

ГЛАВА IV.

Въ Петербургѣ я встрѣтился съ максималистомъ который предложилъ мнѣ поѣхать на первую конференцію соціалистовъ - революціонеровъ - максималистовъ (с-р-м.). На мое указаніе, что я не считаю себя „правовѣрнымъ", я получилъ отвѣтъ, что тамъ будутъ и правовѣрные

и неправовѣрные. Тамъ будутъ, говорилъ онъ, и представители уже существующихъ организацій и максималисты—одиночки, готовые примкнуть къ организаціи, и даже только выясняющіе себѣ вопросы этого теченія.

—Присутствіе на конференціи обязываетъ только къ молчанію. Я считаю возможнымъ пригласить васъ, потому что васъ многіе знаютъ. Во вторыхъ, ваши взгляды близки къ нашимъ. На конференціи будутъ выясняться вопросы, которые, быть можетъ, для васъ неясны. Если вы не согласитесь съ постановленіями ея, то васъ доставятъ туда, откуда вы пріѣхали и... только.

Согласившись съ этими доводами, я въ ту же ночь выѣхалъ по данному мнѣ адресу. Съ большими трудностями добрался я до указаннаго мѣста, находившагося вдали отъ „нескромныхъ" взоровъ царскаго правительства. Здѣсь въ теченіе девяти дней разрабатывались вопросы программнаго, тактическаго и организаціоннаго характера лучшими силами максимализма, среди которыхъ необходимо назвать Михаила Ивановича Соколова, извѣстнаго въ революціонной средѣ подъ кличкой „Медвѣдь". Онъ стоялъ во главѣ той организаціи, которая заставила трепетать всемогущаго Столыпина, которая сыграла видную роль въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, въ исторіи развитія максималистскихъ идей, которая сдѣлала слово „максималистъ" синонимомъ смѣлости, отваги, презрѣнія къ смерти и непримиримости по отношенію ко всѣмъ врагамъ трудового народа,—онъ стоялъ во главѣ боевой организаціи с-р. м. Имя „Медвѣдя" настолько тѣсно сплелось съ исторіей максималистическаго движенія, что, говоря о немъ, нельзя не дать хотя бы краткой біографіи этого поистинѣ замѣчательнаго человѣка.

Еще и теперь я ясно помню его появленіе. Высокій, стройный вошелъ онъ и сѣлъ какъ разъ насупротивъ меня. Я внимательно вслушивался въ его отвѣты на обращенные къ нему вопросы, наблюдалъ за выраженіемъ его лица, глазъ, за звукомъ голоса, очень пріятнымъ, за частымъ нервнымъ подергиваніемъ лица, по которому всегда можно было узнать „Медвѣдя".

Онъ заговорилъ... Какой то мощной силой и энергіей вѣяло отъ всей величавой фигуры и отъ звука его голоса. Рѣчь лилась плавно, приковывая къ себѣ вниманіе при-

сутствовавшихъ, дѣйствуя на слушателей не только логичностью и силой аргументовъ, но и красотой формы, въ которую эти аргументы были облечены. Небольшіе глаза его такъ и метали искры, проникая въ душу слушателя и покоряя его.

Онъ былъ сыномъ крестьянина. Еще будучи ученикомъ, онъ началъ свою соціалистическую работу среди крестьянства, которая была прервана арестомъ. Скоро ему удалось бѣжать изъ тюремной больницы и уѣхать заграницу.

Это было послѣ убійства Плеве Сазоновымъ, когда чуялось приближеніе великихъ революціонныхъ событій. Близко зная крестьянство и его жизнь, считая, что русская революція можетъ быть успѣшной, если въ ней приметъ участіе деревня, считая, что и экономическое положеніе, и правосознаніе крестьянства толкаетъ его на активную роль въ революціи,—онъ поставилъ своей задачей направить лучшія революціонныя силы въ деревню.

Будучи въ это время по взглядамъ своимъ аграрнымъ террористомъ, онъ организовалъ въ Женевѣ группу, съ которой и двинулся въ Россію,—группу, явившуюся провозвѣстницей болѣе широкаго революціонно-соціалистическаго теченія—максимализма.

Гдѣ бы ни появлялся онъ,—все революціонное, боевое, все не зараженное оппортунизмомъ приставало къ нему. Онъ увлекалъ всѣхъ своей энергіей, безпредѣльной вѣрой въ дѣло, своей способностью пробуждать спящихъ къ самой трудной революціонной работѣ.

Какъ сказочный богатырь носился онъ по градамъ и весямъ, сѣя сѣмена аграрно-террористическаго ученія.

Эта кипучая дѣятельность была прервана арестомъ, продолжавшимся не очень долго—наступили октябрскіе дни, а съ ними и амнистія. Въ концѣ ноября и онъ былъ освобожденъ.

Вышедши изъ тюрьмы, онъ немедленно кинулся въ битву и 4-го декабря попалъ въ Москву. Во время возстанія на Прѣснѣ онъ игралъ видную роль. Его богатырская фигура вездѣ мелькала: на митингахъ, на собраніяхъ, на баррикадахъ... Рабочіе готовы были идти за нимъ въ огонь и въ воду. Онъ организовалъ партизанскіе отряды и перешелъ совмѣстно съ другими къ партизанской борьбѣ. Когда Прѣсня

была окружена семеновцами съ Миномъ во главѣ, „Медвѣдь“ съ отрядомъ дружинниковъ прорвался черезъ солдатскую цѣпь...

Русская революція показала, что вопросъ о соціальной революціи въ Россіи не вопросъ далекаго будущаго, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ трудовой народъ можетъ взять въ свои руки и политическую, и экономическую жизнь страны. „Медвѣдь“ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые рѣшили сторонниковъ этого взгляда сплотить въ одну организацію. Но послѣ декабрскаго возстанія и его пораженія, послѣ разстрѣловъ, висѣлицъ и карательныхъ экспедицій, послѣ неслыханнаго глумленія царя и его опричниковъ надъ русскимъ народомъ, „Медвѣдя“ не удовлетворяла эта организаторская работа; онъ предоставилъ ее другимъ товарищамъ, а самъ кинулся въ другую борьбу, борьбу живую и опасную, гдѣ враги сходятся лицомъ къ лицу — въ борьбу террористическую.

Онъ былъ гаавнымъ создателемъ боевой организаціи максималистовъ, выдвинувшей много свѣтлыхъ силъ, много честныхъ и смѣлыхъ борцовъ: геройски погибшихъ при взрывѣ на Аптекарскомъ островѣ, повѣшенныхъ за экспропріацію у Фонарнаго переулка, Татьяну Леонтьеву, убившую Мюллера вмѣсто Дурново, Тамару Принцъ, застрѣлившуюся въ Одессѣ, Климову, Терентьеву, Владиміра Мазурина, главнаго организатора экспропріаціи 800 т. рублей въ Московскомъ Банкѣ Взаимнаго Кредита, „маленькаго Ваню“, „товариша Сергѣя“ и многихъ другихъ, честно стоявшихъ на своемъ посту.

Всматриваясь въ этого опаснаго врага царизма, я вспоминалъ разсказы членовъ „Медвѣдевской“ Б. О. о покушеніи на министра Столыпина на аптекарскомъ островѣ. Это было сейчасъ послѣ свирѣпаго подавленія Кронштадскаго и Свеаборгскаго возстаній, послѣ разстрѣла матросовъ, возставшихъ на защиту правъ народныхъ.

Безпощадно подавилъ Столыпинъ этотъ „бунтъ“. Сотни повѣшенныхъ, разстрѣленныхъ, замученныхъ въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ, отправленныхъ въ каторгу и ссылку.

Часа въ 3 дня 12 августа 1906 къ подъѣзду министерской дачи подъѣхало широкое ландо, запряженное парой красивыхъ лошадей. Изъ него ловко выскочилъ молодой жандармскій офицеръ и вошелъ въ переднюю, гдѣ его встрѣтили чины

столыпинской охраны. По газетнымъ свѣдѣніямъ прибывшій опоздалъ къ пріему и его попросили явиться на слѣдующій день. Произошли пререканія между чиновникомъ Столыпина и „жандармскимъ офицеромъ“, послѣ которыхъ послѣдній бросилъ снарядъ, до тла разрушившій дачу Столыпина. Думалъ ли онъ, что вторично не удастся ужъ пробраться къ министру, ибо приходилось оставить свой адресъ, который могъ быть легко провѣренъ и нелегальность котораго могла быть легко установлена, или онънадѣялся на силу снаряда, отъ котораго Столыпину не укрыться, въ какомъ бы мѣстѣ дачи онъ ни находился? Трудно отвѣтить на вопросъ. Но зная личность покушавшагося, я буду близокъ къ истинѣ, если скажу, что скорѣе всего онъ былъ заподозрѣнъ на мѣстѣ, вслѣдствіе чего и произошли пререканія. Зоркій глазъ и „тонкій“ слухъ охранниковъ сразу, я думаю, отмѣтили несоотвѣтствіе внѣшнихъ пріемовъ наружности пришедшаго и разыгрываемой имъ роли. У „жандармскаго офицера“ не было жандармской „ловкости“, наглости во всей фигурѣ и въ выраженіи лица, специфическихъ оборотовъ рѣчи, такъ прекрасно извѣстныхъ всякому охраннику. Переодѣтый рабочій могъ навлечь на себя подозрѣніе употребленіемъ въ разговорѣ специфически рабочаго слова или термина. И я думаю, что „маленькій Ваня“ (это былъ онъ) этимъ себя выдалъ.

Понялъ это, повидимому, юный герой и, не желая сдаваться, разрушилъ жилище палача-министра. Два его товарища не успѣли даже отъѣхать и тутъ же были убиты. Ибо вся сила взрыва направилась по линіи наименьшаго сопротивленія въ открытую дверь, около которой еще стояло ландо.

Погибли три героя... Но вмѣстѣ съ ними погибла и вся охрана министра, около 100 человѣкъ.

Въ поднявшемся надъ разрушенной дачей столбѣ пыли виднѣлась одна фигура — фигура министра, бѣгавшаго по развалинамъ дома и ищущаго своихъ дѣтей...

Страшныя онъ переживалъ минуты... Но сколько отцовъ и матерей переживаютъ еще страшнѣйшія по его винѣ!.. Думалъ ли онъ когда либо объ этомъ, а если думалъ, то знаетъ ли, что „по дѣламъ его воздастся ему“. Пусть Столыпинъ остался въ живыхъ... Пусть... Но эта схватка максималистовъ съ главой правительства долго будетъ служить примѣромъ геройской отваги и презрѣнія къ смерти,

красной нитью прошедшей черезъ всю максималистическую практику, примѣромъ для тѣхъ, кто явится на смѣну погибшимъ.

Всегда, когда я задумываюсь надъ моментомъ 12-го августа, точно живые выплываютъ предо мною образы двухъ участниковъ этого дѣла.

Первый—„маленькій Ваня". Потерявъ его изъ виду передъ октябрскими днями 1905 года, я узналъ потомъ, что въ эти дни онъ былъ раненъ въ Брянскѣ во время демонстраціи въ руку, которая почти не дѣйствовала до самой смерти.

Въ то время, какъ онъ выздоравливалъ, „Медвѣдь" носился изъ города въ городъ, организовывая силы максимализма. И, естественно, Ваня послѣдовалъ за нимъ... Еще тогда, когда онъ выступилъ террористомъ-экспропріаторомъ, онъ признавалъ много максималистическихъ положеній и былъ недоволенъ тактикой соціалистовъ-революціонеровъ. Еще тогда онъ рвался на террористическое дѣло и говорилъ: „эхъ, кабы на министра послала партія!"

Счастье ему улыбнулось: онъ встрѣтился съ человѣкомъ, который его оцѣнилъ, который понялъ его душу, полную ненависти къ дому Романовыхъ и всему буржуазному строю, и помогъ ему осуществить давно лелѣянную надежду—принести хоть цѣной жизни чуточку пользы тому народу, сыномъ котораго онъ былъ, который вспоилъ и вскормилъ его и передалъ ему съ молокомъ матери вѣковую ненависть свою къ насильникамъ и палачамъ.

Другой — сынъ гонимаго и всѣми презираемаго народа... Еврей... Рабочій... Однажды онъ выступилъ на собраніи соціалистовъ - революціонеровъ съ критикой с.-р. рабочей программы и съ проповѣдью соціализаціи фабрикъ и заводовъ.*) Онъ говорилъ отрывисто, нескладно, но въ каждомъ его словѣ чувствовалась глубокая вѣра въ возможность и близость соціальной революціи... Противъ него выступили всѣ соціалисты — революціонеры . . Онъ былъ „побѣжденъ" и ему пришлось уѣхать...

Все это я вспоминалъ, вслушиваясь въ рѣчи „Медвѣдя" о силѣ народа, мощи личности, неизсякаемости ея творческихъ силъ, знанія и воли.

---

*) См. стр. 48.

И когда онъ заговорилъ о тактикѣ, объ истинно революціонной тактикѣ максимализма, я перенесся мыслью въ Петербургъ къ фонарному переулку въ день 14-го октября, когда человѣкъ двѣнадцать, вооруженныхъ бомбами и револьверами, напали на карету казенной таможни, въ которой перевозилась крупная сумма денегъ—около 400 тысячъ рублей. Карету конвоировалъ десятокъ драгунъ съ ружьями „на изготовку". Все же деньги были взяты среди бѣлаго дня.

Было узнано, что въ этотъ день большая сумма казенныхъ денегъ будетъ перевезена въ казначейство.

Прослѣдили путь кареты... И тогда былъ принятъ слѣдующій планъ: съ мостика, который перекинутъ черезъ Екатерининскій каналъ, какъ разъ пртивъ переулка, будетъ брошена подъ лошадей бомба, чтобы остановить карету. Отрядъ съ бомбами и револьверами, врѣзавшись между каретой и драгунами, непрерывнымъ огнемъ парализуетъ ихъ дѣятельность. Другая часть въ это время нападаетъ на карету и конфискуетъ деньги, которыя будутъ увезены на одномъ изъ двухъ приготовленныхъ извозчиковъ.

Въ назначенный день все произошло почти такъ, какъ было намѣчено. Одинъ изъ организаторовъ этого сказочнаго дѣла — Л. явился на мѣсто раньше часомъ. Чтобы не торчать на виду у всѣхъ, онъ зашелъ въ ближайшій ресторанъ, кажется Кюба, и сѣлъ закусывать, положивъ около себя снарядъ. Гарсонъ хотѣлъ его переложить на другое мѣсто,но Л. быстро схватилъ его и, сказавъ „не трогать" переложилъ на окно. Замѣтивъ изъ окна ресторана, что участники „дѣла" уже на мѣстѣ, онъ, не окончивъ ѣды, расплатился и отправился на свою позицію.

Издали показалась карета. Когда она поровнялась съ мостикомъ, подъ лошадей полетѣла бомба.

Тяжелый мигъ, тяжелое ожиданіе!.. Неужели не взорвется? Неужели все погибло? Неужели неудача? мозгъ Л. горѣлъ, глаза впились въ виднѣвшійся свертокъ, въ дула направленныхъ на него ружей. Ему казалось, что сейчасъ онъ будетъ убитъ.. Но это продолжалось лишь мгновеніе. Воздухъ дрогнулъ, что то ухнуло, поднялся огненный столбъ и началась усиленная стрѣльба: то первый отрядъ началъ нападеніе на драгунъ, не могшихъ справиться съ испугавшимися лошадьми. А гулъ выстрѣловъ, топотъ лоша-

дей и крики испугавшейся и бѣгущей толпы покрывалъ могучій голосъ главнаго организатора т. Сергѣя, который давалъ приказанія, дѣлалъ распоряженія то однимъ, то другимъ, не обращая вниманія на творившійся кругомъ адъ кромѣшный.

Спокойно сошелъ Л. съ мостика и кинулся къ каретѣ. Заглянулъ внутрь—никого: кассиръ и его помощникъ исчезли. Онъ быстро вынулъ изъ глубины кареты кожанныя сумки съ деньгами. Подъ аккомпаниментъ выстрѣловъ изъ драгунскихъ ружей и максмалистскихъ браунинговъ деньги были вложены въ подъѣхавшую пролетку, которая умчалась, защищаемая нападавшими, отрѣзавшими ее отъ преслѣдователей.

—„Ну и жаркая была схватка, разсказывалъ мнѣ Л. Когда я вынулъ сумки изъ кареты, я оглянулся, ища извощика. Но его и слѣдъ простылъ: не то лошадь испугалась грохота и шума взрыва и понесла, не то извозчикъ самъ испугался и оставилъ насъ погибать. Но въ запасѣ была другая лошадь—на нее то все и взвалили. Одинъ мѣшокъ быль слишкомъ тяжелъ. Подозрѣвая, что въ немъ находятся мѣдныя деньги, я схватилъ его и изо всей силы бросилъ о мостовую.. Онъ уцѣлѣлъ; и вторая попытка разорвать его такимъ путемъ не удалась. А участники нападенія, видя, что лошадь умчала „даму подъ вуалью“, увезшую деньги, начали отступать. Нужно было и о себѣ подумать. Я оглянулся.Отрядъ отступалъ въ полномъ порядкѣ, осыпая градомъ пуль тѣснившихъ его драгунъ, подоспѣвшую полицію, агентовъ охраннаго отдѣленія и разныхъ добровольцевъ. Я повернулъ въ какой то переулокъ, зашелъ въ какой то дворъ. Осмотрѣлъ себя. Руки были немного въ крови. Вытеръ ихъ платкомъ. Калошъ одинъ потерялъ. Сбросилъ и другой; засунулъ все это подъ ворота и съ гордымъ видомъ и заносчивой походкой ушелъ, никѣмъ не преслѣдуемый Вдали еще были слышны отдѣльные выстрѣлы. Все же, закончилъ Л., если бы мы знали, что перевозится такая ничтожная сумма, то не жертвовали бы столькими жизнями. Намъ передавали, что въ каретѣ будетъ не менѣе полутора милліоновъ“.

Другой былъ менѣе счастливъ. За нимъ по пятамъ гнались. Онъ не подпускалъ ихъ къ себѣ пока были заряды. Послѣднимъ онъ покончилъ съ собой, чтобы не отдаться врагу.

Двое, не видя выхода изъ оцѣпленной мѣстности, зашли въ какой-то дворъ, которые немедленно послѣ конфискаціи были по приказанію полиціи заперты и обысканы. Здѣсь они и были арестованы.

Суду были преданы восемь человѣкъ, арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ, на разныхъ квартирахъ. Были между ними и не участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ. Но правительство воспользовалось этой экспропріаціей, чтобы повѣсить тѣхъ, кто такъ тяжко наносилъ ему ударъ за ударомъ.

Имя „максималистъ“ гремѣло по всей Россіи и Западной Европѣ, вызывая удивленіе у однихъ, трепетъ у другихъ и жажду мести у третьихъ. И вотъ въ такое время собралась первая конференція максималистовъ, на которой былъ образованъ Союзъ С.-р. м. Мои взгляды лишь въ частностяхъ отличались отъ взглядовъ другихъ и отъ принятыхъ резолюцій. Поэтому я счелъ возможнымъ и нужнымъ вступить въ Союзъ, чтобы вновь начать работу, которая прервалась было благодаря стараніямъ московскихъ соціалистовъ-революціонеровъ.

„Медвѣдя“ всюду ищутъ по предписанію Департамента полиціи. А онъ снова въ Петербургѣ, въ самомъ сердцѣ вражескаго стана, которому онъ готовитъ новый страшный ударъ.

За нѣсколько дней до его ареста я случайно съ нимъ встрѣтился, но не узналъ его—до того онъ сдѣлалъ себя неузнаваемымъ. Высокій, бѣлокурый, съ сѣрыми глазам онъ превратился въ человѣка средняго роста, черными волосами и бородкой, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и почти черными глазами. Смотрю, жму руку и не знаю кто.

—Чумбуридзе, сказалъ онъ.... Лишь по голосу я его узналъ....

Онъ разсказалъ, что на его слѣдъ напала охранка, что, выходя изъ одного дома, замѣтилъ подозрительныхъ субъектовъ.

—Насторожился... Чувствую что сзади идутъ. Какъ на грѣхъ не захватилъ браунинга. Рѣшилъ свернуть въ сторону, чтобы раздобыть револьверъ. Забѣжалъ на конспиративную квартиру, смотрю осторожно изъ окна... Торчатъ шпіоны. Рѣшилъ уйти ближайшими проходными воротами, предупредивъ товарищей объ опасности.

Его арестовали на улицѣ наканунѣ грандіознаго террористическаго акта. Сзади.... Писали, что арестовалъ его нищій, попросившій у него подаянія. Онъ остановился. чтобы вынуть деньги. Въ это время началось нервное подергиваніе лица. Онъ былъ узнанъ. Нищій—переодѣтый агентъ охраннаго отдѣленія, слѣдившій за той улицей, куда долженъ былъ своротить „Медвѣдь". На помошь „нищему" явились городовые и онъ былъ скрученъ.

Среди максималистовъ, оставшихся въ Петербургѣ, упорно носился слухъ, что все было готово для взрыва охраннаго отдѣленія и департамента полиціи. Успѣй онъ и ударъ былъ бы нанесенъ въ самое сердце правительства. Но оно было предупреждено и приняло мѣры... Хотя мы и не знали, вѣрно ли все это, но, зная „Медвѣдя", имѣли право вѣрить всему. Мы вѣрили... И ужасъ объялъ всѣхъ насъ. Говорили, что наканунѣ ареста онъ видѣлся съ представителемъ Б. О. партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, который передалъ ему о томъ, что его замыслы открыты и что охранка увѣдомлена о томъ, что онъ предпринимаетъ.

—Или я провокаторъ, или моя жена,—крикнулъ будто-бы „Медвѣдь", пораженный точностью передачи. Съ нимъ чуть не сдѣлался нервный припадокъ...

Его убѣждали покинуть Петербургъ, ему доказывали, что продержаться долго онъ не можетъ, что если его арестуютъ, то смерть неизбѣжна. А въ такомъ случаѣ заграницей онъ гораздо больше сдѣлаетъ для дѣла, чѣмъ здѣсь въ такой промежутокъ подъ угрозой висѣлицы. Но онъ не хотѣлъ уѣзжать, не выполнивъ задуманнаго Б. О. дѣла. Онъ торопился... Но не успѣлъ. 1-го декабря 1906 года онъ былъ арестованъ, а на разсвѣтѣ 2-го, т. е. менѣе чѣмъ черезъ сутки, онъ былъ казненъ.

— Руки прочь! были его послѣдніе слова палачу, захотѣвшему накинуть ему петлю. Онъ самъ ее надѣлъ и умеръ также мужественно, какъ мужественна была вся его недолгая, но богатая и красивая жизнь.

Томительные дни переживали въ концѣ ноября и въ началѣ декабря тѣ, кто зналъ о полномъ разгромѣ организаціи „Медвѣдя". Не успѣли зажить еще душевныя раны, нанесенныя максималистамъ царскими слугами, какъ вновь изъ ихъ рядовъ были вырваны —Н. Терентьева и Н. Климова, а съ ними

цѣлый рядъ лицъ изъ боевой организаціи. Но — „Медвѣдь“, арестованъ ли, живъ ли, здѣсь ли онъ, или бѣжалъ?... Томительная неизвѣстность... Гдѣ узнать? Куда теперь можно идти? Гдѣ нѣтъ засады?. Онъ долженъ былъ притти въ назначенное мѣсто, но не явился. Неужели арестованъ? А можетъ быть онъ уже казненъ, а мы еще не знаемъ!...

Лишь черезъ день послѣ его смерти узнали мы, что арестованъ Чумбуридзе.

Въ 1906 доду онъ былъ самымъ опаснымъ врагомъ самодержавія, пользовавшимся громадными симпатіями и любовью даже Финляндцевъ, знавшихъ его. Многіе плакали прочитавши, что повѣшенъ „Анатолій“ („Медвѣдь“).

Еего не стало! Уныніе овладѣло очень многими изъ работавшихъ тогда въ Петербургѣ. Не то, чтобы мы не были готовы къ этому, не то, чтобы мы не ожидали такъ скоро его смерти. Но слишкомъ онъ былъ для всѣхъ дорогъ, слишкомъ большія надежды на него возлагались, чтобы возможно было спокойно отнестись даже къ тому, что ждали каждую минуту. Не было ни одного, хоть немного знавшаго его, который бы сомнѣвался въ томъ, что правительству скоро будетъ нанесенъ рядъ жесточайшихъ ударовъ. Вѣдь „Медвѣдь“ еще живъ! А пока онъ живъ, онъ все сдѣлаетъ. Для него не было ничего невозможнаго... И это знало охранное отдѣленіе. Оно боялось этого врага и умышленно распространяло слухи объ его арестѣ... Еще въ началѣ ноября 1906 года въ шведскихъ газетахъ появилась замѣтка объ арестѣ на дворцовой площади 4-хъ автомобилей и 30 боевиковъ максималистовъ, пытавшихся взорвать зимній дворецъ. Какъ это ни фантастично, но это сообщеніе, берущее свое начало въ охранномъ отдѣленіи, показываетъ, какъ цѣнили силу Б. О. и организаторскія способности „Медвѣдя“... Для него и это не считалось невозможнымъ.

Велики и широки были его планы. Разсказывали, что въ періодъ первой Думы онъ осматривалъ Государственный Совѣтъ съ цѣлью его взрыва. И онъ бы выполнилъ задуманное, если бы не нежеланіе похоронить подъ его развалинами нѣсколькихъ профессоровъ — „кадетовъ“, членовъ Совѣта.

У него будто бы былъ выработанъ планъ нападенія на царскосельскій крещенскій парадъ... Въ его головѣ всегда гнѣздились планы одинъ другого труднѣе. Для насъ они казались утопичными... Но не для него...

Достойными соратниками „Медвѣдя" явились Н. Климова и Н. Терентьева...

Терентьева была арестована въ Одессѣ незадолго до его смерти...

Я ее видѣлъ на конференціи въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Высокая, стройная, красивая... Правильныя черты лица... Скромно и изящно одѣта.

Въ дѣлѣ Столыпина она сыграла одну изъ главныхъ ролей—роль горничной въ домѣ, откуда отправились террористы со снарядами.

Выдержанно, безъ шаржа... Такъ разсказывалъ мнѣ Мортимеръ. На заигрыванія лакеевъ отвѣчала улыбкой... На „любезности" швейцара—„строила глазки"... „Расторопная", вѣчно-бѣгущая куда-то съ шутками и прибаутками—она отвлекала подозрѣніе.

Послѣ отъезда ландо къ дачѣ Столыпина она будто-бы съ милой гримасой выскочила на улицу, оглянулась и сказала швейцару: „теперь и намъ можно на часокъ, баринъ уѣхали... Совсѣмъ загоняли... Повеселиться надо-жь"... и упорхнула.

Наталью Климову я видѣлъ въ Гельсингфорсѣ въ гостинницѣ въ обществѣ нѣсколькихъ максималистовъ. „Медвѣдь" о чемъ то говорилъ. Она встревоженная, волнующаяся ходила по комнатѣ, заложивъ руки за спину...

Это та, подумалъ я, которая вмѣстѣ съ Н. Терентьевой принимала участіе въ организаціи покушенія на министра. Но почему это страдальческое выраженіе лица?...

Вторично я ее видѣлъ послѣ отъѣзда „Медвѣдя" въ Петербургъ. Она осталась, ожидая распоряженій...

Трудно стало жить, не имѣя паспорта, въ гостинницахъ Финляндіи. Революціонеровъ, по настоянію правительства, арестовывали, а отъ пріѣзжающихъ спрашивали виды на жительство.. Она жила поэтому, какъ француженка.

Когда вдвоемъ мы однажды зашли къ ней и сказали, что по лѣстницѣ говорили по русски, она заволновалась и

крикнула: „у насъ попросятъ паспорта или прикажутъ освободить номеръ... Что вы надѣлали?“

Теперь она производила совсѣмъ другое впечатлѣніе. Какая то печать утомленности, какая то грусть заволакивала ея взоръ. Сидя въ креслѣ и охвативъ руками колѣни, она задумалась. О чемъ? О своей ли судьбѣ, или о предстоящей новой борьбѣ, новой схваткѣ съ царизмомъ, объ успѣхахъ ли максимализма?

„Какъ здѣсь стало трудно жить! Русскимъ проходу нѣтъ отъ шпиковъ“—сказала она. Она опустила руки и оперлась своей головой о ручку дивана и задумалась. Вся ея фигура, лицо, взоръ говорили о тяжеломъ душевномъ состояніи. Было ли это страданіе за любимаго человѣка, ежеминутно рисковавшаго жизнью, былъ ли это надломъ ея души подъ вліяніемъ гибели лучшихъ товарищей?..

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого она была уже въ Петербургѣ и черезъ нѣсколько же дней она была арестована на квартирѣ, гдѣ провела ночь...

На судѣ обѣ онѣ держались безстрашно, ожидая смертной казни. Спокойно онѣ выслушали объ этомъ приговоръ...

Ихъ не казнили, „а помиловали“ на безсрочную каторгу...

На конференціи былъ еще одинъ, о которомъ вспоминаю съ восторгомъ. Вѣчно веселый, жизнерадостный, онъ всѣхъ заражалъ своимъ настроеніемъ. Жизнь била ключомъ. Все время шутилъ и дѣлалъ многимъ „вселенскую смазь“. Пѣлъ еврейскія революціонныя пѣсни, сильно искажая слова при ужасномъ произношеніи... И это сейчасъ же послѣ дѣла 14 октября, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе: былъ кучеромъ, увезшимъ „даму подъ вуалью“. Его хладнокровію и обязаны тѣмъ, что дѣло удалось.

И это настроеніе не покидало его до конца конференціи. Всѣ разъѣзжались... Онъ шелъ рядомъ съ „Медвѣдемъ“ съ подушкой въ рукахъ. Вдругъ съ размаху ударилъ его подушкой по головѣ съ такой силой, что у „Медвѣдя“ закружилась голова. Онъ прислонился къ дереву и простоялъ съ закрытыми глазами минуты двѣ. Когда головокруженіе

кончилось, онъ, сверкнувъ глазами, сказалъ: „ну и глупъ же ты!“

—Извини, братецъ, больше ни въ жисть не буду...

Было бы преступленіемъ передъ памятью М. Соколова, если бы я не указалъ и на отрицательныя стороны этой могучей личности. И прежде всего нужно упомянуть о томъ преступно—легкомъ отношеніи и къ собственной, и къ чужимъ жизнямъ, которая красной нитью проходила черезъ всю максималистскую боевую практику. Болѣе, чѣмъ къ кому нибудь, было примѣнимо къ нему положеніе, что русскіе террористы стремятся умереть, а не побѣдить.

„Медвѣдь“ рожденъ былъ диктаторомъ. И хотя онъ стоялъ во главѣ демократической, но не децентралистической, боевой организаціи, имѣвшей выборный Исполнительный Комитетъ, но эта черта его характера проявлялась и здѣсь. Все дѣлалось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Болѣе того, часто онъ дѣлалъ такъ, какъ никто изъ его товарищей не хотѣлъ.

Наконецъ, есть факты, указывающіе на слишкомъ небрежное отношеніе его къ вопросу о подборѣ членовъ б. о., куда попадали многіе, которымъ мѣсто гдѣ угодно, но не въ террористической организаціи.

Послѣ провала „Медвѣдя“ и почти всей его организаціи мы поняли скорѣе чутьемъ, чѣмъ знаніемъ итиннаго положенія дѣлъ, что врядъ ли Б. О. сможетъ вновь стать на ноги. Настроеніе было до того убійственное, самочувствіе до того скверное, что парализовалась всякая энергія, всякая возможность что либо дѣлать въ то время, когда нужно было дѣйствовать во всю...

Дѣйствовать! Но какъ начать! Остались ли гдѣ либо члены этой организаціи, или никого ужъ нѣтъ?

Въ моментъ такого нервнаго состоянія былъ „открытъ“ въ самомъ центрѣ союза „провокаторъ“. Это до того парализовало способность дѣйствовать, что рѣшили лучше оставить на время городъ. Этотъ отъѣздъ напоминалъ собою повальное бѣгство подъ натискомъ невидимаго непріятеля.

„Провокаторъ“ былъ открытъ однимъ изъ членовъ союза максималистовъ на основаніи цѣлаго ряда косвенныхъ уликъ, имѣвшихъ, какъ потомъ оказалось, мѣсто лишь въ *его* воображеніи. Но въ моментъ „открытія“ неосновательность уликъ трудно было провѣрить и рѣшено было *до* разбора обвиненій отрѣзать заподозрѣннаго отъ работы путемъ извѣщенія отдѣльныхъ членовъ союза. Но когда установлена была вся абсурдность этого обвиненія, пришлось извѣщать объ ошибкѣ, что внесло еще большую деморализацію въ максималистскіе ряды, такъ какъ провокаторъ, существованіе котораго *гдѣ-то* не отрицалось, не былъ найденъ и тѣмъ самымъ опасность проваловъ не миновала.

Бѣгствомъ изъ Петербурга воспользовались, однако, для розыска товарищей „Медвѣдя“. Я отправился на югъ Россіи, гдѣ послѣ долгихъ мытарствъ нашелъ Л. Узнавъ всѣ подробности разгрома, онъ сказалъ: „Здѣсь Мортимеръ, поговори съ нимъ“.

О Мортимерѣ (Семенѣ Яковлевичѣ Рыссѣ) я слыхалъ, что послѣ съѣзда партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ 1905 г. онъ перешелъ въ ряды максималистовъ, пытавшихся создать самостоятельную организацію. Во время одной экспропріаціи въ Кіевѣ, въ которой участвовалъ и Рыссъ, онъ былъ арестованъ. Попавъ въ тюрьму, началъ думать о побѣгѣ и будто снесся съ „Медвѣдемъ“, который далъ на его освобожденіе 10 тыс. рублей. Но такъ какъ революціоннымъ путемъ освободить Мортимера было невозможно, то онъ заявилъ начальнику охраннаго отдѣленія въ Кіевѣ о своемъ желаніи поступить на службу въ департаментъ полиціи, если ему будетъ дарована жизнь. Предложеніе было принято. Ему организовали побѣгъ, за который охранявшій его городовой былъ приговоренъ къ каторгѣ. Изъ Кіева Рыссъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ о сдѣланномъ шагѣ сейчасъ же далъ знать „Медвѣдю“, который, довѣряя ему, не прерывалъ съ нимъ сношеній. Но не всѣ знали всю истину о Рыссѣ. Л. передавалъ мнѣ немного иначе исторію поступленія Рысса въ департаментъ полиціи. Онъ считалъ, что послѣдній бѣжалъ съ помощью товарищей, что поступилъ онъ въ охрану по ихъ же совѣту. Въ январѣ же 1907 года мнѣ пришлось читать новый варіантъ на тему о побѣгѣ Мортимера изъ участка. Бѣжалъ онъ будто революціоннымъ путемъ

съ помощью жандарма, его охранявшаго, на пароходѣ уже встрѣтилъ начальника Кіевскаго охраннаго отдѣленія. Видя, что ему не скрыться, онъ самъ подошелъ къ нему и предложилъ свои услуги.

Въ моментъ же встрѣчи съ Рыссомъ въ концѣ декабря 1906 г. въ Екатеринославѣ я зналъ лишь два разсказа на эту тему, не считая слуховъ, о которыхъ ниже.

Низенькая, еле освѣщенная комната. Вечеръ... Я стоялъ въ углу противъ двери. Она открылась и на порогѣ остановился Мортимеръ въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ барашковой шапкѣ. Глаза небольшіе, острые, пронизывающіе впились въ меня, какъ бы желая сразу разгадать, кто передъ нимъ.

Никогда такая жуть не охватывала меня, какъ въ то время. Было ли это состояніе человѣка, думавшаго, что передъ нимъ тотъ, кто отправилъ столько людей на эшафотъ; или это было состояніе подъ вліяніемъ мысли о стойкости и преданности революціи личности, презиравшей смерть—трудно рѣшить... А онъ не спускалъ съ меня глазъ...

Наконецъ, мы остались одни. Разговоръ, который произошелъ между нами, въ самыхъ общихъ чертахъ врѣзался мнѣ въ память и я попытаюсь передать его цѣликомъ.

—Вы знаете, кто я,—спросилъ меня М.

—Знаю. Во первыхъ вы Мортимеръ. Во вторыхъ, вы бывшій „сотрудникъ“ департамента полиціи. Въ третьихъ, вы состоите въ бѣгахъ, разыскиваетесь охраннымъ отдѣленіемъ. Васъ цѣнятъ очень высоко. За указаніе вашего адреса...

—Откуда вы это знаете? заговорилъ волнуясь М. Это вамъ могъ сказать лишь Анатолій.

—Ошибаетесь... Знаютъ и другіе...

—Знаетъ Н. Климова. Быть можетъ еще и Терентьева. О что это за женщины! Ихъ имена достойны стоять рядомъ съ именемъ Перовской!..

—Да, это вѣрно. Но васъ больше цѣнятъ...

—Я для нихъ опасенъ, такъ какъ знаю очень много и очень многихъ. Мнѣ легче, чѣмъ кому либо, организовать террористическій актъ...

—Но какъ это сдѣлать при вашемъ положеніи? Довѣріе къ вамъ пошатнулось. Слухъ о томъ, что вы являетесь виной проваловъ, широко распространяется среди с-р. и с-р.- максималистовъ.

—Это я знаю. Но я все сдѣлаю, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія. Я приготовлю такой ударъ правительству, что однимъ этимъ я себя реабилитирую. Или смертью... Я знаю источникъ всѣхъ слуховъ о моемъ провокаторствѣ.

—А вашъ побѣгъ изъ тюрьмы?

Онъ отвѣтилъ, что кромѣ нѣсколькихъ лицъ никто о немъ не зналъ, что Исполнительный Комитетъ Боевой Организаціи с-р.-м. высказался за разрывъ съ нимъ за этотъ побѣгъ, но что Анатолій и Климова ему безусловно довѣряли и все время сносились съ нимъ вопреки запрещенію, что ему приходилось выбирать между смертью и служеніемъ революціи въ такой формѣ, что онъ пренебрегъ такъ называемой традиціонной революціонной моралью и самолично рѣшилъ вопросъ о побѣгѣ. „Передъ своей совѣстью я чистъ. Я былъ увѣренъ, что и тѣ, кто меня хорошо зналъ, одобрятъ мое рѣшеніе. И я не ошибся“...

Я высказалъ ему подозрѣніе многихъ максималистовъ, что департаментъ полиціи не довѣрилъ бы человѣку, бывшему революціонеру, раскаявшемуся подъ висѣлицей, безъ выдачи съ его стороны. Я напомнилъ ему, что въ Петербургѣ онъ назначалъ у себя нѣкоторымъ членамъ Б. О. свиданія, что въ Москвѣ, какъ убѣждены многіе, онъ указалъ на Л. Емельянову, слѣдя за которой можно добраться и до „главарей.“

— Кто же эти многіе? Развѣ Соколовъ, Климова, Терентьева , Л. мнѣ не довѣряли? Развѣ можете вы допустить, чтобы они, зная о выдачѣ, хотя бы ничтожной, имѣли со мной какое либо дѣло! Или, если бы они не знали, то почему у нихъ не могла зародиться эта же мысль? Вѣдь они то знали о томъ, *какъ* я бѣжалъ. Кто же это тѣ которые не вѣрятъ? Неужели они дальновиднѣе, умнѣе, честнѣе и „нравственнѣе“ этихъ, дѣйствительно, великихъ революціонеровъ! Эти „многіе“, по моему глубокому убѣжденію, говорятъ со словъ с. р., которые стараются потопить насъ въ омутѣ созданной ими же провокаціи.

Его рѣчь лилась плавно, красиво. Чѣмъ больше онъ волновался, тѣмъ громче звучалъ его голосъ, тѣмъ большей энергіей она дышала. Глаза его горѣли, метали искры, подвижное лицо его поблѣднѣло. Онъ говорилъ, что лишь департаментъ полиціи въ силахъ доказать, что онъ не провокаторъ, что у него, Мортимера, нѣтъ положительныхъ данныхъ, фактовъ, могущихъ слѣпыхъ сдѣлать зрячими, что всѣ его доказательства являются доказательствами „отъ противнаго“ Но что Климова могла бы извѣстить кого-либо, если бы была хотя тѣнь сомнѣнія въ его честности. Далѣе онъ указалъ, что за нимъ не могли слѣдить, такъ какъ онъ никуда не ходилъ, ибо у него былъ мальчикъ лѣтъ 11-ти, который исполнялъ роль почтальона.

—Этого мальчика я подобралъ чуть ли не на улицѣ, спасъ отъ голодной смерти. Онъ былъ нѣмъ, какъ рыба. И теперь, когда я отправлюсь вторично въ Петербургъ, я его возьму съ собой. Никто не подозрѣвалъ, чтобы такой малышъ исполнялъ такую отвѣтственную роль. Правда, ко мнѣ на квартиру приходили, но приходили какъ разъ тѣ, которые знали, къ *кому* они идутъ. Слѣдовательно, вина также ихъ, какъ и моя. Или, вѣрнѣе, ни моя, ни ихъ. Ибо, глубоко въ этомъ убѣжденъ, я пользовался большимъ довѣріемъ и на меня въ департаментѣ полиціи смотрѣли, какъ на настоящаго „сотрудника“ безъ заднихъ мыслей. Относительно выдачи Емельяновой могу сказать, что это праздная фантазія с.-р-овскихъ кумушекъ. Вѣдь если вникнуть глубже въ это, то всякій пойметъ, что это небылица. Допустимъ, я выдалъ. Но если это знаете *вы*, да еще отъ другихъ, то нужно допустить, что я же доложилъ объ этомъ Б. Орг. Ее не арестовываютъ, значитъ слѣдятъ. Почему же она не уѣхала? Эти слухи и многіе другіе находятся въ связи со многими предложеніями, которыя я вносилъ боевикамъ. Двойная роль, которую я на себя взвалилъ, была трудна и опасна. Чтобы внушить къ себѣ довѣріе, необходимо было хоть что нибудь сдѣлать. Я и внесъ предложеніе о двойной боевой организаціи— одну для выдачи, изъ лицъ знающхъ, что ихъ ожидаетъ, другую, съ „Медвѣдемъ“ во главѣ, для дѣла. Я внесъ предложеніе объ устройствѣ фиктивной динамитной мастерской для выдачи, но безъ людей. Все это не было принято. Какъ бы кто ни относился ко всему этому, но на свой страхъ и рискъ я ничего не предпринималъ. Климова предложила мнѣ

выдать ее, чтобы этимъ укрѣпиться въ департаментѣ. Но вы понимаете, что этой жертвы я не могъ допустить. Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось бѣжать.

Когда я упомянулъ о слухахъ, что нападеніе на карету, въ которой Владиміръ Мазуринъ былъ отвезенъ изъ суда въ тюрьму, не состоялось по той причинѣ, что полиція была увѣдомлена Рыссомъ о готовившемся нападеніи, онъ разразился грозной рѣчью противъ „подлецовъ и глупцовъ“.

—Вѣдь еслибы „они“ были увѣдомлены, то попытались бы захватить тѣхъ, кто взялъ на себя эту трудную задачу.... Нельзя считать врага глупымъ! это большая и вредная ошибка.

— Я между Сцилой и Харибдой. Съ одной стороны— обвиненіе въ „измѣнѣ“ департаменту и въ случаѣ поимки —смерть, съ другой обвиненіе въ провокаціи. Такъ удачно бѣжать отъ сѣтей охранки и.... такъ неудачно запутаться въ сѣтяхъ товарищескихъ, разставленныхъ, правда, по невѣдѣнію... Но я не падаю духомъ. Я увѣренъ, что смогу распутать этотъ узелъ, а пока.... бросимъ этотъ разговоръ и поговоримъ лучше о другомъ. Вы были на конференціи. Думалъ и я попасть туда, но „Медвѣдь“ воспротивился. Кто былъ, какой составъ, какія резолюціи?

Еще съ полчаса мы говорили на эту тему. Онъ обнаружилъ большія знанія, широкую эрудицію, близкое знакомство съ философскими вопросами, ораторскія способности... Онъ производилъ впечатлѣніе талантливаго человѣка, энергичнаго и смѣлаго революціонера, искуснаго организатора, но, долженъ сознаться, не лишеннаго нѣкоторой дозы... революціоннаго авантюризма, что проглядывало сквозь его разсказы о задуманныхъ имъ выступленіяхъ.

Мы условились выѣхать съ нимъ однимъ поѣздомъ, въ одномъ вагонѣ,чтобы имѣть возможность потолковать.Поѣздъ былъ биткомъ набитъ. Мортимеръ отправился искать кондуктора, который отвелъ намъ мѣсто въ первомъ классѣ, въ особомъ купэ за отсутствіемъ мѣстъ во второмъ. Осмотрѣвъ предварительно весь вагонъ и убѣдившись, что нѣтъ ничего подозрительнаго, мы расположились въ нашемъ помѣщеніи.

— Л., началъ М., получилъ телеграмму. Его вызываютъ въ Гельсингфорсъ. Но мы рѣшили, что онъ не поѣдетъ, потому что я вызвалъ оставшихся сюда и просилъ при-

вести также и деньги. Здѣсь мы соберемся, съорганизуемся и начнемъ сначала. Первое наше выступленіе будетъ тройнымъ.

Я задремалъ. Проснувшись, я замѣтилъ, что Мортимера нѣтъ—онъ слѣзъ на одной изъ станцій между Екатеринославомъ и Харьковымъ.

Въ январѣ собрались остатки боевой организаціи. Первое, что я услышалъ было—Мортимеръ провокаторъ. Выставлялись тѣ же доводы, которые были выставлены мною въ бесѣдѣ съ С. Рысомъ. Но ни одного доказательства, ни одного обоснованнаго факта, все слухи и слухи, исходившіе отъ с.-р., которые сказали, передали, предупреждали и только. Считая излишнимъ приводить весь разговоръ съ Мортимеромъ, какъ не могущій служить къ его реабилитаціи, я передалъ лишь, что видѣлъ Мортимера, что онъ знаетъ отъ другихъ и отъ меня о циркулирующихъ о немъ слухахъ, что онъ собираетъ матеріалъ для возстановленія своего имени. „Именно потому, закончилъ я, что мы ничего не знаемъ фактическаго о немъ, мы должны *пока* порвать съ нимъ до полученія точныхъ о немъ свѣдѣній, не обвиняя его въ провокаціи. Но это не можетъ воспрепятствовать его самостоятельной работѣ, которая имъ уже ведется.

Но напрасны были эти слова. Мортимеръ былъ тѣмъ фокусомъ, на которомъ сошлись мысли всѣхъ о провокаціи. И предлагались планы одни чудовищнѣе другихъ — арестовать Рысса и держать его подъ стражей, пока не будетъ выясненъ вопросъ, выслать его изъ Россіи съ запрещеніемъ въѣзда навсегда, убить его и т. д. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили предложить ему выѣхать заграницу и прекратить всякія сношенія съ Россіей до выясненія „дѣла Рысса“.

Онъ былъ вызванъ въ Финляндію, куда онъ пріѣхалъ черезъ Швецію; тамъ ему передали постановленіе. Но онъ отказался ему подчиниться, вернулся обратно и организовалъ на югѣ Б. Организацію изъ лицъ, ему довѣрявшихъ. Между прочимъ убійство Ростовскаго на Дону помощника начальника тюрьмы совершено однимъ изъ членовъ этой органнзаціи Онуфріемъ Музычукомъ 19 лѣтъ, ученикомъ мореходной школы въ Ростовѣ. Но всѣ усилія Рысса разбились о тѣ препятствія, которыя онъ встрѣчалъ: съ одной стороны недовѣріе многихъ

лицъ, съ другой — отсутствіе средствъ для намѣченныхъ террористическихъ актовъ. Боевая организація послѣ „Медвѣдевскаго“ періода отказала ему въ матеріальной помощи. И ему приходилось думать... объ экспропріаціи, чтобы на эти средства организовать „дѣло“. Во время подготовленія такой экспропріаціи онъ и былъ арестованъ въ Юзовкѣ.

Я видѣлъ въ концѣ 1907 года въ тюрьмѣ рабочаго, друга одного изъ тѣхъ, который случайно спасся отъ ареста на той же квартирѣ, гдѣ былъ взятъ Мортимеръ. Онъ говорилъ, что послѣдній былъ арестованъ при участіи жандармовъ, спеціально пріѣхавшихъ изъ Петербурга. Если это вѣрно, то имѣетъ основаніе предположеніе, что Рыссъ былъ выданъ такъ же, какъ и Соколовъ и много другихъ с.-р.-максималистовъ.

———

Передъ собравшимися въ М. стоялъ вопросъ объ образованіи новой Б. О. Союза с.-р.-м. Необходимость ея не оспаривалась. Но планъ ея образованія, предложенный однимъ членомъ союза, не былъ принятъ. Необходимо, говорилъ онъ, чтобы во главѣ сталъ талантливый боевикъ-организаторъ.

— Вспомните недавнюю организацію. Какъ она создалась? И кѣмъ? „Медвѣдемъ“, Виноградовымъ, Климовой и другими, не менѣе ихъ сильными. Куда бы „Медвѣдь“ ни пріѣзжалъ, всѣ льнули къ нему, всѣ просились въ организацію и приходилось даже отказывать. Кѣмъ она держалась? „Медвѣдемъ“, Виноградовымъ, а потомъ „Медвѣдемъ“, Климовой. Вспомните, что въ Б. О. входили не одни максималисты, были тамъ даже и максималиствующіе с.-д. Но мощь Анатолія, его вліяніе, его обаяніе на окружающихъ явились причиной того, что всѣ разногласія стушевывались предъ сознаніемъ необходимости дѣла, живого революціоннаго дѣла. „Медвѣдь“ былъ тѣмъ цементомъ, который скрѣплялъ всѣ части и не допускалъ распада. Такого человѣка мы сейчасъ не видимъ въ нашей средѣ и поэтому приходится начать съ поисковъ. Нигдѣ значеніе личности не можетъ быть такъ велико, какъ въ боевомъ дѣлѣ. Особенно въ дѣлѣ организаціи террористическихъ актовъ. Чѣмъ больше размахъ, организаторскій размахъ террориста, чѣмъ талантливѣе организаторъ, чѣмъ большими связями онъ пользуется, тѣмъ удачнѣе всѣ дѣла. Это ба-

нальная истина. Но ее не мѣшаетъ чаще повторять. Единственный, могущій замѣнить Анатолія, это Рыссъ. Къ сожалѣнію для насъ онъ *пока* умеръ.

Этой точкѣ зрѣнія, поддержанной лишь однимъ, осужденнымъ впослѣдствіи по процессу 44-хъ максималистовъ, *) была противопоставлена другая — о значеніи коллектива. Значеніе отдѣльныхъ лицъ, даже такихъ, какъ „Медвѣдь", ставилось ниже коллектива энергичныхъ боевиковъ. Защитники этой точки зрѣнія доказывали, что имѣя средства и связи всегда можно организовать самое крупное дѣло. Роль организатора беретъ на себя весь коллективъ; отдѣльныя функціи берутъ на себя отдѣльные члены.

Рѣшено было сдѣлать попытку. Ассигновали 20 тысячъ рублей для этой попытки. Взялись за это четыре товарища.

Исторія этой попытки въ высшей степени поучительна. Она подтверждаетъ ту точку зрѣнія, что широкая постановка террористическаго дѣла требуетъ хотя бы одного „Карла", „Медвѣдя", Гершуни. Исторія этой попытки доказываетъ, какъ *не должно быть* организовано боевое дѣло. Чего въ самомъ дѣлѣ недоставало той группѣ, которая взялась за дѣло созданія максималистской б. орг. въ началѣ 1907 г. Были средства, были энергичные, преданные дѣлу, испытанные исполнители. Ихъ было много... Были чисто рабочія группы, появившіяся въ тотъ моментъ, когда рабочая организація максималистовъ въ Петербургѣ ширилась и начала завоевывать симпатіи, группы съ честью поднявшія знамя максимализма.

---

*) Онъ сказалъ: „Всѣ мы здѣсь собравшіеся — хорошіе люди, хорошіе максималисты и боевики. Всѣ мы прекрасно будемъ болтаться на столыпинскихъ перекладинахъ. Но я не вижу здѣсь тѣхъ, кто бы могъ явиться творцомъ и организаторомъ дѣлъ, задуманныхъ Соколовымъ. И поэтому я былъ бы противъ попытокъ созданія Б. О. до тѣхъ поръ, пока мы всѣ не почувствуемъ среди насъ того бойца-творца, котораго мы сейчасъ лишены. Въ противномъ случаѣ будутъ потрачены всѣ средства, добытыя кровью лучшихъ людей Б. О. для спеціальнаго дѣла (для организаціи цареубійства), будутъ жертвы, быть можетъ погибнутъ остатки боевиковъ, но не будетъ никакого дѣла, не нанесемъ правительству ни одного удара".

Это были люди, рвавшіеся въ бой. Но силы ихъ пропадали даромъ. Некому было ихъ использовать. Онѣ, не имѣя средствъ, направлялись въ сторону экспропріацій и за гроши (фактъ!) попадали на вѣчную каторгу и висѣлицу.

Исполнителей было много. Организаторовъ совсѣмъ не было. Былъ лишь — коллективъ. И вотъ этотъ коллективъ началъ свою работу слѣдующимъ образомъ. Не готовясь къ опредѣленному дѣлу, они создавали условія для всякаго дѣла вообще. Одинъ взялъ на себя постановку паспортнаго бюро и организацію квартиръ. Нужно сознаться, что это ему удалось блестяще. Были заведены связи съ разными лицами изъ всѣхъ слоевъ общества, съ такими группами, которыя стояли и теперь еще стоятъ внѣ всякихъ подозрѣній — тутъ были и артисты, и писатели — „старые“ и „молодые“, и врачи, и студенты, и рабочіе. Другому было поручено завѣдываніе перевозкой оружія и устройство складовъ. Одинъ готовился розыскать „пропавшее“ послѣ разгрома Б. О., казни „Медвѣдя“ и ареста Климовой 200 тысячъ рублей изъ экспропріированныхъ у фонарнаго переулка, а всѣ вмѣстѣ они вели переговоры съ одной группой боевиковъ с-р. (кавказцевъ), желавшихъ получить средства для самостоятельной работы подъ максималистскимъ знаменемъ, отъ имени максималистской организаціи и предлагавшихъ созданіе информаціоннаго бюро для координаціи дѣйствій. Переговоры привели къ сліянію „группы четырехъ“ и кавказской группы. Съ чего же начала эта расширенная организація? Опять таки съ созданія обстановки для будущей террористической работы. Та жизнь, которую вели боевики, жизнь почти открытая — вплоть до устройства вечеровъ, журфиксовъ, на которыхъ бывали и артисты, и поэты, и беллетристы, могла бы принести громадную пользу, если бы одновременно со всѣмъ этимъ организовывалось „дѣло“.

— Я васъ совершенно не понимаю, говорилъ Н. часто. Какъ вы думаете что либо сдѣлать? Этакой тактикой! Намѣтьте конкретное дѣло, разработайте планъ, сообразно этому создайте всѣ исполнительные органы вплоть до постановки динамитной мастерской, если надо, а потомъ дѣйствуйте. Вѣдь вы съ конца начали!..

— Нѣтъ, не съ конца. Для дѣйствія организаціи нужны условія — мы ихъ создали. Потомъ вели переговоры, устроили

съѣздъ... Думали сможемъ вмѣстѣ работать, но въ итогѣ — полное расхожденіе. Теперь мы вновь одни. Нѣтълюдей...

— Нѣтъ людей! Развѣ „Медвѣдь", возразилъ Н., говорилъ когда нибудь: нѣтъ людей! Вѣдь въ этомъ и заключается все умѣніе боевика-творца — находить людей, вліять на нихъ, толкнуть ихъ на живое революціонное дѣло. Нѣтъ людей! Да откуда вы знаете, есть ли они, или нѣтъ, если вы сидите у себя съ своими и не знаете, что дѣлается дальше вашего носа. Опуститесь внизъ, въ массу, и поищите, тамъ найдете... Какъ создавалъ „Медвѣдь" свою организацію? Онъ объѣзжалъ массу городовъ. Гдѣ только его не видали? И вездѣ онъ находилъ цѣнныхъ работниковъ. А вы говорите — нѣтъ людей! Что? развѣ изсякъ источникъ? Нѣтъ, не изсякъ. Причина вашей неудачи та, о которой мы говорили еще раньше, въ январѣ. Здѣсь, въ томъ городѣ, гдѣ вы теперь находитесь, есть много боевыхъ силъ, много годныхъ для террора элементовъ. Почему вы ихъ не используете? Они рвутся въ бой... не находятъ его и... погибаютъ ни за что.

Слѣдствіемъ этихъ разговоровъ явилась попытка новой экспропріаціи въ Москвѣ, такъ какъ для крупныхъ террористическихъ актовъ не было уже средствъ. Чтобы понять, какъ это могло случиться, придется сказать нѣсколько словъ о взаимоотношеніи Б. О. и Союза Соц.-рев.-максималистовъ.

Послѣ октябрскихъ и декабрскихъ дней и въ періодъ первой Думы въ нѣдрахъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ появилось сильное недовольство боевой тактикой партіи и постановленіями ея Ц. К. Особенно многочисленны были протестующіе среди боевыхъ элементовъ, среди террористовъ. Этимъ и воспользовались максималисты, считавшіе, что въ пережитый Россіей моментъ послѣ разгона первой Думы, подавленія возстаній въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ и неудачи всеобщей забастовки необходимо было усиленіе террора. И „Медвѣдь" сталъ во главѣ организаціи, охватившей всѣхъ недовольныхъ с-р. Послѣ взрыва на Аптекарскомъ островѣ и экспропріаціи на углу Фонарнаго переулка тяготѣніе къ боевой организаціи максималистовъ было настолько сильно, что приходилось бороться съ этой „эпидеміей боевизма", приходилось удерживать работниковъ для массовой работы, которая лишь зарождалась въ нѣкоторыхъ городахъ. „Медвѣдь" и многіе другіе изъ Б. О. ясно сознавали, что вынужденный момен-

томъ терроръ максималистовъ, увлекшій почти всѣ наличныя ихъ силы, при полномъ отсутствіи того резерва, массовыхъ организацій, откуда можно было бы черпать новыя силы для боевыхъ дѣйствій, принесетъ громадный вредъ дѣлу максимализма въ Россіи. Въ этомъ онъ сходился съ немногочисленными работниками въ пролетарской массѣ и при ихъ содѣйствіи была созвана первая конференція Соціалистовъ-революціонеровъ- максималистовъ, положившая основаніе Союзу с-р. м. съ его Центральнымъ Исполнительнымъ Бюро, направившемъ всѣ свои наличныя силы на укрѣпленіе своихъ позицій въ Петербургѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, отчасти въ Бѣлостокѣ и на Уралѣ.

Боевая Организація максималистовъ имѣла своего представителя въ Бюро и вошла въ составъ Союза на автономныхъ началахъ. Но фактически это была совершенно самостоятельная, ничего общаго не имѣющая съ Союзомъ, организація, постановляющая и исполняющая свои дѣла независимо отъ Союза и лишь извѣщающая Ц. Б. о произведенномъ ею актѣ черезъ члена его, самой Боевой Организаціей выбраннаго.

Таковы были взаимоотношенія этихъ двухъ органовъ, установившіяся подъ сильнымъ давленіемъ „Медвѣдя" послѣ конференціи Б. О. въ началѣ ноября 1906 года. Почти всѣ члены Ц. Б. высказывались противъ такой изоляціи его отъ дѣлъ Б. О., ибо, говорили они, при провалѣ можетъ случиться, что нельзя будетъ ее возстановить, нельзя будетъ доискаться тѣхъ связей, складовъ, мастерскихъ, денегъ и т. д., которыми владѣетъ Б. О. Они оказались пророками... Ровно черезъ два мѣсяца послѣ конференціи, когда вся боевая организація была разгромлена, разбита, разсѣяна, Ц. Б. абсолютно ничего не знало, гдѣ что находится. И второстепенные, и третьестепенные члены Б. О., исполнявшіе при жизни „Медвѣдя" и другихъ передаточныя функціи и знавшіе адреса, особенно адреса денегъ, безконтрольно пользовались ими послѣ смерти Соколова для какихъ угодно дѣлъ. Такъ одинъ изъ членовъ Б. О. подозрѣвался въ томъ, что передалъ около тридцати тысячъ рубл. п. с-р. на организацію убійства Лауница, другой — въ томъ, что захватилъ изъ той же кассы 25 т. рублей и скрылся въ Парижъ, третій, — что скрылся съ 25 т. рублей, у него хранившимися. И когда Ц. Б. собрало, наконецъ, остатки „медвѣдевской" организаціи въ началѣ 1907 г., то они располагали сум-

мой въ 30 т. рублей. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ 30 т., полученными Ц. Б. отъ „Медвѣдя", Союзъ зналъ лишь о 60 т. р. изъ 400 т. экспропріированныхъ у фонарнаго переулка. Когда „группа четырехъ" взялась за созданіе Б. О., одинъ изъ нея долго розыскивалъ 200 т. рубл., вывезенныхъ изъ Петербурга послѣ провала. Не разъ я у него спрашивалъ: „Ну, напали на слѣдъ?"

— Напасть то я напалъ. Но что толку? Знаю, кто перевозилъ, но не знаю, гдѣ тотъ, кому отданы. Извѣстно с-р-амъ, но они не хотятъ давать адреса, отговариваясь незнаніемъ. Теперь вотъ они пустили слухъ, что деньги сожжены. Но я раскопаю!..

Но ничего онъ не раскопалъ, ибо былъ скоро арестованъ. Лишь успѣлъ передать пишущему эти строки фамилію тѣхъ, кто „вывозилъ" деньги изъ опаснаго мѣста.

Вотъ почему новой Б. О. пришлось вновь начать съ экспропріаціи. За это взялся Л. Была снята дача, гдѣ поселилось нѣсколько человѣкъ. Обстановка была роскошная, барская, съ комфортомъ. Была и конюшня для лошади...

Слѣжка была организована, узнали дорогу, по которой ѣздила всегда карета, узнали о количествѣ охраны...

Послѣ одной изъ такихъ развѣдокъ взволнованный Л. разсказалъ объ измѣненіи пути слѣдованія кареты и объ увеличеніи охраны. Онъ высказалъ мысль о провокаціи.

Нѣкоторые доказывали, что это простая случайность: измѣненіе пути вездѣ теперь принято, а увеличеніе охраны можетъ быть вызвано суммой перевозимыхъ денегъ.

— Да что вы говорите — случайность! Сколько времени слѣдилъ и никогда не мѣняли пути, всегда одно и то же количество казаковъ — десять человѣкъ, а сегодня — пятнадцать и неслись они, какъ черти. При такой бѣшенной скачкѣ ни черта не сдѣлаешь. Подозрительно!..

Но подготовленія продолжались. Привезли пироксилинъ и динамитъ: приготовляли нѣсколько бомбъ.

Мѣсяца черезъ полтора всѣ, за исключеніемъ Л., были арестованы. Подозрѣнія высказанныя Л. имѣли, повидимому, основанія.

По просьбѣ Л. была съорганизована для этой экспропріаціи группа изъ десяти рабочихъ изъ Петербургскаго района во главѣ съ Христіаномъ Мауреромъ. Въ первый разъ при встрѣчѣ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе молчаливаго

и вдумчиваго революціонера. Когда я вошелъ къ нему, изъ глубины комнаты выдѣлилась фигура въ большихъ грубыхъ сапогахъ, въ засаленномъ картузѣ, съ сердитымъ лицомъ и нахмуренными бровями. Я обратилъ вниманіе на его большую, мозолистую руку и голубые глаза. Онъ былъ весь—сила. Отъ него вѣяло несокрушимой энергіей и физической мощью. Плечи шорокія, самъ коренастый, мускулистый.

Сошедшись съ нимъ поближе, я узналъ, что онъ очень конспиративенъ. Говорилъ очень мало и неохотно. Агитаціонныхъ рѣчей не любилъ слушать.

Въ комнатѣ у него всегда былъ браунингъ или маузеръ; бомбы, динамитъ, оболочки, запальники и револьверы хранилъ въ укромномъ мѣстѣ.

Безъ средствъ и связей онъ пытался экспропріаціей добыть деньги, чтобы начать „настоящую работу".

Она была неудачна....

Въ теченіе долгаго времени онъ ходилъ злой, пасмурный, задумчивый. Неудачная экспропріація, при которой погибло нѣсколько постороннихъ, на него сильно повліяла. Онъ началъ говорить объ осторожномъ пользованіи этимъ орудіемъ борьбы.

Его приговорили къ смертной казни, замѣненной ему пожизненной каторгой. Въ арестантскомъ халатѣ, въ кандалахъ присутствовалъ онъ на второмъ своемъ судѣ. (Дѣло Христіана Маурера, А. Сиверова и др.) На вопросъ предсѣдателя, не воспользуется ли онъ правомъ послѣдняго слова, Христіанъ, загромыхавъ цѣпями, гордо поднявъ голову, сказалъ: „Я максималистъ. Можете судить меня по всей строгости *вашихъ* законовъ".

Другой былъ моложе его. Живой, подвижной, энергичный всегда улыбавшійся и веселый, онъ, какъ бы, дополнялъ собой мрачнаго Христіана, строгаго и необщительнаго. Онъ искалъ боевое дѣло. Но не только приложить куда либо свою силу, даже выйти изъ комнаты онъ не могъ: не было ни сапогъ, ни пальто, ни шапки. Онъ безропотно сидѣлъ всегда дома и читалъ. Долгое сидѣніе безъ работы сильно его озлобили, и онъ дѣлался постепенно ярымъ сторонникомъ экономическаго террора нетолько противъ капиталистовъ, но и противъ представителей такихъ учрежденій, какъ черносотенныя или буржуазныя городскія самоуправленія.

Третій производилъ прямо отталкивающее впечатлѣніе. (Въ концѣ концовъ онъ былъ выброшенъ изъ группы). Во всемъ выраженіи его лица было нѣчто іезуитское. Глаза маленькіе, хитрые, бѣгающіе, избѣгавшіе прямого, „въ упоръ", взгляда, губы плотно сжатыя. Во взглядѣ—жестокость.

Я помню одинъ его разсказъ о предателѣ—рабочемъ, который былъ убитъ. Дрожь охватила меня и холодъ проникъ въ душу. Это было не простое изложеніе факта,— тѣмъ болѣе не печальная, грустная повѣсть о необходимости прибѣгать къ такимъ средствамъ самозащиты. Нѣтъ! Это былъ какой-то гимнъ убійству провокаторовъ, какое то сладострастное упоеніе предсмертными судорогами, какая то жажда крови. При разсказѣ о томъ, какъ вонзили ножъ въ бокъ, онъ крякнулъ, какъ пьяница послѣ выпитой чарки, охнулъ, поднялъ руки и картинно изобразилъ, какъ опустилась она съ ножомъ, какъ вошелъ ножъ въ тѣло, издалъ крикъ смерти и даже закрылъ глаза.

Я отшатнулся отъ этого „людоѣда". Но о немъ давали хорошій отзывъ — онъ былъ очень дѣятеленъ, раздавалъ литературу, что-то организовывалъ, что-то задумывалъ, но при разсказѣ о своихъ предпріятіяхъ производилъ впечатлѣніе человѣка неискренняго, чего-то недоговаривавшаго. Его голосъ, пониженный до шопота, обдавалъ холодомъ, будилъ чувство гадливости. Онъ остался внѣ группы...

Всѣ остальные были обыкновенные рабочіе—боевики, смѣло шедшіе на встрѣчу смерти. Это были тѣ безымянные герои, которые сотнями погибали въ эпоху реакціи. Тихо живутъ они, тихо сходятъ въ могилу. Лишь объ одномъ изъ нихъ нельзя умолчать. Это былъ совершенно молодой максималистъ, сынъ рабочаго, еще ученикъ. Его влекла къ себѣ опасность—терроръ, экспропріаціи, нападенія. Онъ съ увлеченіемъ говорилъ о смерти во время „дѣла", даже не для революціоннаго „дѣла". Смерть ради смерти, подвигъ ради подвига, въ чемъ онъ усматривалъ красоту жизни, — вотъ его характеристика.

Изъ такихъ людей состояла группа десяти, которая была арестована до Московскаго провала на разныхъ квартирахъ и въ разныхъ частяхъ города и которая должна была войти въ составъ Б. О. с.-р. максималистовъ.

Послѣ такого удара все разрушилось. Уже въ періодъ агоніи Б. О. боевики наткнулись на организатора, который раскритиковалъ всѣ ихъ дѣйствія, но на предложеніе стать во главѣ и возродить боевку отвѣтилъ:

—Отыщите раньше того провокатора, который провалилъ Анатолія, потомъ дѣлайте мнѣ предложеніе, не раньше. Быть повѣшеннымъ только за намѣренія не желаю.

Такъ погасла боевая организація с.-р. максималистовъ, имѣвшая большія связи во флотскомъ гвардейскомъ экипажѣ, среди матросовъ императорской яхты „Штандартъ",среди солдатъ Петропавловской крѣпости, среди писарей интендантства и генеральнаго штаба.

——

Въ то время, какъ Б. О. „Медвѣдя", послѣ неудачной попытки „группы четырехъ" реставрировать ее, совершенно распалась, крѣпла и росла боевая дружина Петербургской организаціи максималистовъ во главѣ съ казненнымъ въ концѣ іюня 1907 года подъ фамиліей Агапова Николаемъ Любомудровымъ.

Въ январѣ 1907 года не существовало еще въ Петербургѣ максималистской организаціи. Были отдѣльныя интеллигентныя лица, были рабочіе, раздѣлявшіе максималистскія воззрѣнія,почти во всѣхъ раіонахъ (Коломенскомъ, Московскомъ, за Невской заставой (на Семянниковскомъ заводѣ), въ Василеостровскомъ районѣ, на патронномъ заводѣ, на галерномъ островкѣ и т.д.) Мнѣ удалось собрать всѣ эти силы, среди которыхъ былъ и Николай Любомудровъ, бывшій ученикъ Псковской сельско-хозяйственной школы.

Высокій, съ смуглымъ энергичнымъ лицомъ. Молчаливый, немного напоминавшій Христіана.

Черезъ нѣсколько дней при содѣйствіи этой группы было устроено собраніе активныхъ работниковъ—максималистовъ, на которомъ присутствовало 22 представителя отъ рабочихъ группъ. На этомъ собраніи былъ выбранъ комитетъ, куда вошелъ и Николай, взявшій на себя боевую работу.

Съ его именемъ связанъ цѣлый рядъ *мелкихъ* нападеній, *мелкихъ* экспропріацій и террористическихъ актовъ. Не потому, чтобы онъ не былъ способенъ на нѣчто большее, а потому, что это была вся его тактика. Всѣ вопросы того момента онъ

рѣшалъ единообразно: вопросы безработицы—путемъ систематическихъ экспропріацій денегъ, пищи, одежды. Вопросы борьбы съ организованнымъ капиталомъ—экономическимъ терроромъ. Вопросы политической борьбы—политическимъ терроромъ. И это потому, что онъ хотѣлъ помочь рабочимъ *сейчасъ*, сію минуту. Какъ бороться съ безработицей? Путемъ уничтоженія капитала? Но сейчасъ его уничтожить нельзя, значитъ умирать съ голоду! Какъ помочъ безработнымъ? добиваться общественныхъ работъ! Но пока ихъ добьешься, какъ жить? И онъ приходилъ къ тактикѣ экспропріацій.

Правда, ему не былъ присущъ тотъ размахъ, которымъ отличались „Медвѣдь“ и Мортимеръ. Но и передъ нимъ носились широкія задачи, выполненіе которыхъ, быть можетъ, ему и удалось бы, если бы онъ не увлекся своей въ принципѣ невѣрной тактикой и если бы условія, въ которыя былъ поставленъ Николай, благопріятствовали проявленію его инициативы и организаторскихъ способностей. Извѣстно, что группа лицъ съ Николаемъ во главѣ обсуждала планъ взрыва одного учрежденія путемъ автомобиля, нагруженнаго необходимымъ количествомъ взрывчатаго вещества, управляемаго однимъ изъ этой дружины и пущеннаго прямо въ двери.

Отсутствіе средствъ, оружія, взрывчатыхъ веществъ, хорошихъ, знающихъ свое дѣло, химиковъ и техниковъ часто приводили къ неудачамъ. Такъ, покушеніе на портового адмирала Греве, его помощника и двухъ мастеровъ не удалось потому, что бомба брошенная съ носа крейсера „Баянъ“ не взорвалась. Покушавшійся рабочій скрылся и былъ арестованъ лишь черезъ четыре дня. По дорогѣ въ охранное отдѣленіе онъ отравился.

Рабочіе были сильно взволнованы неудачей, обвиняли организаторовъ въ томъ, что тѣ отправляютъ людей на смерть, не обезпечивая успѣха дѣлу. Результатомъ этого недовольства явилось еще одно покушеніе на новаго адмирала, выполненное самолично рабочимъ, извѣстнымъ въ максималистской организаціи подъ именемъ „Генерала“. Встрѣтивъ начальника порта, направлявшагося на крейсеръ, онъ выстрѣлилъ въ него всего одинъ разъ, ибо въ браунингъ, впопыхахъ, была вложена „генераломъ“ обойма съ однимъ лишь патрономъ.

При такихъ условіяхъ началъ свою дѣятельность Николай. Смѣлость его, не знавшая границъ, привлекала къ нему многихъ рабочихъ, недовольныхъ программой, и, главнымъ образомъ, тактикой партій. Онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ на рабочихъ тѣмъ, что во всѣхъ „дѣлахъ“ онъ лично участвовалъ. Онъ ихъ не только организовывалъ, но подъ его непосредственнымъ руководствомъ они и исполнялись. Не разъ его рабочая дружина настаивала, чтобы онъ себя поберегъ, сохранилъ. Но онъ не могъ *посылать* на смерть, онъ дѣлилъ со всѣми опасность предпріятій и неудачи. Благодаря этому неуловимая петербургская дружина максималистовъ сильно разрослась, такъ что пришлось разбить ее на десятки и образовать центральную дружину, которая и совершила цѣлый рядъ актовъ. До чего цѣнны были рабочіе, организованные Николаемъ, можно судить по тому факту, что на одно „дѣло“ имъ было двинуто сразу до 40 боевиковъ. Оно не состоялось. По сигналу всѣ разошлись. И это дѣло до сихъ поръ неизвѣстно охранному отдѣленію, что указываетъ на то, что среди такого множества, правда лучшихъ изъ все росшей максималистской организаціи Петербурга, рабочихъ не оказалось ни одного предателя или провокатора. И это въ то время, какъ съ легкой руки с-р-овъ говорили: гдѣ три максималиста, тамъ непремѣнно одинъ провокаторъ*) Вообще нужно сказать, что петербургская группа максималистовъ не имѣла внутри себя провокаторовъ.**)

Я встрѣтился съ однимъ рабочимъ изъ центральной группы, который въ яркихъ краскахъ изобразилъ мнѣ необычайную твердость духа, которую проявлялъ Николай и его соратники во время нападеній. За очень короткій промежутокъ времени — четыре мѣсяца — онъ выступалъ много разъ; мнѣ извѣстно лишь о шести.

Онъ организовалъ экспропріацію двухъ почтовыхъ отдѣленій. Часть участниковъ удалилась черезъ окна. Неимовѣрная быстрота и знаніе мѣстности, — вотъ что было

---

*) Теперь ясно, что распространеніе этихъ слуховъ принадлежитъ Азефу и что громадная доля, если не вся, вины за деморализацію, внесенную въ максималистскіе ряды этими слухами, принадлежитъ также Азефу.

**) У Баранова и Наумова пытками вынудили „откровенныя показанія“, отъ которыхъ они на судѣ отказались. Съ организаціей у нихъ связи были прямо таки ничтожны.

характерной чертой Николаевской дружины. Всѣ они безпрекословно исполняли его приказанія во время акта.

Во время одного нападенія на магазинъ Николай бросился по направленію къ одному генералу, тамъ находившемуся, и громко крикнулъ:

— Генералъ! подымите руки, и мы васъ не тронемъ...

Генералъ повиновался. Ибо, говорятъ очевидцы, голосъ его дѣйствовалъ какъ внезапный ударъ грома, былъ властно —настойчивъ, взглядъ его грозенъ...

Когда онъ бралъ кого либо за руку, ею нельзя было двигать...

Къ числу неудачныхъ его выступленій относится попытка „снять" посты городовыхъ на Выборгской сторонѣ. Было намѣчено 16 пунктовъ, на которые одновременно должно было быть произведено нападеніе.

Была темная ночь... Лилъ дождь... Ни зги не видно было. Участники не слыхали сигнала—выстрѣла. Лишь на ближайшихъ постахъ „сняли" двухъ—одного обезоружили, другого, сопротивлявшагося, убили. Остальные разошлись...

Дѣло убійства двухъ инженеровъ, тормозившихъ широкую постановку общественныхъ работъ, принадлежитъ этой дружинѣ.

Не перечисляя еще очень многихъ его выступленій, скажу лишь о его нападеніи на ломбардъ, во время котораго почти всѣ дружинники погибли—часть была арестована, двое покончили съ собой, не желая попадать въ руки враговъ, одного убили городовые. Лишь одинъ скрылся.

Послѣ экспропріаціи отрядъ во главѣ съ Николаемъ демонстративно, чуть ли не потрясая оружіемъ, двинулся по улицѣ и... наткнулся на полицію. Пришлось отступать. Отрядъ раздѣлился. Одна часть не сдалась—погибла отъ своихъ собственныхъ рукъ. Другая, и Николай въ томъ числѣ, была арестована...

Цѣной гибели всего отряда было куплено знамя максимализма—безстрашіе и презрѣніе къ смерти.

Я видѣлъ Николая въ тюрьмѣ за день до смерти. Спокойный, онъ вышелъ совмѣстно со всѣми на прогулку. Оглянувшись и увидѣвъ меня, онъ произнесъ: приговоренъ къ смертной казни.

— Когда? За что?

— Вчера... За убійство, кажется, восьмерыхъ, во время сраженія съ полицейскимъ отрядомъ. Съ нимъ было казнено трое его товарищей.

* * *

Мои воспоминанія о Петербургскихъ максималистахъ были бы не полны, если бы я забылъ хотя бы вкратцѣ охарактеризовать личность Ирины Каховской и М—ы.

— Не производитъ ли она на васъ впечатлѣнія святой? спрашивала меня не разъ знакомая с-д. меньшевичка. Какая вѣра! Какая преданность! Знаете, у нея очень часто нѣтъ денегъ для поѣздки за Шлиссельбургскую заставу къ рабочимъ, и она идетъ чуть ли не 10 верстъ пѣшкомъ съ петербургской стороны. Только первые христіане такъ вѣровали да, пожалуй, первые русскіе соціалисты. Теперь что-то мало такихъ, которые бы пѣшкомъ ходили. Посмотрите ея лицо: блѣдное, спокойное, дышетъ глубокой вѣрой въ торжество соціализма...

И эти слова были вѣрны. Еще недавно с-д-ка, она подъ вліяніемъ пережитыхъ Россіей событій перешла въ ряды максималистовъ. Ея роль была очень скромная—роль пропагандистки въ рабочихъ кружкахъ. Она пользовалась большимъ уваженіемъ среди тѣхъ рабочихъ, съ которыми она сталкивалась. За ея простоту, за ея искренность, за ея глубокую вѣру въ торжество рабочей революціи, которая передавалась ея слушателямъ, къ ней относились съ глубокимъ уваженіемъ и цѣнили ее, какъ лучшаго друга.

Она никогда не задумывалась надъ тѣмъ, какую каторгу приготовятъ ей царскіе палачи за ея культурно-максималистическую дѣятельность. Этотъ вопросъ ее мало трогалъ.

Она совершенно не интересовалась тѣмъ, слѣдятъ ли за ней, или нѣтъ: она дѣлала свое дѣло съ сознаніемъ, что выполняетъ нравственно-обязательное для себя...

Помню ее убѣждали оставить Петербургъ, такъ какъ за ней ходили по пятамъ.

— Не ради себя, Ира, а ради товарищей, которыхъ вы „замарываете“, вы должны это сдѣлать!..

Она уѣхала. Но жажда работы была такъ велика, что она рѣшила быть конспиративной и вернуться въ Питеръ.

— Скоро мы отсюда уѣдемъ.

Она собрала цѣлую группу рабочихъ, которымъ рисовала яркую картину работы „на Волгѣ“—хожденіе съ пристани на пристань, съ берега на берегъ, изъ села въ село. Съ этой группой она мечтала двинуться въ путь.

— Все это хорошо, Ира. Вы поѣдете, будете работать. Но нужно же „выжить“ это короткое время!.. Васъ могутъ во всякое время арестовать—и тогда прощай, матушка—Волга!.. Вы бы хоть „пообчистились“. У васъ на квартирѣ, навѣрно, есть какой нибудь складъ...

— Ничего нѣтъ... Все убрано...

Во время обыска у нея нашли паспорта, печать какой-то боевой дружины, какія то записки и т. д.

Ее судили по дѣлу нападенія на квартиру ростовщика Франка, къ которому она не только не имѣла отношенія, но даже возмущалась, что максималисты могутъ заниматься такими дѣлами. Она успокоилась, когда узнала, что максималисты тутъ не при чемъ.

Вспоминая Иру, нельзя не вспомянуть и другую дѣвушку—М. Энтузіазмъ ея не имѣлъ границъ. Довольно опытная пропагандистка, хотя довольно молодая. Пользовалась вліяніемъ въ Московскомъ районѣ.

— Знаете, заявила она мнѣ при встрѣчѣ. Ира осуждена... Ее надо спасти.... Необходимо устроить побѣгъ...

— Но, М., теперь объ этомъ думать нечего. Все разгромлено.

— Какъ? для Иры нѣтъ товарищей?

— Нѣтъ денегъ....

— Денегъ.... Необходимо достать.... У соціалистовъ-революціонеровъ. Вѣдь они у насъ брали!..

О! Еще какъ брали! Всѣми способами...

— Всѣми! Не можетъ этого быть...

— Какъ не можетъ! На первой конференціи нашей былъ прочитанъ отчетъ деньгамъ, экспропріированнымъ въ Москвѣ въ обществѣ взаимнаго кредита дружиной Мазурина. Этотъ отчетъ, неполный, былъ составленъ Василіемъ Дмитріевичемъ Виноградовымъ, казненнымъ незадолго до конференціи. Тамъ въ отчетѣ значилось, что партія с.-р. получила черезъ двухъ лицъ свыше 100 тыс. рублей слѣдующимъ путемъ.. Одинъ членъ Московской оппозиціи получилъ на храненіе около 45 т. р, и съ этой суммой онъ перекочевалъ въ п. с.-р.

Когда объ этомъ заявили Ц. К. и потребовали обратно деньги, Ц. К. отвѣтилъ, что получилъ ихъ отъ „частнаго лица". Другой просто забралъ свыше 55 т. р. у своей знакомой, у которой хранились экспропріированные деньги. Ц. К. заявилъ, что получилъ „отъ частнаго лица". Кромѣ этихъ путей добыванія денегъ дружина, устраивавшая экспропріацію, выдала: Сѣверо-Западному областному комитету п.с.-р. на крестьянское дѣло 20 т. р. Екатеринославскому комитету п.с.-р.—3 т.р. Крестьянскому союзу п. с.-р.—2 т. р, на освобождедіе каторжанъ—10 т. р. Петербургской террористической группѣ—20 т. р. Другихъ цифръ я не помню, но отчетъ можно достать, если понадобится. Кромѣ того, знаете ли вы, гдѣ 200 т. р., взятыхъ цѣною смерти восьмерыхъ нашихъ товарищей у фонарнаго переулка? Нужно спросить у с.-р.: они дали бы намъ цѣнныя указанія, но „не хотятъ".... На эти деньги можно было бы освободить не одну Иру. А вы говорите с.-р. дадутъ и „не можетъ быть". Очень тяжело бываетъ, когда узнаешь то, что мы знаемъ. Не таковыми должны быть соціалисты.

Мой разсказъ ее очень поразилъ. Она сильно задумалась.

ГЛАВА V.

Вопросъ о принципѣ, который долженъ лечь въ основу соціалистической программы, какъ и построеніе самой программы, совершенно не интересовалъ первую конференцію с-р.м. Собравшись въ такой моментъ, когда на лицо были и экономическія и психологическія предпосылки переворота, конференція все свое вниманіе обратила на вопросъ о *возможности* соціалистическаго переворота. Въ этомъ и усмотрѣла конференція сущность максимализма. Теперь ужъ ясно, въ чемъ ошибка такого воззрѣнія. Если стоять на той точкѣ зрѣнія, что сущность максимализма заключается въ *возможности* соціализаціи власти, земли и фабрикъ, то *теперь*, когда никакой соціализаціи мыслить невозможно, ибо нѣтъ для этого той революціонной атмосферы, которая была въ концѣ 1905 г., въ 1906 г. и въ началѣ 1907 г., той атмосферы, наличность которой является sine qua non возможности пере-

веденія субъективныхъ предпосылокъ изъ состоянія потенціальнаго, изъ состоянія покоя въ состояніе кинетическое— теперь съ этой точки зрѣнія не можетъ быть мѣста никакому максимализму, никакой максималистской организаціи. И въ настоящій моментъ невозможно говорить объ отсутствіи предпосылокъ для соціальной революціи. Они существуютъ, но въ потенціи. Чтобы возможно было говорить о немедленной ихъ реализаціи, необходимо какое либо сильное потрясеніе въ странѣ: война, голодъ, выдающійся по своему значенію террористическій актъ, финансовое банкротство государства, выступленіе какой либо части организованнаго пролетаріата. Все это можетъ послужить толчкомъ, началомъ народной массовой революціи, при которой все скрытое выходитъ наружу, при которой ясно формулируются и реализуются желанія и стремленія народныя, до революціи запрятанныя въ глубинахъ народнаго духа, при которой благодаря наличности такъ называемыхъ объективно—экономическихъ предпосылокъ возможно осуществить соціалистическій строй дѣйствующими, находящимися въ движеніи, пробудившимися субъективно — психологическими силами. Мы можемъ и должны говорить о максимализмѣ *независимо* отъ революціоннаго періода, въ теченіе котораго онъ можетъ быть реализованъ; и поэтому необходимо его сущность усматривать въ троякаго рода принципахъ: принципы, на которыхъ конструируется соціалистичская программа, и принципы тактики и организаціи.

* * *

Основной вопросъ, который необходимо разрѣшить раньше, чѣмъ приступить къ построенію максималистской программы, заключается въ опредѣленіи того принципа, который долженъ быть положенъ въ основу всякой революціонно-соціалистической программы. Необходимо выяснить, принципъ ли это должнаго, или принципъ возможнаго, ибо лишь на этихъ двухъ принципахъ и возможно построеніе такой программы.

Мы имѣли до сихъ поръ два ея опредѣленія, данныя представителями соціально-революціоннаго міровоззрѣнія. По первому изъ нихъ это — „планъ дѣйствій и стремленій, объеди-

ненныхъ общимъ принципомъ и подчиненныхъ одной конечной цѣли", это „договоръ между лицами" и „орудіе пропаганды".*)

Годна ли эта тріединная формула для выясненія вопроса о томъ, что называется соціально-революціонной программой? Намъ кажется, что эта формула ничего не можетъ разрѣшить. Здѣсь, во-первыхъ, не указано, каковъ тотъ общій принципъ, который долженъ объединять и дѣйствія, и стремленія соціалистовъ. А вѣдь это и составляетъ душу всякой программы. Здѣсь, во-вторыхъ, не указаны тѣ отличительные признаки, которые рѣзко отдѣляютъ революціонно-соціалистическую программу отъ программы не революціонной и не соціалистической. Ибо всякая программа это — планъ дѣйствій и стремленій, это договоръ, это орудіе пропаганды и всякая программа подчинена „одной конечной цѣли".

Если мы обратимся къ другому опредѣленію, которое трактуетъ программу, какъ формулировку „цѣлей и задачъ партіи въ ихъ раціональной внутренней связи и соподчиненіи, а равно и тѣхъ научныхъ основаній, по которымъ постановка данныхъ цѣлей и задачъ необходима и законна, какъ исторически, такъ и этически"**), — то придется констатировать еще большую неопредѣленность. Здѣсь, какъ и въ первомъ опредѣленіи, ни слова не сказано объ искомомъ, о самомъ принципѣ, о цѣли. Здѣсь, правда, говорится о существованіи цѣлей и задачъ, но подобное упоминаніе доказываетъ лишь смѣшеніе воедино программы должнаго партіи съ цѣлымъ рядомъ программъ возможнаго въ тотъ или иной моментъ. Забыто, что для соціалистической партіи существуетъ всегда одна цѣль, по отношенію къ которой всѣ остальныя „цѣли" квалифицируются какъ средства. Къ отрицательнымъ сторонамъ этой формулы необходимо отнести еще и то, что она подчиняетъ постановку данныхъ цѣлей, въ томъ числѣ и конечную цѣль, разумѣется, требованію необходимости и законности исторической и этической. Въ этомъ ограниченіи безсознательно или сознательно вложенъ принципъ возможности, о негодности котораго для построенія программы такъ много писали „сами" соціалисты-революціонеры.

---

*) А. Комовъ. Къ вопросу о теорет. основахъ соціалистической программы. Изд. „Трудъ и борьба".

**) Прил. къ № 53 „Р. Рос".

Найти искомый нами принципъ и тѣмъ самымъ отвѣтить на вопросъ, что же такое соціально-революціонная программа, возможно будетъ лишъ въ томъ случаѣ, если мы рѣзко разграничимъ три основныхъ понятія, смѣшеніе которыхъ и приводитъ къ невообразимой путаницѣ. Необходимо ясно понять различіе между: 1. программой желательнаго соціально-революціоннаго переворота; 2. программой практически осуществимой въ революціонный періодъ и 3. повседневными требованіями рабочаго класса. Мы начнемъ анализъ этихъ понятій съ конца.

Что такое повседневныя требованія рабочаго класса? Возможна ли систематизація этихъ требованій въ одно стройное цѣлое, въ программу? Повседневныя требованія рабочаго класса, вѣдь это тѣ его ближайшія нужды, которыя выдвигаются самой жизнью рабочаго, выступающаго каждодневно на борьбу съ капиталомъ и полицейскимъ государствомъ, какъ производитель всѣхъ существующихъ матеріальныхъ благъ, какъ потребитель матеріальныхъ и духовныхъ цѣнностей и какъ гражданинъ страны. Всѣ эти многообразныя, не могущія заранѣе быть учтенными, нужды рабочаго класса ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть втиснуты въ рамки партійной программы. Ни одна партія не можетъ знать тѣхъ новыхъ, неизвѣстныхъ въ моментъ созиданія программы, требованій, которыя выкуются кузнецомъ-временемъ и грозно будутъ поставлены предъ лицомъ рабочаго класса. Ни одна партія не можетъ заранѣе учесть сложность жизни рабочаго класса, а, слѣдовательно, и то разнообразіе ея потребностей, которыя въ любой моментъ могутъ выдвинуть новые практическіе вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ становится невозможнымъ нормальное теченіе рабочей и крестьянской жизни. Вотъ почему повседневныя требованія рабочаго класса не могутъ быть тождественными съ требованіемъ программъ-минимумъ, разсчитанныхъ исключительно на практическую или логическую совмѣстимость ихъ съ буржуазнымъ строемъ. Развѣ то, что систематизировано хотя бы въ такъ наз. аналитической программѣ партіи с.-р., въ которой „проявляєтся, главнымъ образомъ, работа разложенія, детальнаго подрыва по частямъ всего буржуазнаго строя“, то же самое, что получилось бы въ итогѣ систематизаціи (если бы это было возможно) частичныхъ улучшеній, частичныхъ требованій въ родѣ уничтоженія штрафовъ,

увеличенія заработной платы, общественныхъ работъ, помощи безработнымъ и т. д.

Всякая партія, всякая группа, ведущая проповѣдь борьбы съ современнымъ буржуазно-полицейскимъ строемъ и зовущая другихъ на эту борьбу, должна исходить не только изъ отвлеченныхъ принциповъ правды и справедливости, а должна базировать на почвѣ конкретныхъ требованій, связанныхъ тысячами нитей съ жизнью рабочаго класса. Каждое такое требованіе необходимо развертывать и связывать съ общими вопросами экономическаго равенства, политической свободы и будущаго соціалистическаго общежитія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что возможно всѣ эти мелочи жизни систематизировать, а если возможно, то необходимо ли? Если возможно, то — въ программу-минимумъ или, быть можетъ, въ программу-максимумъ? Нѣтъ, невозможно, ни въ минимумъ, ни въ максимумъ! Такъ отвѣчаетъ максималистское теченіе въ ученіи соціально-революціонной школы научнаго соціализма, выставившее лозунгъ: „долой программу-минимумъ!“, нисколько не тождественный съ лозунгомъ: „долой уступки!“ А кто утверждаетъ ихъ тождество, тотъ или не понимаетъ разницы между этими двумя понятіями, или, понимая, преднамѣренно ихъ спутываетъ.

Признавая необходимость борьбы за частичныя улучшенія положенія рабочаго класса, максималисты, въ то же время, оцѣниваютъ ихъ съ единственной точки зрѣнія: приближаютъ ли они, или отдаляютъ часъ соціальной революціи. Улучшенія перваго рода должны быть признаны, второго—отвергнуты. Никакихъ другихъ нормъ быть не можетъ. Это единственная норма, выставляемая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ для разрѣшенія вопроса за или противъ. При этомъ принципіальное за приходится каждый разъ сообразовать съ размѣрами силъ; приходится ставить требованія въ зависимости отъ условій практической осуществимости.

Переходимъ къ опредѣленію второго понятія. Что такое программа, практически осуществимая въ періодъ революціи? Вотъ это есть то, что извѣстно подъ именемъ программы-минимумъ. Каждая партія, каждая группа, исходя изъ своей оцѣнки субъективно-психологическихъ и объективно-экономическихъ предпосылокъ революціи, дѣлаетъ выводъ о возможности въ періодъ бури и натиска осуществленія лишь выдвинутой ею программы. С.-д., какъ намъ извѣстно, говорили о

буржуазной революціи въ Россіи, с.-р. — о буржуазно-трудовой, с.-р.-максималисты — о соціалистической (трудовая республика). Это различіе вытекаетъ изъ различной оцѣнки движущихъ силъ революціи. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что нужна на принципѣ практической осуществимости въ революціонный періодъ построенная программа? Ни въ коемъ случаѣ для тѣхъ, кто принципіально стоитъ на точкѣ зрѣнія должнаго въ программѣ. Что же касается тѣхъ, для которыхъ эта точка зрѣнія недостаточна, то имъ нужно указать на тактическую ошибочность самоурѣзыванія, на то, насколько это вредно для конечной цѣли соціализма. Но для этого мы должны установить тотъ соціально-революціонный взглядъ, по которому дѣйствія каждой личности, каждой группы личностей оказываютъ вліяніе на ходъ историческаго развитія. И съ этой точки зрѣнія, чѣмъ полнѣе и яснѣе выставленная соціалистическая программа, чѣмъ полнѣе проповѣдь соціализма, тѣмъ скорѣе создаются тѣ психическіе факторы, безъ наличности которыхъ невозможно революціонное выступленіе народа. Чѣмъ полнѣе и революціоннѣе программа и тактика, тѣмъ скорѣе создаются и тѣ объективныя условія, безъ которыхъ невозможенъ переворотъ. Чѣмъ урѣзаннѣе программа и тактика, тѣмъ позже пробужденіе народныхъ массъ, тѣмъ позже наступаетъ ихъ освобожденіе. Программа-минимумъ, напр., с.-р., съ этой точки зрѣнія, угашаетъ духъ народа, духъ революціи и она вредна, если бы даже и была ступенью къ соціализму, если бы она даже способствовала скорѣйшему наступленію царства равенства и свободы, чего мы, отнюдь, не считаемъ. Соціалистически-революціонная партія, группа, организація, съ этой признанной соціально-революціоннымъ міровоззрѣніемъ точки зрѣнія, должна всегда выставлять программу полнаго соціалистическаго переворота, къ которому они должны стремиться всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, при всѣхъ ситуаціяхъ, въ какихъ бы они ни находились, т. е. въ основу соціалистической программы необходимо класть принципъ должнаго, какъ этико-соціалистическаго, такъ и тактическаго. Это нисколько не противорѣчитъ нашимъ утвержденіямъ, основаннымъ на анализѣ народно-хозяйственной культуры Россіи и всѣхъ ея особенностей, что наивысшей возможной формой соціальнаго переворота въ Россіи является установленіе трудовой республики, ибо это максимумъ достижимаго путемъ

революціоннаго переворота въ настоящее время. Этотъ возможный максимумъ не является минимумомъ по отношенію къ нашему идеалу; и трудовая республика, и вполнѣ развитой соціалистическій строй представляютъ собой лишь разныя степени одного и того же экономическаго и соціально-политическаго организма. Трудовая республика — зародышевая форма соціалистическаго строя, получающая возможность развитія по направленію къ нашему должному, которое необходимо систематизировать въ программу, но наступленіе котораго мы опредѣлить не можемъ.

Такъ ли строитъ свою программу партія с.-р.?

Само существованіе программы-минимумъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Но партія с.-р. и до сихъ поръ отрекается отъ того вида систематизаціи минимальныхъ требованій, при которомъ рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ чутье практической осуществимости. Вотъ почему приходится немного остановиться на этомъ вопросѣ. Вдумаемся въ аргументацію защитниковъ наиболѣе революціоннаго пункта минимальной программы — соціализаціи земли. Говоря, что болѣе, чѣмъ кто-либо, соціалисты понимаютъ, „что не только въ самосознаніи народа, а въ техническихъ матеріальныхъ условіяхъ производства въ настоящее время недостаетъ еще многихъ данныхъ для полнаго осуществленія соціалистическаго идеала“, партія с.-р. *) дѣлаетъ слѣдующее прибавленіе: „это не означаетъ, однако, чтобы современный соціализмъ не обладалъ въ настоящее время (курсивъ нашъ) никакой осуществимой (курсивъ въ текстѣ) программой. У современныхъ соціалистическихъ партій есть всегда достаточно требованій, которыя вполнѣ осуществимы (курсивъ нашъ) лишь бы для осуществленія ихъ была на лицо достаточная численная сила“. Къ числу такихъ требованій отнесено с.-р-ми огосударствленіе земли, впослѣдствіи превратившееся въ соціализацію; и поэтому это требованіе и попало въ программу-минимумъ. Отъ принципа осуществимости партія с-р. не отказалась и до сихъ поръ.*) Этимъ и объясняется отсутствіе въ программѣ требованія соціализаціи индустріи, какъ требованія, съ точки зрѣнія с-р., технически неосуществимаго въ настоящее время. И отъ народно-соціалистической партіи с.-р-ы отличаются лишь тѣмъ

*) В. Черновъ. Анарх. и программа-минимумъ. „Созн. Россія“ № 4.

что программа послѣднихъ базируетъ только на объективной возможности, игнорируя отсутствіе другихъ, необходимыхъ для реализаціи соціалистическаго строя, факторовъ. Но въ виду измѣняемости и экономическихъ, и историческихъ, и политическихъ, и бытовыхъ предпосылокъ, обусловливающихъ программу партіи с.-р., программа эта не можетъ быть неизмѣнной, она должна быть текучей, какъ текучи и перемѣнны предпосылки. Каждому данному „фундаменту" должна соотвѣтствовать другая надстройка. Такой выводъ самъ собой напрашивается.

И въ данное время, когда экономическая политика самодержавія измѣнила существенно объективныя условія развитія Россіи, партія с.-р. должна измѣнить свою программу-минимумъ, приноровивъ ее къ измѣнившимся условіямъ. Если же партія с.-р. этого не дѣлаетъ, то объяснить этотъ курьезъ можно лишь тѣмъ, что принципъ осуществляемости заложенъ въ основу с.-р-ой постройки безсознательно; отъ него давно уже пытаются освободиться на словахъ, призывая на помощь и аналитическую программу, и цѣлый рядъ программъ-минимумъ, и цѣлый рядъ максимумовъ. Но... все напрасно: застраховать себя отъ подобныхъ „случайностей" соціалистически-революціонная партія смогла бы, положивъ въ основу своей программы принципъ должнаго. Правильность этой мысли мы попытаемся доказать, базируя на положеніяхъ, признаваемыхъ... соціалистами-революціонерами.

Говоря о систематизаціи минимальныхъ требованій, В. Черновъ даетъ три типа построенія минимальной программы. *) Одинъ изъ этихъ типовъ, по которому, якобы, построена с.-р. программа, характеризуется имъ слѣдующимъ образомъ: „можно ничѣмъ не ограничивать размѣровъ реформъ, а брать всякую реформу, всякое противоядіе каждому частному виду гнета и эксплуатаціи въ ея максимальномъ мыслимомъ размѣрѣ" (курсивъ нашъ). Дѣйствительно ли въ программѣ партіи с.-р. противоядіе взято въ максимальномъ размѣрѣ? Какой максимально мыслимый размѣръ требованія объ увеличеніи заработной платы? Каждому производителю полный продуктъ его труда, а не минимумъ заработной платы. Какой максимально мыслимый размѣръ сокращенія рабочаго времени? Сокращеніе до уничтоженія прибавочнаго времени,

---

*) См. В. Черновъ. „Анарх. и программа-минимумъ".

а не 8 ч. рабочій день. Какой максимально мыслимый размѣръ требованій въ области политической и правовой? Установленіе общественной организаціи, гарантирующей власть труду, а не буржуазной демократіи. Въ вопросахъ же переустройства земельныхъ отношеній — соціализація сельско-хозяйственнаго производства. Однимъ словомъ, если неуклонно логически развертывать эту точку зрѣнія с.-р-овъ, то мы должны притти къ максималистскому принципу должнаго въ программѣ.

Подойдемъ къ этому вопросу нѣсколько съ иной стороны. Исходя изъ того, что соціально-революціонная школа научнаго соціализма, отрицая существованіе связи между процессами капиталистическаго и соціалистическаго развитія, доказала неизбѣжность революціоннаго между ними столкновенія; исходя изъ взгляда на капитализмъ, какъ на форму порабощенія рабочаго класса, а на развитіе капиталистической промышленности, какъ на почву, на которой соціалистическое движеніе развивается, — п. с.-р. „принципіально не видитъ никакихъ научныхъ основаній для того, чтобы поддержать требованіе о ненарушимости капиталистическаго развитія. *) Согласно этому, „главное отличіе минимальной программы соціально-революціонной партіи отъ с-д-ой минимальной программы заключается въ томъ, что требованія первой въ области соціальныхъ отношеній далеко выходятъ за предѣлы существующаго экономическаго строя" **) (курсивъ нашъ). Изъ программы партіи с.-р. соціально-революціонныя требованія, правда, не исключены, но если можно выходить „за предѣлы", то въ интересахъ ясности и опредѣленности необходимо еще указать, какъ далеко можно выходить. Почему включены одни революціонныя требованія, а не другія? Почему требованія с.-р-ой программы, а не максималистской? Вѣдь и эти послѣдніе также выходятъ „далеко за предѣлы".

Если логически послѣдовательно проводить это научно-обоснованное положеніе, признаваемое и с.-р., и с.-р.-максималистами, то мы вновь придемъ къ максималистскому принципу должнаго въ программѣ.

---

*) Л. Шишко. Къ вопросу о минимальной программѣ.

**) Тамъ же.

Итакъ, мы считаемъ совершенно излишнимъ и вреднымъ построеніе программы-минимумъ или, что одно и то же, построеніе программы, практически осуществимой въ революціонный періодъ. Но, въ то же время, безспорно то, что революціонные соціалисты должны знать, что народъ, возставъ, сможетъ осуществить; они должны знать для этого народные обычаи, народное право и его сознаніе, они должны знать „экономику" и „политику" страны, они должны имѣть совершенно ясное представленіе о субъектѣ и объектѣ революціи. Лишь это знаніе даетъ прочную увѣренность въ томъ, что программа должнаго не находится въ противорѣчіи съ направленіемъ развитія той или иной страны. Лишь такое знаніе окрыляетъ соціалистовъ и даетъ имъ увѣренность, что программа желательнаго переворота широко разольется въ трудовыхъ низахъ и двинетъ ихъ на борьбу. Лишь это знаніе вселяетъ въ нихъ бодрость и вѣру, что этотъ переворотъ близокъ...

Теперь мы можемъ отвѣтить на поставленный въ самомъ началѣ вопросъ: что называется соціалистической программой. Это цѣлый рядъ мѣръ, реализація которыхъ непосредственно вводитъ трудовой народъ въ новое общежитіе, базирующее на экономическомъ равенствѣ и полной свободѣ. Это рядъ мѣръ, который совершенно уничтожаетъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ и который революціонные соціалисты должны отстаивать и до, и послѣ перехода власти въ руки рабочаго класса. Это, однимъ словомъ, программа желательнаго соціально-революціоннаго переворота.

Всегда, когда максималисты говорятъ о своей программѣ, какъ о программѣ желательнаго соціальнаго переворота, с.-р. въ разныхъ варіаціяхъ преподносятъ имъ слова т. Тучкина, что „общій и основной критерій дѣятельности партіи всегда одинъ и тотъ же—соціалистическій идеалъ". Мы думаемъ, что до сихъ поръ всѣ соціалисты лишь склоняли слово соціализмъ въ семи его падежахъ. И поэтому соціализмъ для рабочаго класса красивое слово, но лишенное всякаго содержанія. Ибо нельзя говорить о содержаніи тамъ, гдѣ все оно сводится къ опредѣленію: „при соціализмѣ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ и что всѣ будутъ равны". Пора покончить съ этимъ дѣтскимъ періодомъ пониманія будущаго строя, пора заговорить не о соціалисти-

ческомъ идеалѣ, а о программѣ соціализма, объ устояхъ его, о тѣхъ условіяхъ, неотдѣлимыхъ отъ его существа, безъ осуществленія которыхъ немыслимо никогда наступленіе соціалистическаго общежитія. Пора разложить понятіе соціализма на его составныя части, показать рабочему міру каждую часть отдѣльно въ полномъ его блескѣ и лишь тогда, мы вѣримъ, рабочій классъ съ новыми силами, съ новой отвагой ринется въ бой со всѣми врагами трудового люда.

* * *

Програма соціализма есть система мѣръ, осуществленіе которыхъ во всѣхъ областяхъ народной жизни—индустріальной и сельско-хозяйственной, общественной и политической—одновременно явитъ намъ соціалистическій строй въ формѣ федеративной соціалистической республики. Такую систему мѣръ или, точнѣе, такую программу возможно построить.

Программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ, разсчитанная на *объективную* возможность ея осуществленія, построена слѣдующимъ образомъ. Сначала перечислены „неотъемлемыя“ права человѣка и гражданина, потомъ на этихъ началахъ установлена демократическая республика. Какую степень демократизаціи явитъ собой демократическая республика с-р-овъ? Это будетъ зависѣть отъ степени демократичности „неотъемлемыхъ правъ“, что, въ свою очередь, зависитъ отъ величины переворота въ общественно-экономическихъ отношеніяхъ, т. е., если россійская революція будетъ сопровождаться полнымъ уничтоженіемъ современнаго общественно-экономическаго уклада жизни, то и „неотъемлемыя права“, т. е. свобода слова, печати, собраній, совѣсти и союзовъ, будутъ истинно демократичными и свободными.

Программа—минимумъ с-р. стремится не къ полному уничтоженію современнаго общества, а лишь къ его демократизаціи; слѣд. и „неотъемлемыя права“ будутъ буржуазно-демократическими, урѣзанными, неполными и несвободными.

Итакъ, с-р-ое требованіе *полной* свободы совѣсти, слова, печати и т. д. *неосуществимо* при с-р-ой республикѣ. Это существенное противорѣчіе въ ихъ программѣ. Или свобода будетъ полная, но тогда будетъ уничтоженъ весь капиталистическій строй, или, если власть остается въ рукахъ буржуазіи, то свобода будетъ неполной, и с-р. не мѣшало бы перестать морочить трудовой народъ и замѣнить въ прог-

раммѣ слова „полная свобода“ словами „буржуазно-демократическая свобода“.

Соціалисты-революціонеры-максималисты доказываютъ наличность объективно-экономическихъ и субъективно-психологическихъ предпосылокъ для завоеванія полной свободы, свободы соціалистической, гарантирующей каждой личности, каждой группѣ личностей полную свободу агитаціи и пропаганды, организаціи массъ и ихъ вооруженія.

И всѣ остальныя части максималистической программы находятся въ полной гармоніи съ первой ея частью—политической и правовой. Полной свободѣ соотвѣтствуютъ соціализація индустріи и соціализація сельско-хозяйственнаго производства.

Но недостаточно сказать—соціализація. Каждый отдѣлъ программы долженъ состоять изъ ряда мѣръ, ведущихъ къ ней. Каковъ же этотъ рядъ мѣръ въ политической и правовой области?

I. Прежде всего права личности и группъ личностей: 1. Право на жизнь и какъ слѣдствіе этого—право на трудъ въ равныхъ его условіяхъ. Въ буржуазномъ обществѣ существуетъ лишь право... на смерть голодныхъ и право на тунеядство богатыхъ. Ибо гдѣ существуетъ бѣдность, доходящая до того, что люди мрутъ съ голоду,—тамъ нѣтъ права на жизнь. Гдѣ капиталистъ имѣетъ право въ каждый моментъ выбросить рабочаго на улицу и перевести его въ ряды безработныхъ, а слѣдовательно и голодныхъ, гдѣ самъ строй для своего существованія нуждается въ безработной арміи, тамъ не существуетъ права на трудъ, слѣдовательно не существуетъ и естественнаго права на жизнь, которое каждый человѣкъ получаетъ фактомъ своего рожденія, но которое власть и капиталъ имущіе давно уже у него отняли. Признавъ право на трудъ необходимо признать и

2. равное право пользованія индустріальными предпріятіями, землей, лѣсами и водами на основѣ приложенія собственнаго труда.

3. Право на полный продуктъ труда и право стариковъ, больныхъ и дѣтей на общественное содержаніе.

4. Право равнаго участія въ распредѣленіи продуктовъ.

5. Свобода слова, печати, собраній и союзовъ; свобода совѣсти; свобода передвиженія и выбора рода занятій; непри-

косновенность личности и жилища; всеобщее и равное избирательное право для гражданъ не моложе 20 лѣтъ безъ различія національности, религіи и пола съ закрытой подачей голосовъ и прямыми выборами.

6. Равное право всѣхъ народовъ или ихъ частей на полное отдѣленіе или на самоуправленіе.

7. Право возстанія.

На основѣ этихъ правъ должно быть воздвигнуто организованное федерирующееся общежитіе (федерація городскихъ и сельскихъ общинъ) съ пропорціональнымъ представительствомъ, референдумомъ и инициативой, гарантирующее: уничтоженіе *права ареста* кого бы то ни было кѣмъ бы то ни было; выборность, смѣняемость во всякое время и подсудность всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая депутатовъ и судей;*) введеніе родного языка во всѣ мѣстныя и федеральныя учрежденія; обязательное, равное для всѣхъ общее свѣтское образованіе на обще-федеративный счетъ; въ общинахъ со смѣшаннымъ населеніемъ право каждой національности на пропорціональную своей численности долю въ бюджетѣ, предназначенномъ на кульурно-просвѣтительныя цѣли, и распоряженіе этими средствами на началахъ самоуправленія; полное отдѣленіе церкви отъ государства и объявленіе религіи частнымъ дѣломъ каждаго; уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея народнымъ ополченіемъ.**)

II. Въ промышленной области: соціализація индустріи и нѣдръ земли; передача правъ по управленію производствомъ исполнительнымъ органамъ общинъ, свободныхъ союзовъ общинъ и федеративной республики въ зависимости отъ ихъ значенія; возможно большее сокращеніе рабочаго времени; охрана труда во всѣхъ областяхъ производства подъ наблюденіемъ союзовъ рабочихъ; право ихъ на установленіе внутреннихъ распорядковъ въ промышленныхъ заведеніяхъ; нормальная обстановка труда; гигіеничность устройства помѣщеній, уничтоженіе работъ дѣтей до 16-ти лѣтняго возраста, работъ женщинъ въ извѣстныхъ отрасляхъ и въ извѣстные періоды; ограниченіе работы несовершеннолѣтнихъ.**)

---

*) Говоря о судьяхъ и подсудности въ строѣ будущаго, мы считаемъ возможнымъ существованіе лишь выборнаго, для каждаго даннаго случая о т д ѣ л ь н о, суда. Мѣрой наказанія—бойкотъ въ разныхъ его степеняхъ.

**) См. программу П. С.-Р.

III. Въ аграрной области: соціализація сельско-хозяйственнаго производства и обобществленіе земли на слѣдующихъ началахъ: всѣ права по управленію землями, лѣсами и водами передаются исполнительнымъ органамъ общинъ, свободныхъ союзовъ общинъ и федерацій въ зависимости отъ ихъ значенія. Пользованіе землей на основѣ приложенія собственнаго труда на кооперативныхъ началахъ; право земледѣльческихъ кооперативовъ на установленіе въ нихъ внутреннихъ распорядковъ.

IV. Въ народно-хозяйственной области: отчисленіе части продуктовъ труда для нуждъ общины и федеративной республики. Уничтоженіе наслѣдствъ и покровительственныхъ пошлинъ.

V. Въ общинной области: организація безплатной врачебной и агрономической помощи; организація водоснабженія, освѣщенія, путей и средствъ сообщенія, канализаціи, устройство жилищъ и т. д. *)

Такова въ общихъ чертахъ *соціалистическая программа*. Ясно теперь ея отличіе отъ соціалистическаго идеала, съ понятіемъ котораго связано туманное представленіе объ организаціи строя далекаго будущаго, до того далекаго, что планъ его немыслимо себѣ и представить. Говоря о соціалистическомъ идеалѣ, современныя политическія партіи ограничиваются указаніемъ, что соціалистическій строй обобществляетъ собственность, производство и распредѣленіе. Дальше этого они не идутъ, считая такой прогнозъ пустой утопіей, не имѣющей никакого значенія.

Итакъ, наше отличіе отъ с.-р. заключается въ томъ, что въ то время какъ мы признаемъ необходимость борьбы *во всякій данный моментъ* за осуществленіе нашей соціалистической программы на почвѣ повседневныхъ требованій рабобочаго класса, с.-р. считаютъ необходимымъ бороться на этой же почвѣ за программу минимумъ, связывая ее съ борьбой за соціалистическій идеалъ. Нужна ли эта переходная ступень?

*
* *

Указавъ на то, что „реформы должны явиться попутно, какъпобочное слѣдствіе революціонной борьбы",**) соціалисты-

*) См. программу П. С.-р.

**) № 40. „Р.Р." „Задачи грядущаго". Какой крикъ подняли вы, товарищи, когда это сказали мы! Какой насмѣшкой отвѣтилъ В. Черновъ въ „Сознат. Рос." на это заявленіе мак-въ, заявленіе, ранѣе сдѣланное с-р. а, быть можетъ, тѣмъ же В. Черновымъ, въ № 40 „Р. Р".

революціонеры продолжаютъ: „итакъ, требованія минимальныя для насъ прежде всего являются широкимъ и опредѣленнымъ критеріемъ, мѣриломъ для оцѣнки частичныхъ нашихъ завоеваній, или частичныхъ уступокъ со стороны дирижирующихъ элементовъ общества. Но это не программа нашего собственнаго движенія въ его цѣломъ. Наша программа въ этомъ смыслѣ есть только максимальная, только интегральная *программа соціализма* (курсивъ мой Г. Н.), въ которую лишь входятъ, какъ часть въ цѣлое, нѣкоторыя изъ минимальныхъ требованій. Ее мы пропагандируемъ, во имя ея зовемъ къ борьбѣ, подъ ея знаменемъ организуемъ ядро своей партіи, къ ея осуществленію приспособляемъ всѣ свои дѣйствія. Минимальныя же требованія регулируютъ лишь *одну сторону* нашей дѣятельности—наше отношеніе къ частичнымъ уступкамъ буржуазнаго общества или частичнымъ революціоннымъ завоеваніямъ у него въ моменты политическихъ кризисовъ“.

До сихъ поръ мы думали, что с-р. имѣютъ лишь программу-минимумъ; оказывается, что у нихъ есть еще никому неизвѣстная программа соціализма, которую они даже пропагандируютъ и подъ знаменемъ которой они организуютъ партію. Программа же минимумъ построена спеціально для „одной стороны“ с-р-ой дѣятельности. Но здѣсь законенъ вопросъ: не можетъ ли эта никому невѣдомая с-р-ая программа соціализма регулировать и „эту сторону“ дѣятельности? такой вопросъ, повидимому, появился въ рядахъ партіи с-р. въ началѣ 1904 года, ибо на него мы находимъ отвѣтъ въ 41 № „Р. Р.“

„Но—говорятъ намъ—развѣ самый идеалъ соціализма—недостаточный критерій для различенія дѣйствительныхъ уступокъ отъ мнимыхъ? Развѣ онъ не можетъ служить необходимой мѣркой полезности реформъ? Намъ достаточно посмотрѣть, является ли данная мѣра приближеніемъ къ идеалу или нѣтъ, осуществляетъ ли она какую нибудь частицу идеала, трансформируетъ ли общество въ направленіи къ соціалистическому типу. Вотъ и все, и никакой иной мѣрки намъ не нужно!“.

Что можно возразить противъ такого вполнѣ логичнаго вопроса? Но минималисты обязаны отвѣтить и они отвѣчаютъ: „Нѣтъ, это далеко еще не все, и болѣе опредѣленная

и точная мѣрка безусловно необходима. И это особенно ясно видно на примѣрѣ тѣхъ реформъ и мѣропріятій, которымъ обычно присваивается имя *государственнаго соціализма*". Если бы современное политическое государство захотѣло взять въ свои руки распоряженіе землей или цѣлымъ рядомъ крупныхъ предпріятій, то должны ли соціалисты поддержать эту мѣру? Отнюдь нѣтъ, отвѣчаютъ с-р-ы, ибо это мѣра усилила бы власть бюрократіи, зависимость трудового народа отъ нея; затруднила бы соціалистическую работу пропаганды, агитаціи и организаціи среди народа... Все это вѣрно, спорить противъ этой аргументаціи нелѣпо. Но при чемъ же тутъ программа—минимумъ? Развѣ критеріемъ для отказа отъ государственнаго соціализма служитъ программа—минимуъ с-р-овъ? Развѣ критеріемъ для отказа отъ націонализаціи земли въ современномъ государствѣ служитъ соціализація земли с-р-овъ? Развѣ не идеалъ соціализма служитъ этимъ критеріемъ? Вѣдь с-р-ы сами даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: затруднится, говорятъ они, пропаганда, агитація, организація и т. д., т. е. затруднится осуществленіе соціалистическаго идеала, а не программы—минимумъ. Соціалисты-революціонеры понимаютъ шаткость своей позиціи и потому на помощь призываютъ „еще одну оговорку".*) „Когда мы говоримъ, что критерій оцѣнки здѣсь и тамъ**) различенъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, *непосредственный* критерій, *непосредственную* мѣрку пріемлемости и непріемлемости реформы. Верховнымъ же критеріемъ, послѣдней инстанціей, къ которой приходится аппелировать, остается, конечно, наша путеводная звѣзда, нашъ маякъ—соціалистическій идеалъ". Итакъ—два критерія: непосредственный и верховный. Повидимому предполагается, что первый критерій никогда не можетъ стать въ противорѣчіе со вторымъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы отъ него отказаться. Хотя это предположеніе ничѣмъ не доказано, но допустимъ, что это такъ. Но тогда верховный критерій, *какъ верховный*, долженъ быть критеріемъ также и для *непосредственнаго*. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же послѣдній? Въ спорѣ съ своими противниками, для которыхъ идеалъ соці-

*) См. „Р. Р." „Програмныя вопросы".

**) Здѣсь—когда въ центральныхъ органахъ народнаго самоуправленія господствуетъ буржуазія; тамъ—когда въ нихъ господствуютъ соціалисты.

ализма достаточный критерій для различенія дѣйствительныхъ уступокъ отъ мнимыхъ, с-р. являются побѣдителями, ибо, отвергнувъ программу—минимумъ и оставшись только съ „путеводной звѣздой", приходится дѣйствительно „отдѣльно обсуждать каждую реформу, полезна она или вредна въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, въ данной конкретной формѣ и обстановкѣ", а это, дѣйствительно, есть невѣріе въ общія руководящія положенія. Но совершенной несостоятельностью вѣетъ отъ всѣхъ с-р-ихъ разсужденій, когда вмѣсто „маяка" передъ нами программа соціализма. Тогда всѣ возраженія с-р. не выдерживаютъ критики. Въ самомъ дѣлѣ.

1. Возьмемъ такое явленіе какъ требованіе общественныхъ работъ во время безработицы. Какъ должны относиться къ нимъ соціалистическія партіи? Бороться ли за нихъ или выступить противъ? Какая программа можетъ служить критеріемъ при рѣшеніи этого вопроса: минимальная или максимальная (программа соціализма)? На вопросъ, бороться ли за общественныя работы или нѣтъ, всѣ соціалисты отвѣчаютъ приблизительно такъ:

Борьба за общественныя работы есть борьба за реализацію права на существованіе, т. е. за осуществленіе пункта программы—максимумъ, программы соціализма.

2. Рабочій классъ борется за повышеніе заработной платы. Должны ли соціалисты поддерживать рабочихъ въ этой борьбѣ? Цѣль соціалистовъ—уничтоженіе прибавочной стоимости... Каждое повышеніе заработной платы, достигнутое путемъ борьбы вопреки желанію капиталистовъ *при прочихъ равныхъ условіяхъ,* сокращаетъ размѣръ пользованія капиталистомъ неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ, т.е. приближаетъ насъ къ соціализму.

3. Рабочій классъ борется за сокращеніе рабочаго времени. Каково отношеніе должно быть къ этому соціалистовъ? Сокращеніе рабочаго времени связано съ уменьшеніемъ прибавочнаго времени, т. е. съ приближеніемъ къ краху капиталистическаго строя.

4. Рабочій классъ борется за государственное страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, на случай старости, инвалидности и т. д. Соціалисты поддерживаютъ его

въ этомъ стремленіи, исходя изъ того взгляда, что *идеальное общежитіе нравственно обязано* заботиться о всѣхъ своихъ членахъ.

5. Рабочій классъ требуетъ законодательной охраны труда. Соціалисты поддерживаютъ его, руководствуясь высшимъ требованіемъ созданія условій для гармоническаго развитія личности: отсюда и нормальная обстановка труда, гигіеничность помѣщеній, запрещеніе сверхъурочныхъ работъ, работы малолѣтнихъ до 16 лѣтъ, ограниченіе работы несовершеннолѣтнихъ и т. д. Однимъ словомъ, критеріемъ для пріемлемости уступокъ и для борьбы за частичныя улучшенія положенія рабочаго класса служитъ не какая бы то ни было программа—минимумъ, а программа соціализма или отдѣльныя ея пункты. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія необходимости для соціалистовъ широкаго и опредѣленнаго критерія для оцѣнки частичныхъ завоеваній программа—минимумъ излишня.

* * *

Соціалисты-революціонеры выдвигаютъ еще одинъ аргументъ *за* программу — минимумъ — это невозможность прыгнуть изъ царства необходимости прямо въ царство свободы. Для этого, молъ, требуется переходная ступень, буржуазно-трудовая республика. Пусть, говорятъ нѣкоторые с-р-ы, выдвиганіе на первое мѣсто борьбы за демократическую республику и за экономическія реформы *тактически* вредно. Но, укрѣпившись на этихъ позиціяхъ, завоеваніе которыхъ легче чѣмъ завоеваніе соціалистической или даже трудовой демократіи, возможно быстрѣе организоваться и двинуться на разрушеніе всѣхъ устоевъ современнаго буржуазно — демократическаго строя. Однимъ словомъ, отъ самодержавной монархіи до самодержавія трудового народа ближе черезъ самодержавіе буржуазіи, чѣмъ безъ него. Здѣсь мы вкратцѣ лишь, общими положеніями, отвѣтимъ на этотъ важный пунктъ воззрѣній с-р-овъ. Дѣйствительно ли возможно съорганизоваться въ *революціонную* организацію при господствѣ буржуазной демократіи? Соціальный переворотъ можетъ быть осуществленъ соціаль-

ной революціей, путь къ которой—вооруженное возстаніе народа.*)

Но ясно, что *ни одно* буржуазное государство не допуститъ существованія легальной (на основаніи дѣйствующихъ законовъ) организаціи, *открыто* проповѣдующей вооруженное возстаніе противъ существующаго общественно-экономическаго и политическаго уклада жизни. И для этихъ соціалистовъ остаются двѣ возможности: или а) *нелегальное* существованіе — нелегальная проповѣдь, нелегальная организація, нелегальныя дѣйствія, или в) легальныя *массовыя* организаціи, которыя, осознавъ въ концѣ концовъ свою силу, осмѣливаются перейти къ открытой проповѣди и подготовкѣ вооруженнаго возстанія для нападенія на существующій строй. Второй путь былъ избранъ когда то *всѣми* соціалистами — и парламентаристами, и анти-парламентаристами — легалистами. И онъ то въ концѣ концовъ привелъ къ полному забвенію прежней точки зрѣнія — необходимости перехода отъ *организаціи* массъ къ *подготовкѣ* вооруженнаго возстанія— и погрязли они въ тинѣ парламентаризма, постепеновщины и легализма. И эта „эволюція" вполнѣ понятна. Съ одной стороны сами депутаты, представители рабочихъ, участвуя, помимо желанія даже, въ „органической" работѣ законодательнаго учрежденія, *должны* по законамъ психологическимъ постепенно дереволюціонизироваться; психологія ихъ должна мѣняться подъ вліяніемъ той *законной* работы, которую они выполняютъ. Съ другой — рабочій классъ „эволюціонируетъ": 1. *фактомъ* отправки депутатовъ въ парламентъ *неизбѣжно*, несмотря на всю силу *слова* объ использованіи парламента, какъ трибуны, для агитаціи и организаціи массъ, которымъ хотятъ компенсировать отрицательныя стороны этого средства борьбы, понижаетъ революціонность рабочихъ массъ. *Фактъ* отправки заставляетъ его мыслить нереволюціонно, заставляетъ его надѣяться на то, что представители все же могутъ *чего либо* добиться для рабочихъ въ парламентѣ

*) Мы совершенно упускаемъ другой излюбленный западно-европейскій с-д. и русскими меньшевиками путь— путь исключительно парламентаризма, легальныхъ организацій и легальныхъ средствъ борьбы, какъ ведущій назадъ отъ соціализма.

(иначе „масса“ не выбирала бы), заставляетъ его *ждать* результатовъ этого шага (выборовъ). А ожиданіе, надежда — плохіе факторы классоваго воспитанія.

2. Фактомъ *подчиненія* существующимъ законамъ, что совершенно угашаетъ духъ протеста, такъ необходимый для вооруженнаго возстанія.

3. Фактомъ участія исключительно въ легальныхъ — профессіональныхъ и политическихъ — организаціяхъ, захватывающихъ всѣ помыслы рабочей массы и отталкивающихъ ее отъ всего, что можетъ повести къ разрушенію ихъ, т. е. прежде всего отъ революціонныхъ методовъ борьбы.

Отъ легализма къ вооруженному возстанію нѣтъ пути. Эти методы другъ друга исключаютъ.

Если бы мы допустили обратное, если бы даже легальное существованіе массовыхъ организацій давало возможность будированія рабочаго класса, то при попыткѣ перейти къ организаціи соціальной революціи онѣ натолкнулись бы на преграды другой категоріи — фактическую неподготовленность къ ней: отсутствіе вооруженія, неумѣнье обращаться съ ружьями, пушками, взрывчатыми веществами, отсутствіе опытныхъ метальщиковъ, незнаніе правительственныхъ силъ и т. д. Все это можно подготовить, но... не открыто, а тайно, *нелегально*... Такимъ образомъ, легальная массовая рабочая организація, не надѣющаяся на стихійное возстаніе самихъ массъ, потерявшихъ терпѣніе голодать и мучиться, а сознательно готовящаяся къ нему, должна организовать въ нѣдрахъ своихъ *нелегальную* организацію, организацію дѣйствія. Массовыя легальныя рабочія организаціи, ставши на такую точку зрѣнія подписываютъ себѣ смертный приговоръ, какъ легальной организаціи: она будетъ разрушена буржуазнымъ правительствомъ. Остается лишь одна первая возможность — нелегальное существованіе во все время существованія буржуазнаго государства, отъ чего отказывается партія соціалистовъ-революціонеровъ. Ея путь ясенъ — борьба за демократическую республику, парламентарная работа въ ней, примѣненіе „культурныхъ средствъ“, отказъ отъ насилія, легализмъ, подчиненіе буржуазнымъ законамъ, — однимъ словомъ все то, что никогда не способствовало побѣдѣ будущаго надъ настоящимъ

Итакъ, и съ этой точки зрѣнія программа-минимумъ излишня. И приходится лишь пожелать скорѣйшаго измѣненія программы п. с.-р. въ программу соціализма, чѣмъ сгладится одно изъ существенныхъ разнорѣчій между двумя теченіями соціально-революціонной мысли — минималистскимъ и максималистскимъ. Разница между ними, помимо тактическихъ и организаціонныхъ расхожденій, будетъ зависѣть отъ различныхъ оцѣнокъ движущихъ силъ русской революціи.

Опредѣливъ соціалистическую программу, какъ программу *желательнаго* соціально-революціоннаго переворота, мы собственно говоря не сказали ничего новаго. Такъ понимали соціалистическую программу далеко до насъ революціонные народники, народовольцы, часть соціалистовъ-революціонеровъ начала девятьсотыхъ годовъ и аграрные террористы. Первые согласно своему воззрѣнію такъ ее и конструировали. Болѣе того, даже московскій кружокъ Зайчневскаго и Аргиропуло, „Молодая Россія" 1862 г., въ изданной имъ прокламаціи требуетъ не только измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, не только назначенія на долю каждаго извѣстнаго количества земли въ пользованіе, выборности всѣхъ судебныхъ властей и прогрессивнаго налога, но и перехода имущества членовъ общины послѣ ихъ смерти въ пользу общины, заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, заведенія общественныхъ лавокъ, „въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ", общественнаго воспитанія дѣтей, содержанія на счетъ общества всѣхъ, „кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія", полнаго освобожденія женщины, уничтоженія брака, а, слѣдовательно, семьи и т. д. Включеніе въ программу требованій, осуществленіе которыхъ связано съ разрушеніемъ того экономическаго строя, противъ котораго идетъ борьба, доказываетъ лишь, что точка зрѣнія „Молодой Россіи" на вопросъ о принципѣ, которымъ необходимо руководиться при построеніи программы, совпадаетъ съ точкой зрѣнія максимализма. Справедливость нашего заключенія подтверждается тѣмъ мѣстомъ прокламаціи, гдѣ говорится о необходимости сохраненія революціонной

партіей, ставшей у власти, политической централизаціи, чтобы при помощи ея „ввести другія основанія экономическаго общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени“. Это точка зрѣнія *тактическаго* должнаго, которымъ руководствуется максимализмъ при построеніи своей программы. Правда, у „Молодой Россіи“ она не выдержана, ибо прокламація содержитъ пункты, невозможные въ „демократической и соціальной республикѣ русской“. Такъ, предоставленіе членамъ общины права отдачи земли въ наемъ исключаетъ соціальную республику. Но это можно объяснить тѣмъ, что соціалисты 1862 г. не мыслили ее конкретно, неясно представляли себѣ планъ ея организаціи. Они страдали тѣмъ, чѣмъ въ неменьшей степени страдаютъ и понынѣ всѣ соціалисты всѣхъ странъ.

Выдержанный максималистскій взглядъ по этому же вопросу мы встрѣчаемъ у землевольцевъ. Они требовали „Земли какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли — какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами“. Вмѣсто современнаго самодержавнаго строя, они считали необходимымъ „учрежденіе „казачьихъ круговъ“, т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли“. Также считается необходимою экпропріація фабрикъ и не выдвинутъ „фабричный вопросъ“ лишь потому, что исторія „у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ“. Эти три „устоя“ землевольческой программы всецѣло совпадаютъ съ тремя основными максималистскими требованіями: соціализаціи фабрикъ и заводовъ, соціализаціи земли и власти. Даже максималистская неизбѣжность крушенія промышленнаго капитализма, вызванная соціализаціей земли, есть какъ будто копія слѣдующихъ землевольческихъ разсужденій: „революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу“. *)

Соціалисты-революціонеры ищутъ объясненіе вышеприведенному факту и находятъ его въ слѣдующемъ: „Народники

*) Изъ программной ст. газеты „Земля и Воля“.

полагали, что русское крестьянство по своему правосознанію способно воспринять соціализмъ, и по своему положенію и настроенію революціонно, и поставили своей задачей поднять его на борьбу за соціализмъ. Такимъ образомъ, для нихъ задача ставилась *синтетично, интегрально, именно благодаря отсутствію ясной и послѣдовательной перспективы въ будущее,* благодаря нерасчлененію того, что *можно и значитъ должно поставить* (курсивъ нашъ) на первую очередь и что приходится, по исторически даннымъ условіямъ, отодвинуть на болѣе отдаленное будущее" *) Мы привели здѣсь это объясненіе, какъ характерное для всей партіи с.-р. Правы ли были народники, ставивъ свою задачу интегрально? Съ точки зрѣнія с.-р. они были неправы ,,благодаря отсутствію ясной и послѣдовательной перспективы въ будущее". Здѣсь происходитъ указанное уже нами смѣшеніе программы желательнаго соціально-революціоннаго переворота съ программой практически осуществимой въ революціонный періодъ; первая *должна*, какъ это нами указано, ставиться интегрально. Вторая же не должна ставиться вовсе. **)

Переходя къ народовольческой программѣ, приходится констатировать тотъ же способъ конструированія ея. Въ ней мы находимъ и „принадлежность земли народу", и „систему мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики" и постоянное народное представительство, избранное свободно всеобщей подачей голосовъ. Никакой программы-минимумъ у ,,Народной Воли" не было и нельзя смѣшивать ближайшей задачи ея съ ея программой, которую она обѣщала пропагандировать и до политическаго переворота, и въ Уч-

---

*) А. Веселов. ,,Знамя ,,Земли и Воли" и Рос. С.-Д." стр. 7 ,,Созн. Россіи" № 4.

**) Народники ставили свою задачу синтетично, думая, что крестьянство готово къ борьбѣ за соціализмъ. Они ошиблись. Но почему с.-р, не ставятъ ее синтетично съ *своей* точки зрѣнія. Вѣдь признаютъ же они, что *современное* крестьянское правосознаніе способно воспринять идею соціализма, что оно революціонно по положенію и настроенію!

редительномъ Собраніи. И разницы между народовольцами и максималистами въ этомъ вопросѣ не существуетъ. *)

* * *

Мы уже указали, что программа п. с.-р. построена на принципѣ объективной возможности. И здѣсь насъ интересуетъ лишь вопросъ, какъ дошла она до.... вывода такого. Сдѣлаемъ маленькую историческую справку. Въ первыхъ номерахъ **) проскальзываетъ чисто народовольческая точка зрѣнія: политическая революція (сверженіе самодержавія) и какъ слѣдствіе этого—крупныя „демократическія и соціальныя реформы". Тутъ же и максималистическое „запрашиваніе" у исторіи большаго, „чтобы получить все возможное" ***) тутъ же и реформистское „планомѣрное восхожденіе по той лѣстницѣ измѣненій и переворотовъ, которая намѣчена уже самой исторіей".****) Какъ сочетать въ *одной программѣ* „вѣчное запрашиваніе" съ „планомѣрнымъ восхожденіемъ", т. е. программу—максимумъ съ

---

*) Есть разнорѣчіе другое: народовольцы ставили своей *ближайшей* задачей *политическій* переворотъ съ цѣлью передачи *власти народу* въ лицѣ свободно избраннаго Учредительнаго Собранія, рѣшеніямъ котораго партія подчиняется вполнѣ. Переворотъ, который будетъ имъ произведенъ будетъ зависѣть отъ степени сознанія народа, организованности его, пониманія своихъ интересовъ, готовности защищать ихъ отъ посягательствъ Учредительнаго Собранія и т. д. Максималисты же ставятъ своей ближайшей задачей также и экономическій переворотъ, считая народъ готовымъ къ нему и по правосознанію, и по положенію, и по настроенію, считаютъ возможнымъ избраніе Національнаго Собранія *послѣ* экономическаго переворота, который производится на мѣстахъ каждой деревней, селомъ, городомъ самостоятельно. Мы, максималисты, считаемъ возможнымъ организовать истинно свободную демократію *послѣ* коренного переворота на мѣстахъ въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, народовольцы же полагали добиваться экономическихъ реформъ для народа *послѣ* политическаго переворота.

**) См. Р. Р. № 8.

***) Стр. 3, № 3.

****) Стр. 11.

программой—минимумъ, этого с-р. намъ не объяснили, но за то, замѣнивъ программу—максимумъ „соціалистическимъ идеаломъ“, занялись разработкой „планомѣрнаго восхожденія“, начавъ съ соціализаціи земли въ аграрной области и... ею же закончивъ. Но незаконность такой подстановки не давало с-рамъ теоретикамъ покою. Скоро они вернулись къ этому вопросу и „опубликовали“ программу — соціализма:*) „огосударствленіе (національзація) земли и тѣхъ отраслей производства, которыя подготовлены къ этому процессомъ концентраціи еще въ буржуазномъ строѣ и имѣютъ общенаціональное значеніе; муниципализація другихъ предпріятій, имѣющихъ мѣстное значеніе для совокупности жителей общины (городской и сельской); передача въ руки ассоціацій равноправныхъ производителей предпріятій могущихъ быть поставленными въ непосредственную связь съ организованнымъ потребленіемъ достаточныхъ общественныхъ группъ.“ Это осуществимая уже въ настоящее время программа соціализма. *) Казалось бы, она вполнѣ достаточна. Но, признавъ лишь ее, пришлось бы выбросить за бортъ все то, что опубликовала с-д-тія, тотъ цѣлый рядъ мелкихъ требованій, которыми они пытались завоевать пролетаріатъ. И вотъ, надо полагать, с-р-скіе марксисты тутъ-то внесли ту поправку, что осуществимая *уже* программа максимумъ предполагаетъ у власти соціалистическую партію, а до ея побѣды необходима другая — программа минимумъ, т. е. такая, которая тоже обладаетъ въ настоящее время „технической, объективной осуществимостью“. (Полная демократизація всего государственнаго и юридическаго строя на началахъ свободы и равноправности, требованія законодательной защиты матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ наемныхъ рабочихъ и т. д.)

Отъ такого опредѣленія максимума и минимума произошла путаница страшная. Не марксиствующіе с-ры не могли согласиться съ такимъ опредѣленіемъ и, повидимому, подъ ихъ вліяніемъ была сдѣлана попытка распутать запутанное, отказаться отъ двухъ программъ и выставить программу соціально-революціоннаго переворота: свободное народное прав-

*) См. № 14, стр. 6.

леніе, національзацію земли, національзацію всѣхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій (что-то вродѣ „максималистской троицы“). Ни о какой программѣ—минимумъ здѣсь ужъ нѣтъ и рѣчи. Это видно изъ слѣдующаго разсужденія. „Предстоящій переворотъ можетъ совершиться не революціоннымъ путемъ, руководство политическими событіями можетъ попасть не въ руки рабочаго класса, а въ руки враждебныхъ ему классовъ или готовыхъ сдѣлать ему лишь частичныя уступки. Тогда наша программа переворота имѣетъ агитаціонное значеніе для организаціи новыхъ силъ, для приближенія соціальной революціи. У классовъ же, держащихъ власть въ своихъ рукахъ, мы должны будемъ вырвать максимумъ возможныхъ уступокъ“, т. е. 8 час. рабочій день, минимумъ заработной платы, соціализація земли. Но это лишь въ томъ случаѣ, если переворотъ совершится *не революціоннымъ путемъ.*

Это не тѣ пункты, которые долженъ осуществить *побѣдившій* рабочій классъ, это не реализація программы-минимумъ, минимумъ потому, что не созрѣли еще условія для реализаціи программы-максимумъ, это тѣ частичныя улучшенія, которыя рабочій классъ долженъ пытаться вырвать у буржуазіи, которой власть досталась *безъ революціи**) А между тѣмъ мы видимъ, что п. с-р. въ разгаръ русской революціи систематизировала эти „крупныя“ „уступки“ с-р. изъ № 16 „Р.Р.“ въ программу-минимумъ, замѣнившую собой программу соціально - революціоннаго переворота. Мы не будемъ останавливаться на утопичности надеждъ этихъ с-р. —вырвать у буржуазіи *соціализацію земли.* Лучше бы и не срамиться. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что и 8-ми ч. день и минимумъ заработной платы, и соціализація земли попали въ число „повседневныхъ требованій рабочаго класса“, а въ программу соціализма—національзація земли.

Было бы ошибкой полагать, что борьба двухъ теченій въ п. с-р., которыя проявились въ разобранныхъ нами кратко статьяхъ по вопросу о принципѣ, на которомъ должна строиться программа соціалистовъ, на этомъ и закончились. Слѣдя за Р. Р. можно эту борьбу замѣтить еще въ № 40, гдѣ программа соціалистовъ опредѣляется то какъ „максимумъ теоретически достижимыхъ задачъ“, то какъ „только

*) Если же съ революціей, то рѣчь можетъ идти только о соціально-революціонной программѣ.

максимальная, только интегральная программа соціализма, въ которую лишь входятъ, какъ часть въ цѣлое, нѣкоторыя изъ минимальныхъ требованій". Съ 41 номера начиная этой борьбы мы не видимъ, но она существуетъ въ партіи еще долго и, наконецъ, открыто проявляется фактомъ изданія группой с-р. „Вольнаго дискуссіоннаго листка", въ которомъ вновь подымается тотъ же вопросъ. Послѣ съѣзда, когда минимализмъ побѣдилъ на всѣхъ пунктахъ, онъ вновь выплываетъ на страницахъ максималистской печати и въ 1909 году даже переходитъ въ лагерь лѣвыхъ с-р.

Итакъ, изъ изложеннаго видно, что въ партіи с-р. съ начала ея возникновенія было теченіе, рѣшавшее вопросъ о принципѣ, который долженъ быть положенъ въ основу революціонно — соціалистической программы, въ смыслѣ максималистскомъ, т. е. для нихъ соціалистической программой была программа желательнаго переворота.

Чтобы закончить изложеніе *исторіи вопроса*, остановимся еще на программѣ „Южнаго рабочаго союза" (1880—81 г. г.). Эта организація близка къ современной максималистской не только по своей программѣ, но и по средствамъ борьбы—аграрный терроръ, фабричный терроръ, военный терроръ—вотъ отличительныя черты тактики ю.р.-с. Программа же его гласитъ: 1. Земля, фабрики, мастерскія, промышленныя предпріятія переходятъ въ исключительную собственность народа; 2. Работа будетъ исполняться сообща. 3. Правительственная организація будущаго удѣлитъ каждому равную долю участія въ дѣлахъ страны. 4. Неограниченная свобода личности, свобода слова, собраній, обществъ и прессы. 5. Организація національной милиціи взамѣнъ теперешней постоянной арміи.

Такимъ образомъ и эта организація ставила вопросъ синтетично, интегрально, какъ ставимъ его и мы, соціалисты-революціонеры-максималисты.

ГЛАВА VI.

Резолюціи по вопросамъ тактики борьбы, принятыя на первой конференціи с.-р. м. и до сихъ поръ совершенно вѣрно выражаютъ взгляды максималистовъ на этотъ вопросъ. Тактика каждой партіи, группы, союза должна непрерывно усложняться соотвѣтственно усложненію революціонной жизни

и борьбы правительства съ революціоннымъ движеніемъ. Если единичный терроръ сыгралъ свою роль, если онъ потерялъ свое устрашающее, организующее и эксцитативное значеніе, то это отнюдь не означаетъ, что необходимо отказаться отъ террористическихъ дѣйствій. Нѣтъ! Необходимо перейти къ террору другого сорта, къ террору массовому. Такъ смотрѣла на этотъ вопросъ конференція и поэтому то и во время самой конференціи, и въ ея резолюціяхъ говорилось о террорѣ не только противъ лицъ, но и противъ учрежденій. Гдѣ не помогаетъ устраненіе одного лица, тамъ нужно устраненіе ихъ десятками, гдѣ не помогаютъ десятки — тамъ нужны сотни. Такъ относятся къ этому вопросу и до сихъ поръ соціалисты-революціонеры-максималисты.

Принципіальное отношеніе къ парламентской борьбѣ и къ избирательной кампаніи было рѣзко отрицательное. Отношеніе къ всеобщей стачкѣ, къ партизанскимъ дѣйствіямъ и къ аграрному террору — положительное. Что касается террора фабричнаго, то онъ имѣлъ своихъ сильныхъ противниковъ, которые на основаніи практики доказывали его вредъ революціонному дѣлу. И хотя первая конференція и приняла этотъ методъ борьбы, но при условіи крайне бережнаго съ нимъ обращенія.

Еще большую оппозицію вызвалъ вопросъ объ экспропріяціяхъ. И резолюція о ней была принята большинствомъ *одного* голоса — семнадцатью противъ шестнадцати.

Все течетъ, все мѣняется...

Течетъ и мѣняется жизнь каждой страны, каждаго народа, класса, партіи и всякихъ другихъ общественныхъ группъ подъ вліяніемъ борьбы ихъ за нормальное существованіе и свободное развитіе.

Мѣняются условія жизни, мѣняются и средства борьбы, зависящія въ каждый данный моментъ отъ той или иной оцѣнки этихъ условій.

Соціалистическая организація ставящая своей цѣлью *экономическую реорганизацію всего общества*, а слѣдовательно и *разрушеніе современнаго государства*, т. е. организація, *программа* которой *революціонна*, должна естественно прибѣгать для достиженія цѣли къ революціоннымъ же методамъ борьбы.

Этимъ *революціонная* школа научнаго соціализма отличается отъ реформистско-ревизіонистской. Революціонные соціалисты исходятъ изъ того основного положенія, что невозможно разрушить старый общественно-экономическій организмъ страны и организовать на его развалинахъ новый путемъ органическаго вростанія новаго строя въ старый, что для этого необходимъ взрывъ могильщиковъ буржуазнаго строя, необходима соціальная революція. Съ этимъ сравнительно недавно согласны были всѣ направленія революціонно-соціалистической мысли въ Россіи. Расхожденія начинались лишь съ *оцѣнки* той или иной тактики. На этой почвѣ среди русскихъ соціалистическихъ партій, даже въ средѣ одной и той же партіи, происходили и происходятъ рѣзкіе конфликты. Въ то время какъ одни обвиняютъ другихъ въ оппортунизмѣ и кадетообразности, другіе первыхъ — въ бланкизмѣ, а всѣ вмѣстѣ третьихъ въ анархизмѣ. Причина такой путаницы и разноголосицы заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что до сихъ поръ никто и нигдѣ не установилъ точнаго опредѣленія термина *революціонная тактика* съ одной стороны; съ другой — въ томъ, что отсутствуютъ твердо установленныя различія между *принципами* революціонной тактики и самой тактикой, которая есть не что иное какъ *совокупность средствъ борьбы*, направленныхъ на современный экономическій и политическій строй государства съ цѣлью его разрушенія. Необходимо дать *одно общее* опредѣленіе, примѣненіе котораго къ методамъ партій разныхъ странъ, независимо отъ ихъ политическаго устройства, независимо отъ того, подготовляетъ ли соціалистическая партія общественный переворотъвъ республиканской странѣ или монархической, — необходимо, говоримъ мы, чтобы это опредѣленіе указывало, какая партія революціонна, какая заражена реформизмомъ.

Въ смѣшеніи принциповъ тактики съ самой тактикой особенно повинна международная с-д-ія, въ частности русская. Когда выступаютъ съ обвиненіемъ въ нереволюціонности ея тактическихъ средствъ, она всегда отпарирываетъ ударъ нравоучительнымъ разъясненіемъ слѣдующаго рода:

Съ точки зрѣнія марксистской концепціи научнаго соціализма наступленіе обобществленія труда и всего производства фатально неизбѣжно, объективно вытекаетъ изъ имманентныхъ законовъ капиталистическаго развитія.

Развитіе капитализма сопряжено съ ростомъ соціальнаго антагонизма, съ обостреніемъ классовой борьбы между производителями и присвоителями прибавочной цѣнности, съ ростомъ производительныхъ силъ.

Ростъ этотъ въ капиталистическомъ обществѣ вызываетъ ростъ концентраціи производства и капитала на одномъ полюсѣ общественнаго организма и концентраціи труда — на другомъ.

Когда число „магнатовъ капитала“ дойдетъ до минимума, наступитъ великій соціальный катаклизмъ, наступитъ часъ экспропріаціи экспропріаторовъ концентрированной и организованной силой труда.

Базируя на этихъ „законахъ“, с-д-ія установила слѣдующіе принципы своей тактики:

Дѣятельность с-д. партіи не должна стоять на пути развитія капитализма. Наоборотъ, она должна помогать этому развитію, облегчать „муки родовъ“ новаго общества.

Поставивъ своей цѣлью достиженіе соціализма, с-д-тія исходитъ изъ своего основного положенія, что лишь классовая борьба пролетаріата приближаетъ его къ этой цѣли. Поэтому главной своей задачей с-д-ія ставитъ развитіе классовой борьбы, вскрываніе всѣхъ противорѣчій классоваго строя государства, борьбу съ затушевываніемъ этихъ противорѣчій, организацію рабочаго класса въ единную армію труда.

Въ моментъ наступленія соціальнаго переворота, организованный въ соціалистическую партію пролетаріатъ захватитъ въ свои руки политическую власть, рычагъ всего государственнаго механизма, и, пользуясь ею, реорганизуетъ имущественныя отношенія...

Такъ поучаетъ она всѣхъ, съ ней несогласно мыслящихъ. Но все же никогда не забываетъ прибавить: все то, что способствуетъ этой цѣли, признается с-д-ией и вписывается въ число ея тактическихъ пріемовъ борьбы.

Но этой прибавкой разрушается весь „домикъ“, который такъ часто демонстрируется международной с-д-іей, этой прибавкой она доказываетъ, что весь ея отвѣтъ лишь затемняетъ вопросъ, ибо необходимо все же отвѣтить: *что же* способствуетъ достиженію поставленной цѣли, *какіе* конкретные методы борьбы помогаютъ развитію классоваго самосознанія, *какіе* — организаціи массъ, *какіе* — вскрыванію противорѣчій и т.д.

Вмѣсто тактики намъ преподносятъ принципы, на основѣ которыхъ *возможно построеніе и революціонной и оппортунистической тактикъ*. Поэтому то каждый разъ при примѣненіи какого либо новаго способа борьбы приходится доказывать его революціонность, ибо, повторяемъ, нѣтъ твердо установленнаго критерія, которымъ соціалистически-революціонная партія могла бы руководиться.

Изъ средствъ борьбы намъ въ данное время извѣстны: 1. Устная и письменная агитація и пропаганда съ цѣлью распространенія идей соціализма и организаціи массъ. 2. Частичныя экономическія стачки съ цѣлью защиты ближайшихъ интересовъ рабочаго класса и улучшенія экономическаго его положенія. 3. Частичныя политическія забастовки и всеобщія. 4. Манифестаціи. 5. Вооруженныя демонстраціи, 6. Терроръ индивидуальный и массовый, 7. Партизанская борьба, 8. Экономическій терроръ (аграрный и фабричный), 9. Всеобщая экономическая стачка, какъ средство соціальной революціи, 10. Избирательная кампанія, 11. Парламентская борьба, 12. Борьба путемъ организаціи въ проф. союзы и 13. Вооруженное возстаніе.

Одни изъ перечисленныхъ средствъ борьбы революціонны при *всѣхъ* формахъ правового строя, другіе — революціонны при самодержавномъ режимѣ и нереволюціонны въ конституціонной монархіи и т. д.

Какъ разобраться во всемъ этомъ?

———

Но прежде всего необходимо разсѣять одинъ очень удобный, но вульгарный, пріемъ, къ которому прибѣгаетъ и буржуазія, и соціалисты, называющіе себя революціонными, когда какая либо группа выдвигаетъ непризнаваемый одними и опасный для другихъ методъ борьбы — мы говоримъ объ обвиненіи такихъ „смѣльчаковъ“ въ анархизмѣ.

Такъ было со всѣми товарищами, такъ было и съ максималистами.

Когда, образовавшійся въ моментъ наивысшаго напряженія всѣхъ силъ русской революціи, союзъ соціалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ выдвинулъ свою тактику, отличную во многихъ отношеніяхъ отъ тактики соціально-революціонныхъ партій; когда союзъ м-овъ выступилъ съ дока-

зательствами, что лишь его тактика можетъ вывести русскую революцію на правильный путь изъ того тупика, куда ее загнала реакція, — со всѣхъ сторонъ на него посыпались обвиненія въ утопизмѣ, а главное въ анархизмѣ, въ примѣненіи анархическихъ средствъ борьбы, которыя, молъ, никогда къ цѣли не приводятъ и ничего кромѣ вреда не приносятъ. Удивляться этому обвиненію нечего: обвиняютъ же меньшевики, а съ ними вкупѣ и кадеты, большевиковъ въ бланкизмѣ! Анархизмъ, бланкизмъ — это тѣ жупелы, которыми обвинители прикрываютъ свою безпринципность и оппортунизмъ въ дѣлѣ отказа отъ революціоннаго способа борьбы.

Что такое анархистская тактика? И съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ повторилась та же исторія: смѣшали принципы анархистской тактики съ самой тактикой. Принципы анархистской тактики, построенные на совершенно иныхъ воззрѣніяхъ на историческія условія возникновенія современнаго общественнаго строя, на будущее направленіе его развитія, должны естественно коренным образомъ отличаться отъ принциповъ соціалистической тактики. Изъ этого вытекаетъ лишь то, что въ то время, какъ соціалистическія партіи признаютъ въ извѣстный историческій періодъ одни средства борьбы, анархисты въ тотъ же періодъ признаютъ и другія. Если бы тѣ, кто вѣчно твердитъ объ анархизмѣ, когда тактика соціалистовъ другихъ фракцій имъ почему либо не нравится или считается вредной; если бы эти „соціалисты" смогли доказать, что эти *другія* средства борьбы *никогда* не могутъ быть примѣнены соціалистами, какъ противорѣчащія *принципамъ* соціалистической тактики, тогда они были бы вполнѣ правы въ своихъ нападкахъ. Тогда можно было бы утверждать, что есть специфическая анархистская тактика, анархистамъ лишь присущая и отъ нихъ неотдѣлимая. Но есть ли такія средства борьбы? Въ повседневной революціонной жизни подъ тактикой анархистовъ до сихъ поръ еще подразумѣваютъ всеобщую стачку и „пропаганду дѣйствіемъ". Сколько копій было поломано изъ за всеобщей стачки! Какъ долго ее считали всеобщимъ безуміемъ! А между тѣмъ нынѣ она дѣлается достояніемъ всѣхъ соціалистическихъ партій. Это съ одной стороны. Съ другой, эти „соціалисты" забываютъ, что родоначальникъ анархизма — Прудонъ — и прудонисты *не признавали* стачки, какъ средства борьбы.

„Пропаганда дѣйствіемъ“! и прежде всего — терроръ! С-д-ты и доселѣ еще считаютъ его анархистскимъ методомъ. Пусть с-д. правы, что терроръ вредитъ классовой борьбѣ, затемняя классовое самосознаніе и т. д. Но почему же онъ анархистиченъ?

Пропаганда дѣйствіемъ! Мы имѣемъ въ виду не единоличный терроръ политическій, а терроръ экономическій, фабричный и аграрный, да еще тактика непосредственнаго дѣйствія, т. е. непосредственный захватъ группами рабочихъ разныхъ предпріятій, гдѣ они работаютъ. Дѣйствительно ли это анархистскій способъ борьбы?

Заслуживаетъ вниманія то, что до сихъ поръ нѣтъ опредѣленнаго взгляда относительно тактики анархизма...

„Анархизмъ стремится къ цѣли преступными средствами“ *)

„Анархизмъ ищетъ осуществленія путемъ пропаганды дѣйствіемъ“ *)

„Анархизмъ отвергаетъ насиліе и пропаганду дѣйствіемъ“ *)

„Насиліе и пропаганда дѣйствіемъ вовсе не непремѣнно связаны съ анархизмомъ“. *)

Таковы взгляды по этому вопросу Гарро и Ленца, Ломброзо и Ферри, Маккая и Ценкера, — лицъ не только не принадлежащихъ къ анархизму, но считающихъ его вреднымъ, опаснымъ, даже патологическимъ явленіемъ.

Теоретики разныхъ родовъ анархизма различно относятся къ этому вопросу. Представитель эвдемонистически-альтруистической теоріи — Годвинъ — считаетъ единственно необходимой вещью для возможности переворота — распространеніе словомъ взгляда, что перемѣна нужна въ интересахъ всеобщаго благополучія. „Къ силѣ оружія мы будемъ всегда относиться съ недовѣріемъ, ибо обѣ стороны могутъ пользоваться ею съ одинаковой надеждой на успѣхъ. Поэтому намъ слѣдуетъ гнушаться силы. Выходя на арену, въ бой, мы покидаемъ твердую почву истины и отдаемся на произволъ при-

---

* См. „Сущность анархизма“ Эльцбахера.

хотливой случайности. Фаланга же мысли — неуязвима: она идетъ впередъ медленно, но вѣрно, и ничто не можетъ ее остановить". *)

Представитель критически-идеалистической теорiи — Прудонъ — ставитъ возможность реорганизацiи общества въ зависимость отъ распространенiя идеи. ,,Какъ только идея начнетъ распространяться", наступитъ новая эра, но для того, что бы она наступила, надо ,,распространять идею". Ученiе Прудона находится ,,въ согласiи съ конституцiей и законами"**) „Совершить самосудъ за себя, и путемъ кровопролитiя, это— крайность, которая встрѣчается, пожалуй у золотоискателей, только что собравшихся въ Калифорнiи, но, да сохранитъ насъ судьба во Францiи отъ этой крайности".**)

„Несмотря на насилiя, совершающiяся на нашихъ глазахъ, я не думаю, чтобы впредь ради удовлетворенiя своихъ правъ и ради мести за обиды свободѣ понадобилось насилiе. Разумъ поможетъ намъ лучше; а терпѣнiе, какъ и революцiя, непобѣдимы".**)

Представитель генетической теорiи — Бакунинъ — считаетъ возможнымъ уничтоженiе государства, преобразованiе права и собственности путемъ соцiальной революцiи, подготовить, устроить и ускорить которую является дѣломъ народа. Съ этой цѣлью необходимо ,,распространять въ массахъ идеи, соотвѣтствующiя массовымъ инстинктамъ", и ,,организовать не армiю революцiи — армiю долженъ всегда составлять весь народъ, — но нѣчто въ родѣ революцiоннаго генеральнаго штаба".***)

Тукэръ — представитель критически-эвдемонистически-эгоистической теорiи считаетъ необходимымъ для возможности переворота убѣдить возможно большее количество людей въ томъ, что переворотъ необходимъ для ихъ собственнаго блага, убѣдить путемъ устнаго и печатнаго слово. Насилiе оправдать возможно лишь при отсутствiи свободы слова. „Слѣдуетъ примѣнять насилiе надъ притѣснителями человѣчества только въ томъ случаѣ, когда они сдѣлали невозмож-

---

*) Цит. по Эльцбахеру стр. 40.
**) „ стр. 57 и 58.
***) „ стр. 91 и 92.

ной всякую мирную работу". *) Тогда „необходимы терроръ и убійства". Помимо этихъ средствъ борьбы онъ признаетъ еще и отказъ отъ платежа личныхъ податей, и доказательство возможности осуществленія въ жизни анархическаго ученія путемъ организаціи производствъ на принципѣ распредѣленія продуктовъ на основаніи права на продуктъ труда.

Тукеръ считаетъ заблужденіемъ взглядъ, по которому анархія можетъ быть достигнута насиліемъ. Анархія — черезъ соціальную революцію, которая совершится путемъ пассивнаго сопротивленія, т. е. путемъ отказа въ повиновеніи. **)

Штирнеръ — приверженецъ этой же эгоистической теоріи признаетъ уже другую тактику для разрушенія государства и существующихъ институтовъ собственности: онъ признаетъ возстаніе, ибо „не на теоретическомъ полѣ битвы можно одержать рѣшительную побѣду, священная мощь мысли падаетъ подъ ударами эгоизма. Только одно эгоистическое сраженіе, борьба эгоистовъ, можетъ разрѣшить вопросъ".***)

„Я не остановлюсь ни предъ какимъ дѣйствіемъ; я не отступлю даже передъ одушевляющимъ меня духомъ беззаконія, безнравственности, несправедливости, подобно тому, какъ св. Бонифацій не задумался изъ-за религіозныхъ сомнѣній срубить священные дубы язычниковъ", — говоритъ Штирнеръ въ соч. „Единственный и его собственность".

Кропоткинъ — представитель той же генетической теоріи анархизма, что и Бакунинъ, признаетъ всѣ средства борьбы отъ пропаганды словомъ до „пропаганды дѣйствіемъ"...

Если примемъ во вниманіе все вышесказанное, также и то, что „пропаганда дѣйствіемъ" признается и с-р., и с-р-м., и польской соціалистической партіей (старой), и латышскимъ соціальдемократическимъ союзомъ, и даже русской с-д-тіей въ извѣстные моменты, и безчисленными организованными междупартійными *рабочими* группами, и имѣетъ, *главное*, много корней въ народной жизни, народной психологіи и воззрѣніяхъ; если принять во вниманіе, съ другой стороны, что анархисты защищаютъ экономическую борьбу съ отдѣльными предпринимателями, что испанскіе анархисты-коллективисты отстаиваютъ общія и мѣстныя генеральныя стачки и уличныя демон-

*) Этотъ взглядъ полностью выражаетъ точку зрѣнія партіи с-р.

**) Цит. по Эльцбахеру. стр. 141, 142, 144.

***) " стр 75.

страціи, испанскіе анархисты-индивидуалисты ставятъ своей задачей непрерывно тревожить правительство всевозможными стачками, уличными демонстраціями, покушеніями на выдающихся представителей современнаго режима, что „пропаганда дѣйствіемъ“ признается лишь анархистами-коммунистами, но не всѣми анархистами-индивидуалистами,— если все это принять во вниманіе, то должно явиться большое сомнѣніе въ правдивости распространяемыхъ взглядовъ, что есть анархистская тактика и тактика соціалистическая. Если соціалисты начинаютъ признавать и пропагандировать идею всеобщей стачки, значитъ ли это, что соціалисты прибѣгаютъ къ анархистской тактикѣ? Отнюдь нѣтъ. Дѣло не въ томъ, *кто* раньше выдвинулъ и защищалъ этотъ способъ борьбы съ эксплуатаціей и гнетомъ капитала и государства, а въ томъ, что соціалисты признали ее не противорѣчащей принципамъ соціализма... Еще недавно въ Россіи дебатировался горячо вопросъ о тактикѣ экспропріацій, выдвинутой *русской* революціей, тактикѣ, совершенно неизвѣстной западно-европейской жизни, если не считать отдѣльныхъ экспропріацій анархистовъ въ Германіи во время закона о соціалистахъ, тактикѣ, отстаиваемой и максималистами. Но почему же этотъ способъ борьбы анархистиченъ? Безспорно есть разница между „пропагандой дѣйствіемъ“ напр. практиковъ анархистовъ и соціалистовъ въ извѣстный періодъ. Но... тактика, какъ совокупность средствъ борьбы, тактика an sich одна и та же, какъ у анархистовъ, такъ и у соціалистовъ. Есть анархистскій идеалъ, не мѣняющійся въ зависимости отъ обстоятельствъ, есть анархистское ученіе, но нѣтъ абстрактной тактики анархизма. То что въ одинъ періодъ считалось анархистскимъ, то въ другой періодъ считается бланкистскимъ, въ третій — синдикалистскимъ, въ четвертый — с-р-имъ, въ пятый — максималистскимъ и т. д.

Въ настоящій моментъ тактика анархистовъ отлична отъ тактики соціалистовъ. Но развѣ есть нѣчто вѣчное? Тактика партій всецѣло зависитъ отъ оцѣнки ими историческаго момента и движущихъ силъ соціальнаго развитія. Разная оцѣнка приводитъ къ различной тактикѣ разныхъ партій въ одно и то же время и однѣхъ и тѣхъ же партій въ разное время.

Итакъ нѣтъ анархистской тактики, нѣтъ специально со-

ціалистической тактики... Есть лишь *революціонная тактика и тактика оппортунистическая.*

Почему же употребляется терминъ ,,анархистская тактика" для обозначенія негодности и вредности ея въ тотъ или иной моментъ? Мѣстомъ рожденія этого взгляда нужно считать Западно-европейскія страны, а его проповѣдницей — западно-европейскую буржуазію и соціаль-демократію. Тамъ еще до сихъ поръ существуютъ двѣ тактики, тѣсно сплетшіяся съ с-д. партіей и анархистской организаціей: тактика *парламентаризма*, въ которой с-д. видятъ панацею отъ всѣхъ золъ, тактика, которой с-д. надѣются завоевать политическую власть, съ одной стороны, и тактика *антипарламентская*, — т. н. ,,пропаганда дѣйствіемъ", — отъ всеобщей стачки, какъ средства соціальной революціи до мѣстныхъ стачекъ, демонстрацій, отказовъ отъ платежа налоговъ и т. д.

Тактика парламентаризма — тактика *законная*, которая примѣняется на основаніи дѣйствующаго права.

„Соціализмъ, говоритъ Жоресъ, имѣетъ одну лишь высшую тактику—*легальное* (курсивъ нашъ Гр. Н.) завоеваніе власти" *) путемъ парламентаризма. И эту точку зрѣнія раздѣляютъ не только реформисты—девизъ которыхъ гласитъ: „соціализмъ побѣдитъ избирательными бюллетенями",—но и гедисты во Франціи, с-демократы въ Германіи, соціалисты въ Италіи и т. д. Густавъ Эрве, членъ французской соціалистической партіи говоритъ: „Во всей западной Европѣ соціалистическія партіи, подъ своей революціонной мишурой, вмѣщаютъ такое содержаніе, которое едва ли рисуютъ себѣ русскіе соціалисты, еще не знакомые съ прелестями парламентаризма и избирательной стряпни. Кромѣ Россіи, повсюду соціалистическія партіи превратились въ настоящее время въ партіи *легальныхъ реформъ.* Единственная вещь приковываетъ къ себѣ ихъ вниманіе: выборы. **)

„Единственной заботой соціалистической партіи является завладѣніе властью черезъ посредство парламента"....

Девизъ реформистовъ.—„Соціализмъ побѣдитъ избирательными бюллетенями"—говоритъ с.-д. Луначарскій — на

---

*) Ж. Жоресъ. „Всеобщая стачка".

**) Г. Эрве. Конфедерація труда и соціал. партіи. Сб. статей ,,Соціальное движ. въ современной Франціи."

практикѣ молчаливо принимался и германскимъ соціальдемократическимъ центромъ—главной арміей ортодоксальнаго соціализма. На практикѣ всѣ усилія направлялись германской соціальдемократіей къ приращенію числа голосовъ на выборахъ въ рейхстагъ..."*)

Господствующимъ классамъ парламентская тактика соціалистовъ не страшна, ибо они никогда не постѣсняются прибѣгнуть къ изданію другого избирательнаго закона, урѣзывающаго избирательныя права рабочаго класса, когда соціалистическіе депутаты въ одинъ прекрасный день окажутся въ большинствѣ.

Тактика же антипарламентская,—призывъ къ *непосредственной* борьбѣ съ буржуазіей, призывъ къ борьбѣ путемъ всевозможныхъ видовъ „пропаганды дѣйствіемъ", призывъ къ борьбѣ съ милитаризмомъ, призывъ къ всеобщей стачкѣ и т. д. не по нутру буржуазіи. Въ распространеніи этихъ взглядовъ она чуетъ опасность для своего существованія.. И изъ чувства самосохраненія она всегда преслѣдовала и преслѣдуютъ анархистовъ, культивируетъ въ массахъ взглядъ, что анархія и безпорядокъ—синонимы. И исключительно поэтому она ассоціируетъ анархизмъ исключительно съ бомбами, револьверами и возстаніями, чтобы имѣть „*законное*" основаніе обрушиться на анархистовъ всей тяжестью правительственныхъ репрессій. И когда соціалистическія партіи становятся на революціонный путь борьбы, правительство объявляетъ и ихъ тактику анархистской, чтобы имѣть „право" нарушить существующіе законы о соціалистахъ.

Въ вопросѣ о дѣятельности анархистовъ сходятся буржуазія и соціалисты — марксистское крыло ихъ. Первые—изъ боязни, изъ разсчетовъ классоваго свойства, вторые—съ точки зрѣнія идейной, считающей дѣятельность анархистовъ вредящей рабочему классу.

Борьба между соціалистами и анархистами стара, имѣетъ за собой уже цѣлую исторію. Съ тѣхъ поръ, какъ анархисты начали свою проповѣдь противъ участія въ выборахъ, началась борьба между ними и соціалистами въ тѣхъ странахъ, гдѣ оба движенія развивались—во Франціи, Италіи, Испаніи, отчасти въ Германіи....

*) Послѣсловіе къ книгѣ А. Лабріола: „Реформизмъ и Синдикализмъ".

Никакого участія въ выборахъ, долой парламентаризмъ,—вотъ тотъ лозунгъ противъ котораго выступили ранѣе всего соціалисты

Въ 1896 г., на Лондонскомъ конгрессѣ, анархисты были изгнаны изъ соціалистической семьи и съ этихъ поръ началась непримиримая вражда между одними и другими. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ Эрве, въ глазахъ многихъ изъ соціалистовъ, анархистъ является болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ буржуа; многимъ изъ французскихъ гедистовъ они представляются чѣмъ-то вродѣ полицейскихъ агентовъ"...*)

Такое отношеніе соціалистовъ къ анархистамъ вытекало изъ того факта, что западно-европейскія соціалистическія партіи, а не отдѣльныя люди, *всегда* были противъ насильственныхъ актовъ, къ которымъ анархисты прибѣгали при всякомъ *удобномъ* случаѣ, а въ нѣкоторые періоды—и при *неудобномъ*, а также изъ того, что соціалисты не считали возможнымъ для себя выйти изъ рамокъ *законности*, изъ каковыхъ анархисты *всегда* выходили; вполнѣ понятно что все то, что проповѣдывали анархисты, объявлялось соціалистами вреднымъ, опаснымъ, утопичнымъ, играющимъ на руку реакціи и въ интересахъ враговъ труда.

Отношенія, которыя установились между анархистами и соціалистами въ разныхъ странахъ прекрасно характеризуются Эдуардомъ Бартомъ:**) „извѣстна упорная постоянная вражда между гедистами и анархистами. Они внушаютъ другъ другу настоящій ужасъ. Для анархиста—гедистъ воплощаетъ самую идею власти, это самъ дьяволъ—государство. Анархистъ же для гедиста—это вѣчная помѣха, духъ безпорядка и неповиновенія, разрушающій всякую организацію, компрометирующій всякое движеніе, замѣняющій порядокъ хаосомъ. И такъ какъ въ анархизмѣ гедизмъ никогда не видѣлъ ничего кромѣ отрицанія партіи и ея дисциплины—а синдикалисты тоже отрицаютъ ее, то понятно, что для гедистовъ мы *просто анархисты*."

Таковы разсужденія гедизма о синдикализмѣ, таковы же разсужденія русскихъ соціалистовъ о максимализмѣ.

---

*) „Конфед. труда и Соц. партіи. Сб. ст. „Соц. дв. въ сов. Фр".

**) „Идеологія производителей".

Такова психологія не только гедиста, но всякаго соціалиста вообще, въ томъ числѣ и русскаго.

То, что въ теченіе десятковъ лѣтъ культивировалось западно-европейской буржуазіей въ своихъ интересахъ, то, что западно-европейскіе соціалисты распространяли про анархистовъ въ теченіе многихъ лѣтъ якобы въ интересахъ рабочаго класса,—то русскіе соціалисты восприняли безъ критики, на вѣру, какъ доказанную цѣнность...

И теперь, стоитъ лишь какой либо партіи примѣнить способъ борьбы непризнанный с-д-іей,—взявшей себѣ монополію на представительство рабочихъ интересовъ; стоитъ лишь какой либо партіи попытаться оспаривать эту монополію,—какъ с-д-ты, ничто же сумняшеся, обвиняютъ этихъ дерзкихъ въ анархизмѣ. Точь въ точь, какъ буржуазія обвиняетъ соціалистовъ въ анархизмѣ, когда тѣ становятся на революціонный путь борьбы. Трогательная гармонія между двумя „непримиримыми врагами"!!.

Русскіе с-д-ты не такъ давно, с.-р. это надѣемся помнятъ, обвиняли партію с.-р. въ примѣненіи анархистскихъ способовъ борьбы,—ибо они, съ точки зрѣнія с-д., вредили классовому движенію пролетаріата, затемняли классовую психологю его и т. д.

Нынѣ и тѣ и другіе объединились противъ максималистовъ, обиняя ихъ въ анархизмѣ, ибо съ точки зрѣнія и с-д., и с-р., мы своей дѣятельностью задерживаемъ массовое выступленіе трудового народа...

Мы этому не удивляемся: исторія насъ учитъ, что отношенія классовъ между собою отчасти совпадаютъ съ взаимоотношеніями партій. Революціонная французская буржуазія, ставъ у власти, честитъ именемъ анархизма все, что посягаетъ на ея власть.

Въ Германіи 48-года и нынѣ буржуазія, получивъ отъ аграріевъ и бюрократіи кусочекъ общественнаго пирога, присоединилась къ тѣмъ, кто своей метлой выметалъ все напоминающее волю народа, революцію....

А развѣ въ Россіи теперь происходитъ не то же? Развѣ октябристы вкупѣ съ правыми и правительствомъ не твердятъ объ анархіи, анархистскихъ методахъ борьбы, о необходимости примѣнять силу противъ „разбойниковъ" и „нарушителей порядка"?

Партійное соціалистическое отношеніе къ анархизму отличается отъ классоваго-правительственнаго лишь тѣмъ, что бюрократія примѣняетъ противъ него силу, а соціалисты *пока* вынуждены ограничиваться лишь словесной борьбой...

* * *

Подъ терминомъ тактика, какъ уже упоминалось нами, мы подразумѣваемъ совокупность средствъ борьбы, примѣняемыхъ партіей въ тотъ или иной періодъ. При этомъ каждое изъ этихъ средствъ борьбы въ отдѣльности не только не должно противорѣчить *принципамъ* тактики, но, наоборотъ, должно способствовать созданію тѣхъ предпосылокъ, безъ которыхъ тактика не приноситъ желаемыхъ результатовъ.

Вся тактика соціалистическихъ партій въ Россіи, которыя въ международной соціалистической семьѣ однѣ лишь признаютъ возможнымъ достиженіе соціализма исключительно черезъ вооруженное возстаніе трудового народа,—вся тактика ихъ должна имѣть въ виду лишь подготовку вооруженнаго возстанія. На этомъ всѣ сходятся. Ни одна партія въ Россіи *пока* (за исключеніемъ меньшевиковъ) не считаетъ возможнымъ организацію соціалистическаго государства путемъ реформъ, путемъ органическаго вростанія новаго строя въ старый, или путемъ завоеванія большинства въ парламентѣ, декретирующаго упраздненіе капиталистическаго строя и замѣну его соціалистическимъ. Соціализмъ черезъ возстаніе,—вотъ основная предпосылка, которую необходимо помнить при опредѣленіи понятія *революціонной тактики*.

Существуютъ два метода подготовленія вооруженнаго возстанія—методъ законной борьбы и методъ незаконной.

Возможно ли достичь, возможно ли подготовить вооруженное возстаніе *исключительно законными* средствани борьбы, средствами не нарушающими дѣйствующаго въ предѣлахъ какого бы то ни было государства права. Для насъ,максималистовъ, невозможность этого очевидна, внѣ всякихъ сомнѣній. Напомнимъ лишь, что во всѣхъ странахъ безъ исключенія правительство—этотъ прикащикъ буржуазіи,—принимаетъ репрессивныя мѣры лишь противъ той тактики соціалистической партіи, которая, по его мнѣнію, служитъ дѣлу укрѣпленія *пролетарской воли*. Заслуживаетъ вниманія

также и то обстоятельство, что самыя демократическія государства прибѣгаютъ къ самымъ жестокимъ мѣрамъ противъ классоваго движенія пролетаріата, если оно становится на почву, недопустимую съ точки зрѣнія существующихъ правовыхъ нормъ. Причина этого заключается въ томъ, что представители капитала и власти прекрасно разбираются въ томъ, какая тактка для нихъ вредна, какая—не наноситъ ущерба.

И если бы, думаемъ мы, культурно-демократически-соціалистическая работа партій, пропаганда и агитація идей соціализма путемъ устнаго и печатнаго слова, организаціи пролетаріата въ партію, которая примѣняетъ лишь тѣ средства борьбы, которыя допустимы существующими законами государства; организаціи профессіональныхъ союзовъ, ставящихъ своею цѣлью борьбу за экономическія реформы посредствомъ мирныхъ стачекъ, безъ примѣненія насилія по отношенію къ штрейкбрехерамъ, надѣясь лишь на силу своей организованности и солидарности; участіи партій въ избирательной кампаніи, въ избирательной борьбѣ и т. д.,—если бы все это грозило жизни буржуазнаго класса, то онъ не преминулъ бы ужъ давно, обкарнать всѣ эти „вольности", прибѣгнуть къ „государственному перевороту". Эту мысль можно иллюстрировать безчисленнымъ множествомъ примѣровъ изъ древней, новой и новѣйшей исторической жизни народовъ. Если же правящіе классы не опасаются существующихъ свободъ, правъ и вольностей то это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что пассивное антиправительственное ученіе, одно лишь распространеніе его, одно лишь сознаніе необходимости переворота, сознаніе охватывающее даже милліоны людей, не опасны для нихъ до тѣхъ поръ, пока таковая борьба ведется въ рамкахъ законовъ, ими самими созданныхъ.

Правящіе классы понимаютъ, что сознаніе—одно, а проявленіе сознанія въ волѣ—другое, они понимаютъ, что одни принципы не разрушатъ того зданія, надъ которыми они трудились.

Итакъ, хотя возможно и должно революціонизировать сознаніе и законными методами борьбы, но для подготовленія вооруженнаго возстанія необходимы еще и другія субъективно-психологическія предпосылки*), которыя могутъ быть

---

*) См. стр. йй. 128

созданы лишь въ процессѣ недозволенной борьбы, т.е. для соціально-революціонной партіи, стремящейся подготовить вооруженное возстаніе, необходимъ и путь незаконный, путь нарушенія дѣйствующаго права не только методомъ дѣйствія, насильственнаго дѣйствія, но и методомъ незаконнаго *слова*...

Всякое незаконное средство революціонно, но не всякое незаконное средство можетъ быть примѣнимо въ каждый данный моментъ.

И разница между тактиками можетъ проистекать лишь изъ того, что одна партія на основаніи своей оцѣнки субъективныхъ и объективныхъ факторовъ считаетъ необходимымъ примѣненіе въ какой либо періодъ средствъ борьбы, *незаконныхъ* въ своей совокупности, другая—въ тотъ же періодъ-другія средства также незаконныя въ совокупности. И та, и другая партіи будутъ партіями революціонными съ своими революціонными тактиками. Таковыми являлись партія с.-д. и партія с-р. *до* и въ моментъ декабрскаго возстанія, Никто не оспаривалъ *тогда* революціонности методовъ с-д'ой борьбы. *Теперь* ужъ не то...

Итакъ, подъ революціонной тактикой мы подразумѣваемъ *совокупность* средствъ борьбы, нарушающихъ дѣйствующее право.

Нашимъ опредѣленіемъ революціонной тактики не исключается и законный путь борьбы, ибо развитіе классоваго самосознанія, раскрытіе противорѣчія между капиталомъ и трудомъ, трудомъ и государствомъ, опирающимся на силу милитаризма, и организація пролетаріата возможны и въ рамкахъ существующихъ порядковъ. Нельзя не согласиться съ А. Лабріало[1]), который говоритъ: „ни одна революціонная партія не можетъ отказаться отъ использованія существующихъ учрежденій, ибо эти учрежденія и являются необходимымъ условіемъ для существованія какой бы то ни было партіи. Парламентаризмъ—фактъ, игнорированіе котораго было бы безуміемъ".

Все же съ этимъ опредѣленіемъ ни одна соціалистическая партія даже въ Россіи не можетъ согласиться, ибо,

---

[1]) Реформизмъ и синдикализмъ.

кто разъ призналъ это положенie, тотъ долженъ *навсегда*, до завоеванія соціализма, отказаться отъ исключительно легальныхъ методовъ борьбы.

* * *

При рѣшеніи вопроса о конкретныхъ методахъ борьбы въ тотъ или иной историческій періодъ мы, максималисты, исходимъ изъ слѣдующаго положенія: совокупность средствъ борьбы соціалистически-революціонной партіи должна способствовать: а) развитію классового самосознанія рабочихъ, б) развитію сознанія о необходимости организаціи ихъ въ классъ, в) революціонизированію воли, г) уннчтоженію фетишизма частной собственности, фетишизма, который пріучилъ въ теченіе вѣковъ трудовые элементы относиться къ частной собственности, какъ къ институту священному, посягательство на котораго недопустимо ни съ какой точки зрѣнія и д) уничтоженію чувства *законности* и воспитанію чувства возмущенія народа предъ беззаконіемъ. Перечисленныя соціально-психическія предпосылки и являются предпосылками вооруженнаго возстанія съ точки зрѣнія максималистскаго направленія въ ученіи соціально-револю ціонной школы.

Раскрытіе антогонизма между трудомъ и капиталомъ, развитіе соціалистической и классовой психологіи рабочаго класса необходимо для того, чтобы трудовой народъ созналъ свое *право* бороться за реорганизацію общества на основахъ общественной организаціи труда и всего производства.

Организація рабочаго класса въ единую могучую армію труда необходима для успѣшности практическаго выполненія поставленной задачи.

Революціонизированіе воли! Цѣль всѣхъ соціалистическихъ партій, начиная съ традиціонно-ортодоксальныхъ и кончая ревизіонистско - реформистскими, одна и та же: уничтоженіе существующаго общественно - экономическаго эксплуататорскаго строя и созданіе новаго на основѣ обобщественнаго производства. Какъ бы далекъ ни былъ отъ своего осуществленія соціалистическій идеалъ, безспорно вѣрно то, что его необходимо *всегда* подчеркивать, чтобы онъ *всегда* стоялъ передъ глазами соціалистовъ. Такое постоянное подчеркиваніе необходимости борьбы за идеалъ, непрерывное разъясненіе сущности его, его задачъ и цѣлей, представ-

леніе о самомъ строѣ, — все это укрѣпляетъ сознаніе рабочихъ, создаетъ пассивное соціалистическое настроеніе...

Но недостаточно вѣрить лишь въ идеалъ соціализма, недостаточно говорить лишь о немъ и распространять соціалистическіе принципы, чтобы соціалистическое общество дѣлалось фактомъ. Необходимо согласовать еще эти принципы съ соціалистической тактикой. До тѣхъ поръ, пока эта тактика не посягаетъ непосредственно на цѣлость существующаго экономическаго строя, господствующій классъ, какъ мы уже говорили, мало обращаетъ вниманія на эту культурную работу, ибо онъ понимаетъ лучше многихъ соціалистовъ, что опасность не въ словахъ, не въ классовомъ самосознаніи, а въ фактѣ проявленія этого сознанія въ дѣйствіи, что возможно при наличности *революціонной воли*, которая не только умѣетъ „хотѣть", но и одна можетъ реализовать свое „хочу", провести его въ жизнь. Созданіе этой воли—вотъ одна изъ главныхъ задачъ, если не самая главная, соціально-революціонной партіи. Смѣемъ думать, что всѣ соціалистическія партіи это признаютъ. И весь вопросъ заключается въ томъ, какой *незаконной* тактикой создается революціонная воля.

Чувство законности! Господствующіе классы во всѣ времена культивировали въ народѣ, возстанія котораго они всегда опасались, чувства благоговѣнія и страха передъ изданными ими же законами. Если правящіе классы добиваются того, что для трудовыхъ элементовъ, большинства населенія, законъ — святыня, они спятъ спокойно. Они знаютъ тогда, что слова — законъ, законъ запрещаетъ, именемъ закона и т. д. имѣютъ для народа магическое значеніе и силу, сокрушающія всякое дерзостное помышленіе отдѣльныхъ лицъ и группъ личностей противъ существующаго строя. И до тѣхъ поръ, пока культъ законности не сокрушенъ, пока онъ окруженъ какимъ то ореоломъ святости въ сознаніи народныхъ массъ,—до тѣхъ поръ старый строй держится крѣпко.

Чувство законности, какъ что то божественное, неприкосновенное, должно быть уничтожено и замѣнено другимъ чувствомъ и другимъ отношеніемъ, отношеніемъ критическимъ ко всѣмъ институтамъ человѣческимъ.

Поэтому тактика революціи должна направлять удары акже и противъ этого вѣкового чувства. Уничтоженіе *чувства* законности отнюдь не означаетъ уничтоженіе *общежитія*, ибо мы говоримъ о законѣ, какъ о насильственной юридической нормѣ. И хотя въ свободномъ соціалистическомъ государствѣ не будетъ *такого* закона, но, съ нашей соціалистической точки зрѣнія, существованіе общества невозможно внѣ регулированіи имъ *свободно* установленными юридическими нормами и поэтому необходимо воспитывать въ народѣ чувство возмущенія противъ нарушенія тѣхъ *свободныхъ* нормъ, на основѣ которыхъ будетъ воздвигнуто зданіе будущаго общежитія, чувство возмущенія противъ *беззаконія* не буржуазно-полицейскаго, а соціалистическаго.

Уничтожить *современное* чувство законности не значитъ уничтожить уваженіе къ тѣмъ нормамъ, которыя выработаны *свободными* людьми въ свободномъ общежитіи. Сознавать, что эти нормы преходящи, текучи, что личность или группа ихъ имѣетъ право всегда требовать измѣненія этихъ нормъ;

Сознавать, что всякая группа лицъ, не желая подчиниться существующимъ нормамъ, имѣетъ право выхода изъ этого общежитія, чтобы создать новое, согласное съ ихъ взглядами;

Сознавать, что эти несогласно-мыслящія имѣютъ право на помощь со стороны тѣхъ, отъ кого они отдѣляются, имѣютъ право требовать часть общественнаго богатства, на ихъ долю причитающагося;

возмущаться, когда кто либо *нарушаетъ* свободно установленные всѣми гражданами порядки въ интересахъ своихъ низко—эгоистическихъ матеріальныхъ выгодъ, въ ущербъ интересамъ всего организма;

возмущаться, когда цѣлое подавляетъ часть, не считаясь со взглядами и желаніями послѣдней;

Сознавать и возмущаться всѣмъ этимъ необходимо чтобы свободныя нормы общежитія не превратились въ нормы принудительныя, въ современный законъ. И чтобы уничтожить слѣпое, не разсуждающее чувство законности, чувство слѣпого преклоненія передъ разъ установленнымъ необходимо сейчасъ же начать эту проповѣдь, необхо-

димо сейчасъ же съ этимъ бороться. Чувство законности должно быть вытѣснено чувствомъ трудовой справедливости.

Фетишизмъ частной собственности принадлежитъ къ той же категоріи идоловъ, о которой можно лишь повторить все сказанное о чувствѣ законности.

Именно на этомъ фетишизмѣ и держится между прочимъ буржуазный строй. Благодаря ему народы всѣхъ странъ въ ужасъ приходятъ отъ нападеній, пассивныхъ и активныхъ, на частную собственность и на ея институты и остаются глухи къ соціалистической проповѣди. Лишь въ Россіи, гдѣ этотъ фетишизмъ имѣетъ подъ собою зыбкую почву, возможна успѣшная борьба съ нимъ...

Попробуемъ подтвердить наши разсужденія о революціонной тактикѣ данными изъ западно-европейскихъ революцій.

* * *

Французская буржуазія 1789 г. была революціонна. Это признаютъ всѣ направленія соціалистической мысли. Гдѣ же причина такого единодушія во мнѣніяхъ? Причина этого заключается въ революціонности программы *и* тактики буржуазіи времени великой французской революціи.

Первое положеніе, которое общепризнано, заключается въ томъ, что депутаты 3-го сословія, этого, по выраженію Каутскаго, „юнаго колосса новаго способа производства“, ясно представляли себѣ невозможность развитія его при феодализмѣ, который къ этому времени пришелъ въ совершенный упадокъ. Ни торговля, ни промышленность не могли развиваться при царившей въ дореволюціонной Франціи системѣ деспотизма и регламентаціи, которая „изъ средства распространенія усовершенствованныхъ способовъ производства превратилась въ средство сохраненія самыхъ устарѣлыхъ и негодныхъ“.*) Это сдѣлало промышленность врагомъ абсолютизма. Мастера, заинтересованные въ сохраненіи старыхъ формъ цеховой организаціи; подмастерья, стремящіеся стать цеховыми мастерами; плохо оплачиваемые наемные рабочіе группой капиталистической индустріи, не осознавшіе еще своихъ классовыхъ интересовъ; сельское населеніе, обремененное десятиной, натуральными по-

---

*) Противорѣчія. К. Каутскій, 42.

винностями, поземельнымъ и солянымъ налогомъ, налогомъ на потребленіе и т. д.; страдающіе отъ произвола своихъ господъ, королевскихъ чиновниковъ и притѣсненія духовенства,—вотъ та громадная армія на которую революціонная буржуазія оперлась и двинула ее на борьбу съ королевскимъ абсолютизмомъ.

Буржуазная интеллигенція, проникнутая міросозерцаніемъ XVIII вѣка, воспитанная на идеяхъ Монтескье, Вольтера и Руссо, идеяхъ, которые представляли собой „какъ бы синтезъ ученій всѣхъ великихъ умовъ XVIII вѣка“*), явилась въ Національномъ Собраніи выразительницей интересовъ крупной буржуазіи, заинтересованной главнымъ образомъ въ уничтоженіи привиллегій дворянства и высшаго духовенства, въ уничтоженіи прерогативъ монархіи, интересы которой тѣсно сплетались съ интересами первыхъ двухъ классовъ. Ясно сознавая невозможность своего господства въ рамкахъ феодализма, буржуазія должна была бороться за новые рамки —капиталистическіе. Слѣдовательно, *программа* ея заключалась въ преобразованіи общественнаго строя.

Поэтому идеологи ея въ Національномъ Собраніи боролись за *уничтоженіе* стараго экономическаго и политическаго порядковъ и за *созданіе* на его развалинахъ новаго. Но они сознавали, что программа эта осуществима революціонными лишь средствами. Въ чемъ же выразилась эта революціонность?

Мы остановимся лишь на тактикѣ третьяго сословія, а потомъ Національнаго Собранія въ борьбѣ его съ королевско-дворянской властью и привиллегіями. Здѣсь передъ нами двѣ силы, объявившія другъ другу войну. Одна—*законная*, царствующая и правящая на основаніи неотмѣненныхъ еще законовъ страны. Другая—также *юридически* законная въ томъ смыслѣ, что призвана она ко строительству жизни страны волей короля, имѣвшаго юридически законное право распустить ее во всякое время, вновь созвать или не созывать. Столкновеніе этихъ силъ было неизбѣжно, какъ представителей противоположныхъ классовыхъ интересовъ. Но, какъ та, такъ и другая стороны могли прибѣгнуть къ различнымъ средствамъ борьбы. Посмотримъ, какъ дѣйствовало третье сословіе.

*) Ж. Жоресъ. Исторія вел. фр. рев. 172.

Разрывъ между короной и революціонными депутатами третьяго сословія начался при первой же встрѣчѣ. Первый конфликтъ между сословіями возникъ изъ-за вопроса о поголовной подачѣ голосовъ. Дворянство и духовенство рѣшили конституироваться въ отдѣльныя палаты и самостоятельно произвести повѣрку депутатскихъ полномочій. Депутаты третьяго сословія поняли, что въ такомъ случаѣ революція будетъ ликвидирована. Какъ должны были дѣйствовать депутаты революціонной буржуазіи? Нѣкоторые настаивали на пассивной выжидательной тактикѣ, тактикѣ переговоровъ, соглашеній. Но въ этотъ моментъ вмѣшался король, который приказалъ сословіямъ провѣрить отдѣльно полномочія своихъ членовъ, взявъ на себя разрѣшеніе возраженій со стороны другихъ сословій. Благодаря тому революціонному духу, которымъ были проникнуты депутаты, слѣдуя тому революціонному инстинкту, который указалъ имъ на то, что подобная тактика бездѣйствія можетъ лишь обезсилить страну и революціонное настроеніе народа, они перешли къ другой тактикѣ. Они постановили, *вопреки волѣ короля,* приступить къ поименному вызову депутатовъ всѣхъ трехъ сословій, т. е. они рѣшили дѣйствовать какъ Національное собраніе и исключить изъ списковъ неявившихся. Депутаты третьяго сословія начали съ *незаконнаго* постановленія. Этимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій депутаты увлекли за собой нерѣшительныхъ и запуганныхъ высшимъ духовенствомъ приходскихъ священниковъ. Въ ихъ лагерѣ начался расколъ...

Слѣдующей мѣрой депутатовъ было затруднить распущеніе національнаго собранія. Съ этой цѣлью оно объявило, „что всѣ существующіе налоги взимаются незаконно“, но что оно признаетъ ихъ временно законными „лишь до распущенія собранія по какимъ бы причинамъ оно ни произошло“. Такимъ образомъ всякій актъ насилія противъ собранія немедленно сдѣлалъ бы взиманіе налоговъ незаконнымъ и узаконилъ бы сопротивленіе всѣхъ гражданъ. „Отъ этого, такъ долго соблюдавшаго осторожность собранія, стали исходить великія революціонныя рѣшенія“. *) Эти постановленія были *отпечатаны, обнародованы и разосланы* по провинціямъ. Это было второе *незаконное* постановленіе депутатовъ буржуазіи.

*) Ж. Жоресъ. Исторія в. Фр. рев. 181 стр. т. I.

Національное собраніе не побоялось поднять Ахеронъ, зная, что лишь народъ въ цѣломъ можетъ его поддержать, что силѣ правительства должно противопоставить не бумажные декреты, а силу активную, силу революціоннаго народа.

Заперевъ залъ засѣданія, правительство начало приготовленіе къ королевскому засѣданію. Депутаты собрались въ помѣщеніи, служившемъ для игры въ мячъ и поклялись не расходиться пока не будетъ выработана и утверждена конституція. Это былъ третій *незаконный* шагъ депутатовъ.

Въ день королевскаго засѣданія народъ могъ видѣть грозную военную силу, дефилировавшую по всѣмъ улицамъ Парижа: началась подготовка къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ депутатовъ революціоннаго третьяго сословія. Въ своей рѣчи король объявилъ недѣйствительнымъ рѣшенія, принятыя депутатами 3-го сословія, какъ незаконныя и противныя государственному строю; онъ заявилъ, что раздѣльность трехъ сословій должна быть сохранена, что депутаты сословій совѣщаются отдѣльно по вопросамъ о сохраненіи или уничтоженіи феодальной собственности, о привиллегіяхъ духовенства и т.д., онъ заявилъ о недопущеніи на совмѣстныя совѣщанія постороннихъ лицъ, чѣмъ уничтожалась связь революціонныхъ депутатовъ съ народомъ и, заявивъ, что въ случаѣ неповиновенія онъ одинъ возьмется за преобразованія, приказалъ депутатамъ разойтисъ. Но депутаты третьяго сословія остались, чтобы продолжать свои засѣданія и обычные труды. Это былъ четвертый *незаконный* шагъ ихъ. Мирабо, поддержанный единогласно всѣмъ собраніемъ, заявилъ, что они разойдутся, уступая лишь силѣ штыковъ. Послѣ этого собраніе декретировало неприкосновенность особы депутата, объявивъ измѣнникомъ націи и государственнымъ преступникомъ *всякого,* кто бы посягнулъ на эту неприкосновенность.

Чтобы раздавить революцію, необходимо было разогнать собраніе и усмирить народъ, который уже началъ проявлять свое негодованіе и возмущеніе. Правительство мобилизовало войска и сосредоточило ихъ между Парижемъ и Версалемъ.

Какъ же отвѣтило на это національное собраніе?

Сознавая, что физической силѣ необходимо противопоставить такую же силу, сознавая что оно будетъ побѣждено, если будетъ предоставлено собственнымъ силамъ, оно по требованію Парижской буржуазіи, постановило организовать

гражданскую гвардію. А Мирабо, видя въ концентраціи войскъ въ столицѣ опасность для революціи, обратился съ трибуны собранія къ солдатамъ съ призывомъ къ неповиновенію во имя свободы. Что можетъ быть *незаконнѣе* этихъ шаговъ и рѣчей? Собраніе присвоило себѣ даже однажды функціи „исполнительной власти", постановивъ отправить къ королю депутацію съ просьбой хлопотать о помилованіи солдатъ, которыхъ народъ освободилъ изъ тюрьмы, но выдачи которыхъ требовало высшее начальство.

Взятіе Бастиліи укрѣпило силу собранія, переставшаго уже бояться нападенія со стороны врага и пробудило въ народѣ сознаніе его силы. Съ этого дня революція начала возводить новый фундамемтъ для новаго общественнаго строя почти безъ задержекъ со стороны побѣжденной монархіи.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что революціонная тактика французской буржуазіи была сплошь *незаконна*, т. е. нарушала неотмѣненныя еще юридическія нормы, дѣйствующее еще право.

Такимъ образомъ революціонной французскую буржуазію называютъ потому, что ея тактика была *незаконна*.

Обратимся теперь къ тактикѣ Германской буржуазіи 48-года во франкфуртскомъ парламентѣ, прусскомъ собраніи и другихъ буржуазныхъ учрежденій. Общепризнано, что Германская буржаузія не была революціонной, но не потому. что *программа* ея не была революціонной, а исключительно потому, что она примѣняла нереволюціонныя средства борьбы. И германская буржуазія 48-г. ясно сознавала, что она призвана самимъ ходомъ историческаго развитія къ власти, что на ея обязанности лежало уничтожить абсолютизмъ и феодализмъ, подорванный геройскимъ дѣломъ 28-го марта, въ корнѣ расшатанный баррикадной ночью.

Но вліяніе французской революціи 48-г. было такъ сильно, боязнь „краснаго призрака" была такъ велика, что послѣ этой ночи буржуазія подняла свой голосъ во имя „заключенія революціи". [*]) Мы не будемъ останавливаться на причинахъ такой тактики; для нашей цѣли важно лишь опредѣлить, базировала ли дѣятельность германской буржуазіи на почвѣ стараго права, закона, или на почвѣ силы и новаго буржуазнаго права.

---

[*]) См. Меринг. Исторія герм. с.-д. т. III. стр. 16.

29-го марта было назначено новое буржуазное министерство, которое отказалось созвать новое народное представительство, ибо хотѣло сохранить „непрерывность правопорядка“.·) Соединенный ландтагъ, этотъ, по выраженію Меринга, гальванизированный трупъ стараго феодальнаго строя, исходя изъ этой же непрерывности постановилъ, „что будущая конституція должна быть продуктомъ соглашенія между короной и народнымъ представительствомъ“ ··)

А какъ дѣйствовалъ предварительный парламентъ?

Отказавшись объявить себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и революцію непрерывной, онъ отклонилъ также предложеніе поставить позади себя вооруженную силу:··) онъ тоже стоялъ на пресловутой „почвѣ права“, ибо громадная часть и этого собранія, хотя и преклонялась предъ революціей, но предъ революціей „почтительно остановившейся передъ тронами“.····)

Посмотримъ теперь, какъ боролась буржузія съ короной?

Когда пришла въ Берлинъ вѣсть о паденіи Вѣны, Германскій императоръ поручилъ составить новый кабинетъ юнкеру.... Это означало государственный переворотъ. А прусское собраніе постановило сдѣлать королю представленіе черезъ депутацію о „положеніи страны“. Что можетъ быть законнѣе этой тактики?

Корона употребила противъ собранія силу, введя войска въ зданіе театра, гдѣ оно засѣдало. Даже стоя на почвѣ „законности“, собраніе имѣло право употребить законную самооборону противъ незаконнаго нападенія, т.е. имѣло право выставить вооруженную силу, что и предлагалъ пролетаріатъ Берлина; но собраніе рѣшило оказать пассивное сопротивленіе и выпустило воззваніе къ народу, чтобы „въ эту тяжелую минуту, когда законное представительство народа разгоняется штыками, онъ ни на одно мгновенье не покидалъ почвы закона“. ·····)

Что можетъ быть легальнѣе этихъ шаговъ?

·) Тамъ же 11.
··) стр. 17.
···) стр. 20.
····) стр. 19.
·····) стр. 64.

Послѣ этого министерство распустило гражданское ополченіе, представлявшая собою жандармско - полицейскую команду, которая преслѣдовала крамольниковъ (читай пролетаріатъ) и защищала собственность ·) Собраніе объявило этотъ актъ незаконнымъ и заявило, что гражданское ополченіе и населеніе Берлина должны *спокойно* ждать этой отмѣны. ··)

Далѣе министерство ввело осадное положеніе, клубы были закрыты и т. д. собраніе объявило осадное положеніе незаконнымъ и отказалось отъ поддержки вооруженной силы молодежи и пролетаріата.

Въ день роспуска гражданскаго ополченія лѣвая предложила высказаться за всеобщій отказъ отъ уплаты налоговъ. На слѣдующій денъ было предложено лишить министерство права расходовать государственныя деньги и взимать налоги. Было предложено объявить войско свободнымъ отъ данной присяги, если ему прикажутъ выполнять незаконныя дѣйствія.

Было предложено выпустить воззваніе, гдѣ „братья въармiи“ приглашались одобрить „законное поведеніе собранія. ···)

Изъ всѣхъ этихъ предложеній послѣ долгихъ дебатовъ, уже въ присутствіи войскъ, вызвавшихъ приливъ возбужденія и революціонное настроеніе въ депутатахъ, постановило отнять у министерства „право распоряжаться государственными суммами и взимать налоги, покуда собраніе лишено возможности безпрепятственно продолжать свои засѣданія въ Берлинѣ“ ····) Но собраніе не *организовало* отказа отъ уплаты налоговъ и этимъ лишило это законное постановленіе всякой силы. А франкфуртское собраніе „громовымъ голосомъ объявило рѣшеніе объ отказѣ отъ платежа налоговъ лишеннымъ всякой юридической силы“. ·····)

Гдѣ же во всемъ этомъ нарушеніе законовъ?

Мы не будемъ болѣе останавливаться на „славной“ дѣятельности этого „высокаго“ парламента. Достаточно лишь констатировать, что онъ ни разу не отступилъ отъ „почвы права“ даже тогда, когда его третировали какъ каналью...

·) Тамъ же стр. 11

··) Тамъ же стр. 66.

···) Тамъ же стр. 68.

····) Тамъ же стр. 71.

·····) Стр. 74.

На основанiи этихъ фактическихъ данныхъ мы заключаемъ, что тактика Германской буржуазiи временъ революцiи была *законна*, и что сама буржуазiя былѣ нереволюцiонна т. е, не нарушала юридически неотмѣненнаго еще права.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о тактикѣ русской буржуазiи, Государственной Думы. Первая государственная Дума пыталась прибѣгнуть къ революцiонной тактикѣ слова, но не дѣйствiя. И по этому то она была побѣждена въ борьбѣ съ самодержавiемъ.

Первая Государственння Дума потребовала амнистiи для всѣхъ борцовъ революцiи. Шагъ революцiонный и незаконный. Царь и его правительство отвѣтило на это презрительнымъ молчанiемъ. Что предприняла Дума? Ничего, ибо она (большинство ея) исходила изъ принципа ненарушимости существующихъ основныхъ законовъ.

Кадетское большинство въ первой Думѣ было противъ образованiя мѣстныхъ комитетовъ для рѣшенiя поземельнаго вопроса не только изъ боязни поднять Ахеронъ, но также изъ боязни ссорится съ правительствомъ изъ за нарушенiя основныхъ законовъ. Это же послужило причиной отказа отъ обращенiя къ народу съ изложенiемъ взгляда думы на аграрный вопросъ.

Чѣмъ отвѣтила Дума на разгромъ ея? Выборгскимъ возванiемъ съ призывомъ отказа отъ ппатежа налоговъ и дачи рекрутовъ. Но она не взяла на себя организацiи этого отказа, этого пассивнаго сопротивленiя, и разъѣхалась, подчинившись насилiю.

Вторая Государственная Дума ни разу не оставила „почвы права“ даже на словахъ. Никакихъ разговоровъ даже о пассивномъ сопротивленiи.

Тактика первой и второй Думы была *законна*, т. е. нереволюцiонна.

Почему русскiе с.д. меньшевики не считаются революцiонными? Потому что они при третьей Государс. Думѣ признаютъ исключительно Думскую работу и отказываются отъ всякихъ нелегальныхъ методовъ борьбы.

Почему Германская соцiаль-демократiя нереволюцiонна? потому что совокупность средствъ ея борьбы законны.

———

Мы можемъ теперь дать отвѣтъ на поставленный въ началѣ вопросъ: какія средства борьбы революціонны? Если будемъ рѣшать вопросъ примѣнительно къ Россіи, гдѣ отсутствуютъ т. наз. права человѣка и гражданина, гдѣ царитъ произволъ кучки дворянъ и царя Николая, гдѣ дѣйствуетъ не буржуазный правовой порядокъ, а „исконное византійское начало“—самодержавіе,— для Россіи, повторяемъ мы, получится слѣдующее: революціонны всѣ перечисленные выше методы за исключеніемъ избирательной кампаніи, думской борьбы и организаціи въ профессіональные союзы.

Примѣнительно къ какой либо конституціонной странѣ наше опредѣленіе дастъ другіе результаты: частичныя экономическія стачки, поскольку онѣ сопровождаются насильственнымъ „снятіемъ“ съ работъ, будутъ средствомъ революціонной борьбы.

Вооруженныя демонстраціи, терроръ политическій, аграрный и фабричный, партизанская борьба, всеобщая забастовка, политическая и экономическая и т. д.,—все это принадлежитъ къ числу революціонныхъ методовъ во всѣхъ странахъ—самодержавныхъ, конституціонно-монархическихъ и республиканскихъ.

И весь споръ между партіями долженъ касаться лишь вопроса о томъ, какіе методы *незаконной* борьбы могутъ въ какой либо историческій моментъ способствовать созданію тѣхъ соціально- психическихъ предпосылокъ, о которыхъ мы говорили выше, и которые являются sine qua non вооруженнаго возстанія...

ГЛАВА VII.

Современное революціонно-соціалистическое движеніе выдвинуло одинъ очень важный вопросъ, правильное разрѣшеніе котораго должно оказать громадное вліяніе на развитіе и успѣшный исходъ борьбы труда съ капиталомъ и буржуазно-полицейскимъ государствомъ. Это вопросъ о тѣхъ принципахъ, на которыхъ должна быть построена соціалистическаая организація, ставящая своей цѣлью поддерживать и развивать трудовое міровоззрѣніе и революціонное настроеніе народа, увлекать его на борьбу съ капиталомъ и властью. Это вопросъ о формахъ рабочей организаціи, способствующихъ проявленію

максимума самодѣятельности организованныхъ массъ, признающихъ путь революціонной борьбы, примѣненіе которой до и въ моментъ широкаго массоваго движенія дѣлаетъ возможнымъ превращеніе его въ движеніе соціально-революціонное и тѣмъ самымъ даетъ почву для соціально-экономическаго и политическаго переворота. Это вопросъ о формѣ тѣхъ ячеекъ, которыя *во время* революціи могли бы явиться иниціаторами захвата промышленныхъ заведеній и земли для передачи ихъ въ общенародное достояніе. Наконецъ, это также вопросъ и о тѣхъ формахъ организаціи, которыя допускаютъ и [illegible] средствами развивающими самодѣятельность, кампанію противъ эксплуатаціи и произвола на почвѣ борьбы за немедленное улучшеніе положенія рабочаго класса совмѣстно со всѣми представителями народа.

Соціалистическая партія есть союзъ лицъ одинаковыхъ убѣжденій, выраженныхъ и научно-обоснованныхъ въ программѣ, сквозь призму которой и разсматривается вся многообразная жизнь рабочаго народа. Партія есть союзъ лицъ, ставящихъ своей цѣлью завоеваніе *политической* власти. И вполнѣ понятно, что поэтому довольно часто отъ ея взора ускользаютъ многіе факты повседневной жизни, она (партія) не охватываетъ всей ея шири, не выражаетъ всѣхъ ея требованій, не организовываетъ борьбы за всѣ ея интересы.

Для соціально-революціоннаго переворота необходима наличность *на мѣстахъ* классовыхъ группъ производителей. А такъ какъ партія, какъ политическая организація, не можетъ быть превращена въ организацію экономическую, то она можетъ лишь способствовать перевороту, но не быть руководителемъ экономической реорганизаціи общества въ революціонный періодъ.

Экономическій переворотъ возможенъ *исключительно* революціоннымъ путемъ. Партія же, для замѣны современнаго общества обществомъ соціалистическимъ, стремится захватить власть путемъ парламентской борьбы, т. е. путемъ нереволюціоннымъ, путемъ разряжающимъ атмосферу недовольства и ненависти къ буржуазному строю, угашающимъ революціонную энергію, соціалистическій энтузіазмъ и самодѣятельность рабочаго класса. Правда, допустимо существованіе и *внѣпарламентской* соціалистической партіи. Но если она

построена по принципу централизма, то, какъ и партія перваго рода, способствуетъ лишь атрофированію воли въ организованныхъ ею массахъ, отнимаетъ у нихъ всякую возможность проявленія инициативы и энергіи, вліяя такимъ образомъ на постепенный упадокъ революціоннаго закала партіи. Съ другой стороны, возможность ея пополненія членами разныхъ настроеній и воли, вслѣдствіе непрерывнаго роста партійныхъ организацій при подчиненіи низовъ верхамъ, является также причиной превращенія революціонной и соціалистической партіи въ партію соціалъ-реформаторскую и оппортунистическую. Мы не говоримъ о русскихъ соціалистическихъ партіяхъ, отрицательныя стороны централизма которыхъ въ значительной степени компенсируются, съ одной стороны, невыносимыми экономическими и политическими условіями жизни трудового народа, съ другой, *нелегальнымъ* характеромъ ихъ существованія.

Если же партія базируетъ на принципахъ автономіи, федерализма и демократіи, то она, правда, сохраняетъ революціонный свой характеръ; но, какъ организація политическая, а не классово-экономическая, все же не можетъ быть *организаціей переворота*. Лишь организація, связанная въ цѣломъ и въ ея отдѣльныхъ группахъ съ внутренней и внѣшней жизнью производственныхъ организмовъ, удовлетворяетъ этому требованію.

Вотъ на основаніи чего мы категорически высказываемся противъ организаціи трудовыхъ массъ исключительно на основѣ подбора членовъ по общности взглядовъ и мнѣній — мы противъ партіи.

Но, быть можетъ, отрицательныя стороны партійной организаціи могутъ быть устранены объединеніемъ рабочаго класса въ профессіональные союзы? Мы различаемъ союзы двоякаго рода. Сущность однихъ заключается единственно въ защитѣ труда отъ чрезмѣрнаго гнета капитала и въ борьбѣ за улучшенія условій труда въ предѣлахъ современнаго строя. Другіе къ этой задачѣ присоединяютъ еще одну — борьбу за полное уничтоженіе эксплуатаціи.

Какая же изъ этихъ организацій рабочаго класса удовлетворяетъ поставленнымъ нами требованіямъ? Ясно, что профессіональные союзы перваго рода, выставляя своей программой борьбу за ближайшіе интересы, имѣютъ возможность

съорганизовать большинство рабочаго класса. Для этого рода движенія не опасно, что по своему составу этотъ видъ организаціи представляетъ собою смѣсь группъ однородныхъ экономически, но разнородныхъ по своимъ соціально-политическимъ взглядамъ. Это не вліяетъ на крѣпость союза. Борьба за ближайшія нужды не могутъ вызвать принципіальныхъ конфликтовъ, ибо, и опытъ это подтверждаетъ, различіе взглядовъ сглаживается въ непосредственной и *одинаково для всѣхъ необходимой* борьбѣ и теряетъ свою остроту. Но именно поэтому профессіональные союзы и не могутъ быть органами соціально-революціоннаго переворота, ибо основнымъ условіемъ экономическаго освобожденія является наличность боевыхъ классово-экономическихъ группъ, готовыхъ во всякое время примѣнить тактику соціальной революціи. Тактика же союзовъ перваго типа вырабатывается въ процессѣ повседневной жизненной практики, властно требующей сохраненія силъ и прежде всего успѣха. А эти условія являются тѣми факторами, которые съ желѣзной необходимостью заставляютъ профессіональное движеніе чуждаться революціонныхъ средствъ, идущихъ часто въ разрѣзъ съ первымъ требованіемъ и не могущихъ всегда считаться со вторымъ.

Помимо всего этого, организація рабочаго класса исключительно на почвѣ борьбы за ближайшіе матеріальные интересы не можетъ поднять его на ту высоту самоотверженія и энтузіазма, революціонно-соціалистической самодѣятельности и инціативы, которая требуется отъ борцовъ за полное освобожденіе народа. Лишь тогда, когда эти разсчеты одухотворены мотивами высшаго порядка, рабочій народъ является тѣмъ энергичнымъ и идеальнымъ борцомъ, которому удивляются даже и враги его.

Но въ такомъ случаѣ, не удовлетворяютъ ли нашимъ требованіямъ проф. союзы второго разряда? И на этотъ вопросъ приходится отвѣтить также отрицательно.

Имѣя всѣ положительныя стороны первыхъ, они фактомъ признанія своей конечной цѣлью „экспропріацію экспропріаторовъ“, пріобрѣтаютъ одну черту, которая неизбѣжно приводитъ ихъ или къ отказу отъ своей конечной цѣли, или къ „партійности“, но не въ смыслѣ формы организаціи и тактики, а въ смыслѣ необходимости программы для объединенія лицъ однородныхъ убѣжденій. Дѣло въ томъ, что и тѣ, и другіе

проф. союзы составляются изъ лицъ *разныхъ* соціально-политическихъ взглядовъ. Но что безразлично для первыхъ, то смертельно опасно для вторыхъ, ибо осуществленіе „конечной цѣли" тѣсно связано съ принципами тактики и оцѣнкой общественно-экономическихъ и психологическихъ предпосылокъ переворота. А при различіи *мнѣній* не только не можетъ быть общихъ и революціонныхъ дѣйствій, какъ методовъ до повстанческаго періода, но, наоборотъ, должно родиться или столкновеніе, постепенно превращающееся въ непримиримый антагонизмъ частей союза, ведущій къ полному его распаду, или дѣйствія хотя и общія, но нереволюціонныя. Въ организаціяхъ безпартійныхъ синтезировать борьбу за „ближайшія цѣли" и борьбу за освобожденіе труда въ соціально-революціонное движеніе массъ невозможно, утопично. Это утопія романскаго синдикализма, поддерживаемая въ Россіи партіей соціалистовъ-революціонеровъ.

Основываясь на всемъ вышесказанномъ мы изложимъ принципы, которые лягутъ въ основу максималистической организаціи.

1. Организація соціалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ должна быть однородной и экономически, и соціально-политически. Признавая въ то же время *коммунальный методъ революціи*, необходимо класть въ основу организаціи принципъ территоріальности. И такимъ образомъ ячейкой организаціи будетъ служить автономная *заводская организація*, вербующая своихъ членовъ на основѣ признанія ими своей *ближайшей* цѣлью полнаго уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и установленія планомѣрной организаціи труда и всего производства. Находясь въ центрѣ рабочей массы этого производственнаго организма, плоть отъ плоти и кровь отъ крови этихъ представителей труда, заводская организація, какъ классово-экономическая ячейка, удовлетворяетъ нашему требованію участія въ *повседневной* борьбѣ. Но чтобы быть ячейкой *переворота* необходимо признаніе ею и революціонныхъ методовъ борьбы, какъ единственнаго средства для достиженія цѣли. Перенеся этимъ требованіемъ вопросъ изъ плоскости организаціи въ плоскость тактики, мы тѣмъ самымъ достигаемъ синтеза разныхъ видовъ движенія труда и движенія максималистическаго въ соціально-революціонное движеніе народныхъ массъ. Ибо мы признаемъ ту точку зрѣнія, что экономи-

ческая реорганизація общества возможна при наличности проникнутаго трудовой психикой народа и организованнаго, энергичнаго, иниціативнаго трудового меньшинства, но все же *количественно* довольно значительнаго. Первое на лицо, второе возможно и при самодержавномъ режимѣ, что доказала хотя бы нелегальная с-д-ская партія предъдумскаго періода, партія с-р., особенно же революціонные союзы наиболѣе активныхъ городовъ Россіи, охватившихъ широкія рабочія массы. Выходцы изъ народа, связанные съ нимъ тысячами нитей, наиболѣе сознательные его представители и наиболѣе ему преданные, члены заводскихъ организацій, а слѣдовательно, и заводская организація, какъ цѣлое, имѣетъ возможность сѣять въ низахъ народныхъ свѣтъ соціалистическаго ученія, доказывать необходимость борьбы за свободу и равенство, показывать на дѣлѣ, какъ надо бороться, укрѣпляя такимъ образомъ идею революціонной борьбы, закаляя народную волю и организовывая революціонно-стихийное настроеніе. Подобная общественно-экономическая и идейная связь революціоннаго меньшинства съ трудовымъ большинствомъ и дѣлаетъ возможнымъ тотъ синтезъ, о которомъ было говорено выше.

2. Возможность достиженія поставленныхъ нами задачъ всецѣло зависитъ отъ того, насколько форма максималистической организаціи допускаетъ проявленіе иниціативы ея членовъ. Рѣзко отвергая принципъ централизаціи, мы выдвигаемъ вмѣсто него принципы автономіи, федерализма и демократизма, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль — развитіе самодѣятельности рабочаго класса. Только они дѣлаютъ возможнымъ пріобрѣтеніе навыка и увѣренности въ веденіи рабочаго дѣла собственными силами; только они создаютъ почву для проявленія энергіи и закаляютъ духъ борцовъ; только организація, признающая эти принципы, воспитываетъ революціонеровъ, а не рабовъ, не пѣшекъ, послушныхъ голосу „верховъ"; только такая организація имѣетъ будущность, только она можетъ сыграть крупнѣйшую роль въ дѣлѣ экономическаго освобожденія народа.

3. Стоя на точкѣ зрѣнія соціально-революціонной школы научнаго соціализма, по которому идеологическіе мотивы, развитіе которыхъ связано съ психологическимъ, а посредственно, значитъ и со всѣмъ соціальнымъ развитіемъ всего человѣчества, такъ же реальны, какъ и мотивы экономическіе,—

мы тѣмъ самымъ признаемъ необходимость и важность объединенія революціонно соціалистической интеллигенціи въ организацію, въ основу которой долженъ быть положенъ тотъ же принципъ соціально политической однородности.

4. Взаимоотношеніе этихъ двухъ частей — классовой и внѣклассовой — единаго максималистическаго организма, мы выводимъ изъ слѣдующихъ нашихъ взглядовъ. Мы не считаемъ интеллигенцію классомъ ни въ экономическомъ, ни въ соціологическомъ смыслѣ. И слѣдовательно не существуетъ классоваго стремленія ея захватить власть въ свои руки и поработить вновь трудовой людъ. Существуетъ столько классовъ, сколько интеллигенцій. Рабочій классъ имѣетъ свою интеллигенцію, отдѣльные представители которой отрываются отъ нея и уходятъ въ „станъ ликующихъ". Изъ среды этихъ послѣднихъ отдѣльныя личности также уходятъ въ станъ будущихъ побѣдителей, куда приносятъ всѣ свои силы, всѣ свои знанія. И въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не разсчетъ, не классовый интересъ, а „понятіе соціальнаго развитія, состоящаго въ приближеніи къ идеалу свободнаго и разумнаго общежитія, гарантирующаго общее благосостояніе, свободу и гармоническое развитіе личности". И если революціонно-соціалистическая интеллигенція проявляетъ очень много отрицательныхъ сторонъ, вредно отражающихся на рабочемъ движеніи, то причина не въ интеллигенціи, какъ таковой, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя ихъ порождаютъ. Причина въ отсутствіи въ настоящее время тѣхъ идеальныхъ формъ рабочей организаціи, которыя дѣлали бы излишнимъ выборы всякаго рода исполнительныхъ органовъ, представительство въ рабочія учрежденія, передовѣряющія часть рабочей власти, часть функцій въ *другія руки.* Пока будутъ эти условія, а онѣ всегда будутъ, совершенно безразлично, кто завѣдуетъ дѣлами рабочихъ организацій — рабочая ли интеллигенція или революціонно-соціалистическая, ибо отрицательныя стороны этой формы рабочевластія одинаково проявятся. Смягчить ихъ возможно лишь путемъ разныхъ коррективовъ, нѣкоторымъ образомъ парализующихъ дефекты представительства — путемъ автономіи, федерализма и демократизма. Для тѣхъ же, кто корень зла видитъ въ интеллигенціи, какъ таковой, — возможенъ лишь одинъ выходъ: полный разрывъ съ ней, полная изоляція отъ нея рабочаго класса.

Въ противномъ случаѣ всѣ рецепты, сводящіе роль интеллигенціи къ роли исполнительной, обслуживающей чужіе интересы—одно доброе пожеланіе. Какъ ни ограничивать ихъ вліяніе, все же оно проявится и *фактически* будетъ господствующимъ. Ибо дѣло не въ томъ, имѣетъ ли тотъ или иной интеллигентъ тѣ же права, что и членъ рабочей организаціи, а въ томъ, поскольку рабочая масса прислушивается къ этому голосу и считается съ нимъ. И если личность — будь то интеллигентъ-пролетарій или интеллигентъ-внѣклассовый — настолько высоко одарена, настолько способна, что пользуется обаяніемъ на окружающихъ, и можетъ ихъ увлекать своимъ словомъ и дѣломъ, то не имѣютъ никакого значенія всякаго рода ограниченія *формальнаго* характера. Личность же посредственная вліянія имѣть не будетъ и всякаго рода рогатки тѣмъ паче не нужны. Вотъ почему для насъ совершенно безразлично, какъ рѣшить этотъ вопросъ, въ полномъ ли согласіи со взглядами такъ называемаго революціоннаго синдикализма или соціально-революціонной школы научнаго соціализма. Пусть всякая заводская организація рѣшаетъ его согласно своимъ взглядамъ на интеллигенцію. Этотъ пунктъ не можетъ и не долженъ вносить расколъ въ построенныя по нашему плану организаціи.

Каково бы ни было рѣшеніе этого вопроса, но ясно, что участіе однихъ въ организаціяхъ другихъ должно вызываться какой-либо необходимостью, то есть участіе допустимо лишь *для вполнѣ опредѣленной работы*. Ибо, въ противномъ случаѣ, при рѣшеніи вопроса въ смыслѣ *слиянія* обѣихъ мѣстныхъ группъ, она считается уже не *классово-экономической*, — а какъ таковая непригодной для экономическаго переворота современнаго общества. Вѣдь весь смыслъ отдѣльнаго существованія мѣстныхъ организацій и заключается въ необходимости переворотныхъ ячеекъ, каковыми являются чисто рабочія заводскія организаціи.

5. Переворотныя организаціи деревни устраиваются на основаніи тѣхъ же принциповъ. Ячейкой переворота служитъ *братство* трудовыхъ крестьянъ (среднее крестьянство и пролетаризированное). Помимо этой организаціи могутъ существовать, какъ и въ городѣ, внѣ-классовыя группы.

6. Существованіе организацій, ставящихъ своей цѣлью *соціальную революцію*, примѣняющихъ революціонные мето-

ды борьбы вплоть до вооруженнаго возстанія въ условіяхъ буржуазно-полицейскаго режима, нѣкоторымъ образомъ осложняется. Ни буржуазная демократія, ни самодержавная бюрократія не могутъ допустить подобныхъ методовъ. И если рабочій классъ, не считаясь съ существующими правовыми нормами, будетъ подготовлять часъ „экспропріаціи", то, какъ тѣ, такъ и другіе, поспѣшатъ ему напомнить объ этомъ репрессіями и грубой полицейской силой, поспѣшатъ превратить рабочія организаціи въ груду развалинъ. Рабочіи классъ, сознающій, что лишь революція путь къ освобожденію, не можетъ не принять вызова, не можетъ на удары сверху, не отвѣчать ударами снизу. И соотвѣтственно этой новой задачѣ въ этихъ условіяхъ измѣняется и форма организаціи, — она становится нелегальной и должна включить въ свои методы борьбы методъ террористическій. Но въ такомъ случаѣ, въ силу конспиративныхъ условій, приходится также ограничивать доступъ въ организаціи и признать еще одинъ принципъ при подборѣ членовъ — принципъ качества, а не количества.

Всѣ эти принципы (за исключеніемъ одного—выдѣленія революціонно-соціалистической интеллигенціи въ отдѣльную организацію) въ ихъ общихъ чертахъ были намѣчены разными практиками и писателями — максималистами и послужили темой горячихъ дебатовъ на первой конференціи соц.-рев.-мак-въ въ октябрѣ 1906 года. Рѣзко критикуя партійную и профессіональную организацію рабочаго класса, всѣ члены конференціи признавали въ то же время необходимость самостоятельной организаціи максималистовъ на принципѣ *лишь соціально - политической однородности,* не предрѣшая этимъ вопроса о массовой организаціи рабочаго класса, необходимость которой признавалась *всѣми.* Считая вопросъ этотъ недостаточно выясненнымъ въ литературѣ максималистовъ, среди которыхъ были и революціонные синдикалисты, и анти-синдикалисты, первая конференція оставила вопросъ о массовой организаціи рабочаго класса, открытымъ*) требующимъ самой широкой дискуссіи.

---

*) См. резолюцію конференціи въ брошюрѣ: „Сущность максимализма" изд. Максимова.

Автономія и демократизмъ — таковы были послѣдніе организаціонные принципы, установленные первой конференціей с-р. м-овъ въ 1906 году*). Но сказать лишь это, значитъ сказать не все, ибо остается еще открытымъ вопросъ о принципахъ, на основѣ которыхъ должна создаваться *мѣстная* организація—ячейка обще-максималистическаго организма.

Въ организаціонномъ уставѣ, выработанномъ этой конференціей есть пунктъ, по которому всѣ дѣла организаціи рѣшаются *общимъ собраніемъ ея членовъ*. Этимъ самымъ былъ признанъ принципъ неотчуждаемости правъ личности, т. е. этимъ самымъ конференція высказалась противъ выборовъ во всякаго рода рабочія учрежденія—комитеты, рабочіе совѣты, рабочіе центры и т. д. Этотъ принципъ есть принципъ демократизма въ чистомъ его видѣ, принципъ истиннаго народовластія, который мы должны примѣнять при построеніи революціонно-соціалистической организаціи и въ современныхъ условіяхъ, и при построеніи будущаго общества

Основнымъ условіемъ существованія будущаго общества является автономія личности, поскольку она не посягаетъ на автономію другихъ личностей, ихъ группъ и общества въ цѣломъ. Рѣшеніе вопроса о томъ, посягаетъ ли или нѣтъ та или иная личность на другую, на группу личностей и на общество, вопроса касающагося двухъ заинтересованныхъ сторонъ, должно быть предоставлено этимъ двумъ сторонамъ. Это основной принципъ не только соціалистической справедливости, но и „справедливости" современнаго буржуазно-капиталистическаго общества. Это кромѣ того необходимое условіе сохраненія равновѣсія между принципомъ демократизма (народовластія) и принципомъ автономіи личности, живушей не внѣ общества, не для себя лишь, а въ немъ и для него. Личность въ обществѣ, общество въ личности—таковъ принципъ будущаго нашего соціалистическаго строя. Но мы должны твердо помнить его при построеніи нашей максималистской организаціи въ современныхъ буржуазно-полицейскихъ условіяхъ, организаціи нелегальной и конспиративной.

*) Тамъ же. Организац. уставъ.

Мѣстная организація автономна и федеративно связана съ другими мѣстными организаціями, каждая изъ которыхъ выдѣляетъ изъ своей среды, по принципу вольнаго подбора, всѣ необходимые для успѣшности работы органы—агитаторскіе, пропагандистскіе, литературные, боевые—террористическіе, техническіе и другіе. Должны ли эти органы быть автономны, федерироваться лишь съ другими, имъ подобными, для координаціи своихъ дѣйствій, и не быть отвѣтственными даже передъ организаціями, ихъ выдѣлившими, или они являются частью *всей объединенной организаціи*, а слѣдовательно передъ ней отвѣтственной, отъ нея получающей санкціи на то или другое и *внутренне* самостоятельные лишь въ исполненіи того или другого.

Защитники перваго типа организаціи, будучи послѣдовательными, должны выступить защитниками и автономіи не только *спеціальныхъ* группъ, состоящихъ изъ 2—3 человѣкъ, но и автономіи „группъ—единицъ", о существованіи которыхъ практика даетъ намъ свѣдѣнія. Но это автономія грубо понятая, вульгаризированная, крѣпко пахнущая демагогіей. Защитники этого типа организаціи полагаютъ, что онъ развиваетъ самодѣятельность рабочихъ. Но, вникнувъ глубже въ такую постройку, мы видимъ, что самодѣятельность развивается не рабочихъ, а исключительно опредѣленныхъ группъ, исполняющихъ тѣ или другія функціи. Масса же организаціи остается оторванной отъ этихъ „спеціалистовъ" и предоставляется своимъ собственнымъ силамъ. Выравъ изъ ея рядовъ самое лучшее, цвѣтъ организаціи, эти защитники оставляютъ остальныхъ безъ тѣхъ, кто своимъ словомъ и дѣломъ могъ бы выработать изъ нихъ соціалистовъ и революціонеровъ. Такая оторванность способствуетъ появленію особой кастовой психологіи среди тѣхъ, кто *по своему лишь желанію, пониманію и разсчетамъ* дѣлаетъ то, что необходимо для всего рабочаго класса. Благодаря такой самостоятельности создается аристократія, съ своей лишь точки зрѣнія, могущей не совпасть съ точкой зрѣнія всей организаціи и, особенно, всего рабочаго класса, вершающая судьбы рабочихъ. Этотъ типъ организаціи приводитъ къ полному попранію принципа демократизма, къ организаціонному подчиненію всѣхъ (цѣлаго) *группъ* (части) и даже одной личности. Группа, личность,

дѣйствуя для рабочихъ, должны не только сообразоваться съ ихъ мнѣніемъ, но и получить отъ нихъ санкцію на то или иное дѣйствіе. При соціалистическомъ обществѣ полученіе такой санкціи легко. При полицейскомъ режимѣ невозможно.

Не надо, въ такомъ случаѣ, совсѣмъ никакой санкціи! заключаютъ „ярые“ автономисты.

Нѣтъ, заявляемъ мы! изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее. Если нельзя аппелировать ко всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, къ части. Но слѣдуетъ ли изъ отрицанія подобной автономіи признаніе возможности демократическаго принципа въ современныхъ условіяхъ? Признавъ принципъ строгаго качества при созданіи максималистскихъ организацій, создали ли мы тѣмъ самымъ условіе для возможности примѣненія этой аппеляціи и при самодержавно-буржуазномъ строѣ? Нѣтъ, обязаны мы отвѣтить, этотъ принципъ не можетъ гарантировать организацію отъ вражескихъ нападеній при ея количественномъ ростѣ, который можетъ быть огроменъ. И тогда и съ конспиративной, и съ практической сторонъ невозможно примѣненіе принципа демократизма въ его чистомъ видѣ. Что возможно для малой количественно организаціи, то практически недоступно для количественно большой и все растущей, впитывающей въ себя всѣ живые соки рабочаго класса.

Каковъ же выходъ?

Возможны два исхода: 1) расчлененіе организаціи на части и 2) примѣненіе принципа представительства. Въ первомъ случаѣ при расчлененіи ея на части и федерированіи частей путемъ созданія обще-федеративнаго учрежденія, возможно то, что было нами уже отвергнуто: расчлененіе произойдетъ по *симпатіямъ* и по „*спеціальностямъ*“, а аморфная масса, разбившись на части, представитъ собой не живой, инертные, не иниціативный, не энергичный организмъ, лишенный лучшихъ своихъ членовъ, отдѣлившихся въ особыя боевыя, пропагаторскія, техническія группы. Не только возможно созданіе кастовой психологіи и подчиненіе всего организма части (боевикамъ напр.), но и полное замертвеніе мало энергичной „массы“. Въ этомъ опасность, громадная опасность для проявленія самодѣятельности и иниціативы организаціи, какъ цѣлаго.

Если же предположить, что такого дробленія организаціи по симпатіямъ и спеціальностямъ не произойдетъ, что всѣ части будутъ *дѣятельны*, кто въ большей, кто въ меньшей степени, то обще-федеративное учрежденіе составится изъ лицъ наиболѣе энергичныхъ, *выбранныхъ* частями. А такое учрежденіе абсолютно ничѣмъ не отличается отъ выбраннаго *всей* организаціей *исполнительнаго* органа, не имѣющаго права *руководства*, а подчиненнаго волѣ всѣхъ. Онъ имѣетъ то преимущество предъ первымъ, что *всѣ* члены, *выбраны всѣми* членами организаціи.

Такимъ образомъ, организація, кромѣ спеціальныхъ группъ, выдѣляющихся и подбирающихся по симпатіямъ, автономныхъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, имѣетъ еще исполнительный, органъ, подчиненный всей организаціи. И каждая автономная группа мѣстной ячейки, заводской организаціи, получаетъ черезъ этотъ органъ санкцію всей организаціи для какого бы то ни было обще-рабочаго дѣла.

Для удобства референдума организація разбивается на части, хотя бы соотвѣтственно количеству членовъ исполнительнаго органа. И террористическія, и экспропріаторскія выступленія, и редактированіе мѣстныхъ прокламацій, листковъ, устройство стачекъ и т. д. зависитъ отъ всей организаціи и ея воля—законъ. Когда воля эта высказана, когда санкція получена, автономная группа приводитъ это въ жизнь сообразно плану, ею самою выработанному.

Противъ этого типа организаціи, въ исполнительные органы которой войдетъ все наиболѣе сознательное, боевое и инициативное, можно привести одинъ очень вѣскій аргументъ. Именно исполнительные органы могутъ сдѣлаться тѣмъ центромъ, который будетъ безсознательно проводить не принципы демократизма, народовластія, а принципъ централизма. Этотъ централизмъ можетъ привести къ естественой диктатурѣ личности или группы личностей съ одной стороны, а слѣдовательно къ безсознательному раболѣпію съ другой. Бороться съ послѣднимъ зломъ *возможно* путемъ повышенія умственнаго и духовнаго уровня всѣхъ членовъ организаціи.

Бороться со вторымъ невозможно.

Противъ вліянія силы и мощи личности нѣтъ лѣкарствъ. И это нужно запомнить, чтобы не впасть въ разочарованіе, когда жизнь столкнетъ отдѣльныхъ личностей или ихъ группъ

съ этимъ явленіемъ, которое съ ростомъ организаціи *неизбѣжно*, какъ неизбѣжно столкновеніе внутри самой организаціи. Этимъ положеніемъ мы подходимъ къ другому важному принципіальному вопросу, разрѣшеніе котораго необходимо въ интересахъ крѣпости организаціи переворота — къ вопросу о правѣ большинства, вопросу объ организаціонной дисциплинѣ, вопросу о подчиненіи меньшинства постановленіямъ большинства. Жизнь партій показала намъ, что принципы подчиненія приводятъ или къ полному подавленію инициативы, самодѣятельности этого меньшинства, къ невозможности свободно высказать свои мысли и взгляды, или къ расколу партій, подрывающему силу организованнаго революціоннаго соціализма и натискъ его на твердыни современнаго строя.

Принципу подчиненія, насилія не должно быть мѣста въ соціалистическихъ организаціяхъ, какъ не должно быть мѣста и непрерывнымъ расколамъ, приносящимъ вредъ дѣлу трудового народа. И то, и другое должно и можно избѣгнуть признаніемъ права на существованіе за всѣми возможными теченіями революціонно-соціалистической мысли въ максималистической организаціи, признающей *ближайшей* своей цѣлью полное уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и установленіе планомѣрной организаціи труда и всего производства путемъ революціонно насильственныхъ методовъ борьбы. Организація трудовой республики, какъ ближайшая цѣль, революціонная тактика, ведущая къ вооруженному возстанію трудового народа, какъ средство—вотъ то, что обще-обязательно для всѣхъ безъ исключенія членовъ максималистической федеративной организаціи. Во всемъ же остальномъ, каждое уклоненіе отъ обще-признаннаго имѣетъ равное съ другими право на существованіе и право на проявленіе его въ дѣйствіи, не откалываясь отъ максималистической организаціи, но координируя свои дѣйствія съ дѣйствіями другихъ *мѣстныхъ* организацій с.-р. максималистовъ.

Наши организаціонные взгляды были бы неполны, если бы мы не попытались дать отвѣтъ на вопросъ о принципахъ террористической организаціи, ставящей своей цѣлью центральный терроръ, не исключающій и терроръ на центръ-центровъ.

Боевая организація п. с-р. была крайне централистической вплоть до полнаго подчиненія всѣхъ членовъ организаціи одному, „сверху" назначенному, вплоть до исключенія изъ партіи за ослушаніе. Члены б. орг. не имѣли права обсуждать планъ террористич. нападенія, который преподносился имъ готовый и выполнять который они были обязаны безпрекословно. Централизмъ террористической борьбы имѣетъ неоцѣнимыя положительныя стороны: сосредоточеніе всѣхъ крупныхъ силъ террора — организаторовъ, техниковъ, исполнителей, — воедино, что болѣе гарантируетъ успѣхъ дѣла; полученіе средствъ и связей для крупнаго террора скорѣе обезпечено при такой централизаціи; а это подчасъ имѣетъ существенное, если не главное, значеніе для успѣха акта. Но этотъ же централизмъ имѣетъ много отрицательныхъ сторонъ. Онъ рождаетъ недовольство „верхами", слѣдовательно, оппозицію и расколъ; онъ не можетъ использовать всѣхъ боевыхъ силъ, гибнущихъ на ничтожныхъ по послѣдствіямъ дѣлахъ; онъ лишенъ выгоды коллективной боевой мысли предъ единичной; онъ болѣе консервативенъ въ выборѣ средствъ террористической борьбы; онъ опасенъ, наконецъ, своей центральной провокаціей.

Все это и создало ту оппозицію противъ боевого централизма, которая перегнула палку въ противоположную сторону, признавъ исключительно принципъ децентрализаціи боевого дѣла, принципъ автономіи террористическихъ группъ. Автономные отряды, свободно появляясь въ разныхъ мѣстахъ, правда, устраняютъ недовольство, а слѣдовательно и опасность расколовъ, используютъ всѣ силы и застрахованы отъ центральной провокаціи. Но онъ чреватъ другими отрицательными сторонами, сводящими на нѣтъ всѣ его выгоды. Если совершенно откинуть въ сторону анархическій методъ террора снизу, терроръ мелкій (убійства городовыхъ, шпіоновъ, провокаторовъ, приставовъ), но принципіально анархистами признаваемый, а съ нашей точки зрѣнія не покрывающій своимъ положительнымъ значеніемъ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыхъ онъ требуетъ; если говорить исключительно о террорѣ центральномъ, то могутъ ли всякія автономныя боевыя организаціи совершать его? Терроръ центральный требуетъ талантливыхъ *организаторовъ, большія средства и большія связи.* Гершуни,

„Карлы“, „Медвѣди“, которые для таковыхъ дѣлъ требуются— рѣдкія цѣнности въ террористической семьѣ. Безъ нихъ терроръ въ „центръ-центровъ“ немыслимъ, и, слѣдовательно, всѣ боевыя автономныя организаціи, лишенныя такихъ террористовъ—творцовъ, а громадное большинство ихъ будетъ лишено, осуждены на безплодіе, на напрасную трату силъ при ихъ попыткахъ организаціи крупнаго дѣла, при попыткахъ экспропріаціи денегъ *для* крупнаго дѣла и т. д. Изъ всѣхъ — быть можетъ *одна,* впитавъ въ себя все цѣнное, боевое, мощное и вліятельное, добьется успѣха... Всѣ же остальные невольные неудачники, озлоблненые провалами, находящіеся въ атмосферѣ недовольства собой и всѣми, съ психологіей и чувствомъ террориста должны будутъ пойти и, какъ показали факты, пойдутъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Это гибель для децентрализованнаго террора. Вотъ почему необходимъ органъ направляющій эти силы, использующій ихъ, помогающій имъ и дѣлающій для нихъ возможнымъ произвести то, что невозможно безъ такого центральнаго органа.

Мы видимъ выходъ изъ этого какъ будто заколдованнаго круга въ созданіи такой организаціи, которая бы синтезировала положительныя стороны и централистической и децентралистической боевыхъ организацій. Мы говоримъ о демократической организаціи, сохраняющей крѣпкій центръ. Распадаясь на отдѣльныя составныя части автономныя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, онѣ всѣ объединяются однимъ исполнительнымъ органомъ. Всѣ отрицательныя стороны централизаціи, *за исключеніемъ послѣдняго, возможности провокаціи,* парализуются, всѣ отриц. стороны децентралистической организаціи также парализуются, сохраняя всѣ положит. стороны и той, и другой. Но какъ же быть съ возможностью провокаціи? Провокація центральная — это лишь возможность, но не *неизбѣжность,* такая же возможность, какъ и провокація „автономная“. Слѣдуетъ твердо помнить, что та автономная организація, которая окажется на высотѣ положенія и которая окажется опасной царизму, будетъ также осаждаема провокаторами; которые будутъ пытаться проникнуть въ нее, какъ и въ организацію, состоящую изъ всѣхъ автономныхъ группъ. Спастись отъ нихъ возможно не предоставленіемъ самостоятельности существованію каждой, а строгимъ проведеніемъ

въ жизнь *качественнаго принципа* при подборѣ членовъ въ террористическія организаціи.

Предлагаемый планъ созданія террористической организаціи, преслѣдующей цѣли центральнаго террора, не придуманъ нами въ тиши кабинета, а выдвинутъ самой жизнью. И имѣющій уши, да слышитъ, имѣющій глаза, да видитъ.

„Народная Воля“ смогла довести свой терроръ до той высоты, которой онъ достигъ въ 1881 году потому, что была сильно централизована. Но эта же партія породила Дегаевщину.

Партія с-р. практиковала могучій центральный терроръ, но породила Азевщину.

Партія с-р. выдвинула автономный сѣверный отрядъ, способный на самыя трудныя террористическія дѣла.

Соц.-рев.-максималисты выдвинули демократическую боевую организацію съ исполнительнымъ К. во главѣ, пользовавшимся не меньшими правами, чѣмъ Ц. К. п. с-р. по отношенію къ партійнымъ боевымъ организаціямъ и летучкамъ.

Соц.-рев.-м-ты выдвинули автономныя организаціи послѣ „Медвѣдевскаго“ періода, съ многими крупными исполнительными силами террора, даже со средствами.Но ничѣмъ себя онѣ не проявили изъ за отсутствія организаторскихъ крупныхъ силъ.

Соц.-рев. м. выдвинули автономную дружину Петербургской организаціи со многими прямо мощными и честными силами, но проявившими себя *исключительно* въ цѣломъ рядѣ *мелкихъ* выступленій изъ-за отсутствія организаторовъ— творцовъ и средствъ.

Въ этомъ рядѣ организацій мы находимъ три ихъ типа— централистическій, децентралистическій и, я бы назвалъ типъ „Медвѣдевской“ организаціи, „демократически-централистическій“. Какой изъ этихъ трехъ типовъ наилучшій въ смыслѣ охраненія себя отъ возможной провокаціи? Практика высказывается какъ будто за второй. Такъ и поступаютъ противники с-р. централизма, кивая на Сѣверную летучку. Но они забываютъ, что способность ея на какія угодно славныя, крупныя и чуть ли *для насъ* фантастическія предпріятія явились слѣдствіемъ того, что въ эту летучку вошли всѣ самыя лучшія, самыя свѣтлыя силы террора, что

здѣсь были не только исполнители, но и прямо геніальные организаторы („Карлъ“, Лебединцевъ), и необходимыя средства. Но здѣсь не могло быть провокаціи! воскликнетъ какой либо лѣвый с-р. Да, при такомъ составѣ не могло быть. Но гдѣ гарантія, что не будь въ Ц. К. Азева, правительство не ввело бы Азева въ Сѣв. Летучку. Оно, безспорно сдѣлало бы это, если бы была необходимость.

Опытъ максималисткой практики послѣ казни „Медвѣдя“ правительствомъ показываетъ, что даже тѣ боевыя организаціи, которыя не были опасны Столыпину и К° также не были застрахованы отъ провокаціи.

Опытъ этой же практики показываетъ, что Б. О. м-овъ *смогла* себя застраховать отъ центральной провокаціи, несмотря на то, что Герасимсзъ, Трусевичъ и К° пытались въ нее проникнуть. Но за то былъ провокаторъ внѣ центра.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что не тотъ или иной типъ боевой организаціи можетъ ее застраховать отъ провокаціи, а лишь принципъ качества, который необходимо примѣнять самымъ строгимъ образомъ при пріемѣ членовъ. Въ смыслѣ же боевой работоспособности, необходимо, какъ указываетъ опытъ, остановиться на томъ ея типѣ, который названъ мною демократически—централистическимъ.

ГЛАВАVIII.

Первый мой арестъ произошелъ въ началѣ 1902 года по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному студенческому „сообществу“, поставившему себѣ цѣлью „борьбу съ реформой новаго министра нар. просвѣщенія ген. Ванновскаго“. Я жилъ въ Харьковѣ, ожидая обратнаго пріема въ инстиутъ, откуда былъ уволенъ „либеральнымъ“ и „дипломатичнымъ“ директоромъ Д. Зерновымъ, старавшимся поступать такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. И всегда онъ, „скрѣпя сердце“, приносилъ овецъ въ жертву волкамъ, чтобы удержаться на своемъ посту.

Я не слыхалъ звонка, не слыхалъ, какъ открылась дверь и появилась полиція. Съ трудомъ я былъ разбуженъ приставомъ. Я открылъ глаза и съ удивленіемъ и любопытствомъ

осматривалъ непрошенныхъ гостей. Мнѣ заявили, что по приказу Жандармскаго Управленія они должны произвести у меня обыскъ.

— Ну, чтожъ, отвѣтилъ я, одѣваясь.

Обыскъ не далъ никакихъ „осязательныхъ“ результатовъ. Все же я былъ отправленъ въ тюрьму „впредь до выясненія причинъ ареста“.

Въ первый разъ я знакомился съ русской тюрьмой. О! Что за отвратительное впечатлѣніе она произвела на меня! Я читалъ ужасные разсказы о тюрьмахъ, ихъ режимѣ, обстановкѣ, обращеніи начальства съ политическими арестованными, но, когда пришлось на себѣ испытать всю „прелесть“ тюремной жизни, оказалось гораздо хуже, чѣмъ я себѣ представлялъ. Особенно тяжело было первое ночное впечатлѣніе. Громадная камера еле освѣщалась. Ужасная вонь отъ параши и отъ сосѣдняго съ камерой „ретирада“ такъ „била въ носъ“, что у меня закружилась голова, какъ только я переступилъ порогъ камеры. На привинченныхъ къ стѣнамъ кроватяхъ сидѣли, не раздѣваясь, арестованные, боясь нашествія клоповъ, кровью которыхъ были испачканы всѣ стѣны. Противоположной стѣны не видно было — она терялась во мракѣ тюремной камеры, наводившемъ на грустныя рззмышленія.

Переступивъ порогъ, я замѣтилъ цѣлую кучу людей съ блестящими пуговицами — то были студенты, арестованные тою же ночью. Никого изъ нихъ я не зналъ, а между тѣмъ всѣ обвинялись „въ составленіи сообщества“. До утра обсуждали мы вопросъ, какъ добиться... лучшей камеры. Остановились на посылкѣ депутаціи. Въ 1902 г. „политика“ была на особомъ положеніи — положеніи привиллегированныхъ и съ ними „церемонились‘‘. А къ студентамъ было самое ,,благосклонное, отношеніе. И когда наша депутація заявила о желаніи пересе, литься въ новую камеру, начальникъ тюрьмы тутъ же приказалъ ее приготовить.

Не зная, сколько продлится мое заключеніе, я рѣшилъ не терять времени напрасно и начать заниматься. Но черезъ нѣсколько дней вслѣдствіе слуховъ и толковъ объ арестахъ, возбуждавшихъ студенчество, насъ отправили въ уѣздную тюрьму въ сопровожденіи исправника — барона. Этотъ остроумный мужъ телеграфировалъ на станцію, откуда намъ приходилось ѣхать на лошадяхъ, чтобы къ приходу поѣзда былъ усиленный

нарядъ полиціи, не упомянувъ о причинѣ такого распоряженія. Мѣстная власть вообразила, что ѣдетъ ,,важная персона". И когда подошелъ поѣздъ, на перронѣ, вытянувшись въ струнку, въ блестѣвшихъ сапогахъ, новыхъ мундирахъ, въ рядъ выстроились городовые, помощники приставовъ и ,,самъ" приставъ. Обыватели, замѣтивъ ,,праздничный" видъ полицейскихъ, спѣшившихъ на вокзалъ, двинулись за ними. Образовалась громадная толпа. Скоро прибыли два поѣзда со многими пассажирами. Увидя ,,блестящую" полицію, они смѣшались съ толпой, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ буфету. Изъ мастерскихъ высыпали рабочіе въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ...

Они дождались... Подошелъ и нашъ поѣздъ. Вагонъ, въ которомъ мы находились, отцѣпили и отправили на запасной путь. Любопытство еще больше разгорѣлось у обывателей и рабочихъ.

— Студенты!.. Арестованные студенты!.. шумѣла толпа.

Городовые „наводили порядокъ", но отъ этого получался лишь безпорядокъ, и любопытные шмыгали мимо оконъ вагона.

Рабочіе привѣтствовали наше прибытіе криками: „да здравствуютъ студенты!.."

Долго мы стояли на запасномъ пути. Ушли поѣзда, разогнали публику, кое кому достались и затрещины и... насъ подвезли къ буфету перваго класса. Здѣсь былъ накрытъ столъ на шестнадцать человѣкъ. Мы усѣлись обѣдать; намъ подали по рюмкѣ водки, прекрасный малороссійскій борщъ, битки въ сметанѣ, чай... „Закусивъ" папиросой на казенный счетъ, мы начали готовиться въ 45-и верстный путь.

Къ крыльцу подкатили земскія тройки съ бубенцами, запряженныя въ рессорные экипажи. По двое усѣлись мы внутрь, на козлахъ ямщики и городовые; лошади быстро помчались подъ гиканье ямщиковъ, боявшихся отстать отъ исправника, который несся впереди всѣхъ. Два раза перекладывали лошадей и два раза исправникъ угощалъ насъ пивомъ, заботясь, повидимому, чтобы у насъ не пересохло въ глоткѣ.

Къ вечеру мы пріѣхали въ тюрьму изъ свѣтлыхъ и чистыхъ одиночекъ. Но въ это время студенты даже въ тюрьмахъ пользовались льготами, и мы свободно ходили изъ камеры въ камеру, получали обѣдъ изъ гостинницы за приплату въ десять коп., вставали и ложились, когда хотѣли и т. д. На-

чальникъ тюрьмы часто приходилъ къ кому либо изъ насъ и просиживалъ по часу, по два, ведя съ нами разговоры на всякія нереволюціонныя темы...

Приходилъ и жандармскій ротмистръ... съ собакой Во время допроса училъ, какъ давать показанія, чтобы харьковская жандармерія не могла создать никакого дѣла. И дѣйствительно черезъ мѣсяцъ всѣ были освобождены.

Наступила оттепель. Грязь быля невылазная. Въ каждый экипажъ необходимо было запречь по пяти лошедей, чтобы не остаться посреди дороги. На имѣвшіяся у меня деньги можно было нанять десять, не только пять, но начальнику тюрьмы жаль было моихъ денегъ и онъ пошелъ со мною торговаться. Побывали на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ, у всѣхъ обывателей, но ничего не помогало — запрашивали немилосердно.

— Знаете что? обратился онъ ко мнѣ. Идемъ къ исправнику и скажемъ, что у васъ нѣтъ денегъ для проѣзда. Можетъ быть онъ васъ на земскихъ отправитъ.

Пошли. Выслушавъ начальника тюрьмы, онъ разъяснилъ мнѣ, что по закону нельзя отправлять освобожденныхъ ни на земскій, ни на казенный счетъ. Но... „законъ можно обойти на сей разъ. Идите въ тюрьму и напишите донесеніе, что освобожденный изъ тюрьмы Н. не желаетъ выѣзжать на мѣсто назначеннаго ему жительства. Тогда я распоряжусь отправить васъ. Но придется ѣхать съ урядникомъ. Мнѣ надо получить на станціи багажъ. Какъ разъ кстати... Вы ничего не имѣете противъ урядника?“

— Ничего, отвѣтилъ я. Не въ тюрьму везутъ, а изъ тюрьмы...

Черезъ три часа къ тюреинымъ воротамъ подкатила тройка хорошихъ лошадей и менѣе чѣмъ въ пять часовъ по ужасно топкой дорогѣ добрались мы до станціи желѣзной дороги. Утромъ слѣдующаго дня я былъ въ пріемной директора института.

— Васъ я не могу принять!.. Этими словами встрѣтилъ меня Д. Зерновъ. Вы — обвиняетесь въ государственномъ преступленіи...

Не дождавшись окончаніи его словъ, я вышелъ и уѣхалъ на югъ подъ надзоръ полиціи.

ГЛАВА II.

Явившись въ городъ Е., я прежде всего зашелъ къ полиціймейстеру за своими документами. Узнавъ, что я поднадзорный, онъ раскричался:

— Опять неблагонадежный!.. Весь городъ мой испортите! Что вы здѣсь будете дѣлать? Заниматься уроками вамъ нельзя, на службу поступить нельзя... Ничего вамъ нельзя!..

— А умирать съ голоду можно?

Онъ удивленно на меня посмотрѣлъ.

— Умирать! Зачѣмъ умирать? Я думаю, что вы найдете здѣсь работу, забормоталъ онъ...

— А развѣ есть какая либо работа, которая не находится подъ запрещеніемъ?

Полиціймейстеръ „благосклонно“ улыбнулся.

— Вы студентъ? Вотъ кстати: я ѣду къ городскому архитектору. Быть можетъ, у него найдется чертежная работа. Поѣзжайте къ нему, или, если хотите, я васъ подвезу.

— Нѣтъ ужъ, не гоже намъ въ начальническихъ колясках разъѣзжать...

— Какъ хотите, обидчиво отвѣтилъ сатрапъ. Какъ хотите!.. Лошади готовы? гаркнулъ онъ вдругъ и выскочилъ изъ своего кабинета.

Цѣлый годъ я прожилъ въ этомъ городишкѣ и цѣлый годъ я занимался революціонной дѣятельностью. Былъ, правда, одинъ приставъ, который говорилъ: „съ тѣхъ поръ, какъ Н. сюда пріѣхалъ, и прокламаціи появляются, и кружки собираются. Не я буду, если я его не накрою.“

Но накрыть такъ и не удалось. Ни обыски, ни слѣжка ничего не дали, ибо и то, и другое было настолько еще первобытно, что мало-мальски опытному революціонеру легко было избѣгнуть провала. Нѣсколько разъ я даже уѣзжалъ изъ города, и никто этого не замѣчалъ. Въ первый разъ, желая создать с-р-кую группу, я отправился за помощью въ Кіевъ. Прямыхъ, непосредственныхъ связей у меня не было, приходилось добираться къ с-р. черезъ с-д. Но, — или послѣдніе не хотѣли меня сводить со своими „врагами“, или у нихъ не было связей, — не солоно хлебавши пришлось возвращаться обратно, пошатавшись нѣсколько дней по Кіеву, по Дарницѣ и даже по Нѣжину. Во время этого путешествія мнѣ впервые при-

шлось „сразиться“ со шпіонами. Дѣло происходило такимъ образомъ. Уѣзжая изъ Кіева, я просилъ одного товарища— студента проводить меня на вокзалъ; здѣсь я обратилъ вниманіе на троихъ подозрительныхъ субъектовъ.

— Не шпіоны ли? спрашиваю я товарища.

— Они самые... Я ихъ знаю и они меня тоже. Напрасно пошелъ васъ провожать. Теперь за вами навѣрно будетъ „хвостъ“...

Такъ оно и случилось. Такъ какъ мѣстъ въ вагонахъ третьяго класса не было, мнѣ пришлось перебраться въ служебный второго класса, прицѣпленный къ самому концу поѣзда. Здѣсь устроились и мои преслѣдователи.

Усѣвшись, я какъ будто задремалъ. Они тоже не подавали вида, что интересуются мной. Явился контроль. Они предъявили какія-то карточки.

— Это, повидимому, карточки охраннаго отдѣленія на проѣздъ во всѣхъ поѣздахъ и во всѣхъ классахъ, — рѣшилъ я и сталъ думать, какъ избѣгнуть ареста, или, въ лучшемъ случаѣ, какъ не дать себя прослѣдить.

Въ Фастовѣ я сошелъ въ буфетъ. Они тоже. Передъ третьимъ звонкомъ я сталъ на первую ступень послѣдней площадки послѣдняго вагона. Они прошли мимо и заняли такое же положеніе на предпослѣдней площадкѣ. Поѣздъ тронулся. Я взобрался выше. И они... Когда поѣздъ пошелъ довольно быстро, я спустился на послѣднюю ступень подножки, спрыгнулъ на насыпь и быстро сталъ между рельсъ позади поѣзда. Лишь черезъ сутки съ большими предосторожностями я отправился далѣе. И съ этихъ поръ меня перестали провожать на вокзалъ.

Вторично мнѣ пришлось оставить городъ недѣли на три. Я прибѣгъ къ слѣдующему средству. Въ день отъѣзда я переѣхалъ на новую квартиру къ знакомому, который взялся прикрыть мое отсутствіе, пока будетъ возможно, и телеграфировать, если оно будетъ замѣчено. Я ѣхалъ по дѣлу студенческаго съѣзда. Побывавъ въ Харьковѣ, Москвѣ, я направился въ Петербургъ, имѣя только одну явку, данную мнѣ Гр. Гершуни къ Ремянниковой и адресъ одной курсистки. Желая узнать мнѣніе с-р. относительно предпринятаго нами студенческаго дѣла — созданія обще-студенческаго безпартійнаго органа съ цѣлью сплоченія студенчества вокругъ него для поли-

тической и революціонной борьбы съ правительствомъ, — я обратился къ Л. Ремянниковой съ просьбой свести меня съ кѣмъ либо изъ петербургскихъ с-р-овъ. Она согласилась. Вечеромъ явился... Азевъ. Выслушавъ меня, онъ, повидимому изъ приличія, сказалъ нѣсколько словъ на тему, что примирить студентовъ с-д. и с-р. невозможно, попрощался и ушелъ. Я чувствовалъ себя скверно. Неужели, думалъ я, это дѣло настолько ничтожно, что не хотятъ объ этомъ и говорить... И кто? с-р... Вѣдь Гершуни, узнавъ о предпріятіи, нашелъ своевременнымъ и возможнымъ сплоченіе студенчества вокругъ органа, помогъ адресами и совѣтами. А этотъ?

Я обратился къ Ремянниковой съ этимъ же вопросомъ. Она, напротивъ, живо и сочувственно отнеслась къ этой мысли, подбодрила меня и пожелала всяческихъ успѣховъ. Я ушелъ спокойный, съ вѣрой въ правоту дѣла.

Черезъ курсистку, адресъ которой у меня имѣлся, я добрался до одного изъ членовъ Союзнаго Совѣта, передалъ ему программу съѣзда и адреса, получилъ деньги на дорогу и отправился въ Ригу, Юрьевъ и Варшаву. Въ первыхъ двухъ городахъ мое предложеніе встрѣтило живой откликъ. Въ послѣднемъ — полное равнодушіе. Удрученный тѣмъ, что польское студенчество не сочувствуетъ идеѣ обще-студенческой политической организаціи, я вернулся на вокзалъ. Сижу въ ожиданіи поѣзда. Поворачиваю голову къ дверямъ, вижу пару устремленныхъ на меня жандармскихъ глазъ.

— Чего это онъ? Кажется чисто ѣхалъ... И видъ у меня джентльменскій... А у самого кошки, что называется, на сердцѣ скребутъ — въ корзинкѣ, взятой мною для конспираціи, лежали... „Записки революціонера“ Кропоткина и „Кому принадлежитъ будущее“ П. Лаврова, услужливо предложенныя мнѣ въ Петербургѣ Е. Азевымъ.

Минутъ за пятнадцать до отхода поѣзда иду за билетомъ. Сталъ въ очередь, вижу, жандармъ просунулъ голову въ кассовое оконце и шепнулъ что-то кассиру.

— Ага! Навѣрно просилъ замѣтить, куда возьму билетъ.

Рѣшилъ ѣхать „зайцемъ“. Вслѣдъ за жандармомъ ушелъ и я отъ кассы. Взялъ вещи и полѣзъ въ вагонъ, но такъ, что пришлось лицомъ стать къ платформѣ.

Жандармъ не спускалъ съ меня глазъ.

— Это безъ сомнѣнія за мной. Какъ быть?

Всѣ вагоны были биткомъ набиты. Я оставилъ вещи въ одномъ, а самъ перебрался въ другой съ намѣреніемъ вылѣзть на пртивоположную сторону. Но что это? Неужели жандармъ угадалъ мои мысли? Онъ здѣсь, съ этой стороны поѣзда...

— Будь что будетъ, рѣшилъ я.

Поѣздъ тронулся. Впервые очутился въ числѣ безбилетныхъ пассажировъ. Приготовился къ объясненію съ кондукторомъ. Вдругъ слышу:

— У васъ билетъ есть?

— А что?

— Если нѣтъ, то мы васъ въ свою компанію возьмемъ. Мы всѣ безъ билетовъ. Съ кондукторомъ ѣдемъ.

Я согласился и проѣхалъ такимъ образомъ станцій пять. За это время успѣлъ осмотрѣть весь поѣздъ, но ничего подозрительнаго не замѣтилъ. Лишь тогда я взялъ билетъ прямого сообщенія домой.

Какъ только я явился, мнѣ сообщили, что городовой четыре раза приходилъ звать меня въ участокъ, и каждый разъ ему отвѣчали: завтра придетъ. Оказалось, что я попалъ въ участокъ къ приставу, который очень хотѣлъ меня „накрыть". Въ тотъ же день я переѣхалъ на старую квартиру, чтобы не явиться на зовъ пристава.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1903 года, на мою долю выпала поѣздка заграницу для напечатанія перваго номера студенческаго журнала („Студентъ"). Я успѣлъ уже отбыть приговоръ „по высочайшему повелѣнію" за храненіе гектографированной брошюры.По явкѣ,данной мнѣ кіевскими соц.-революціонерами, я отправился въ одинъ изъ пограничныхъ городовъ, гдѣ нашелъ лицъ, завѣдующихъ переправой черезъ австрійскую границу и три дня продержавшихъ меня въ „конспиративной" квартирѣ, очень сырой, грязной и темной, полной клоповъ...

Мы выѣхали вечеромъ на городскомъ извозчикѣ въ мѣстечко Х. къ мельнику. Ночь была до того темная, что меня за руки ввели въ комнату. Дворъ былъ такъ грязенъ, что нельзя было ступить, чтобы не набрать полныхъ ботинокъ. Шумъ воды, скрипъ колеса, бѣлыя фигуры работниковъ, движущихся въ темнотѣ ночи, таинственность, съ какой было обставлено прибытіе, тихій шопотъ контрабандистовъ, — все это волновало меня, впервые переправлявшагося черезъ границу, рисо-

вало въ моемъ воображенiи картины, однѣ страшнѣе другихъ, увлекало мои мысли въ царство фантазiй и въ тоже время манило своей таинственностью и опасностью. Черезъ нѣсколько часовъ я выѣхалъ уже съ контрабандистомъ, явившимся за мной изъ пограничной деревни.

Взошла луна. Мы были уже вблизи границы. Оставивъ меня въ полѣ, контрабандистъ пошелъ осматривать путь. Я лежалъ на днѣ повозки и при каждомъ шорохѣ, дуновенiи вѣтерка воображалъ, что идетъ стража меня арестовать: тихонько подымалъ голову и смотрѣлъ по сторонамъ.

Контрабандистъ появился такъ же тихо, какъ и ушелъ, сѣлъ въ повозку и погналъ лошадей. Мы вкатили прямо къ нему во дворъ. Меня онъ втолкнулъ въ какой то сарай на сѣно, шепнулъ, чтобы я не зажигалъ огня, а самъ вновь исчезъ. Вдругъ дверь скрипнула и кто то шепнулъ: раздѣвайте сапоги и брюки. Я опѣшилъ. Раздѣваться въ мартовскiя сырыя и холодныя ночи!.. Значитъ придется переходить черезъ рѣчку въ бродъ... Все же я инстинктивно повиновался приказанiю и раздѣлся. Минутъ пять я сидѣлъ раздѣтый, дрожа отъ холода, а потомъ вышелъ вслѣдъ за появившимся контрабандистомъ. Я не шелъ, а перепрыгивалъ съ ноги на ногу по садовой дорожкѣ, грязной и холодной. Мы приблизились къ рѣкѣ.

—Спускъ! сказали мнѣ изъ темноты.

Но было уже поздно. Поскользнувшись, я скатился внизъ прямо подъ ноги контрабандисту. Совершенно измазанный, я поднялся и попробовалъ ногой воду. Она была точно ледъ. Но онъ былъ уже тамъ и быстро пересѣкалъ рѣчку. Приходилось идти— точно иглы впились въ тѣло, когда я погрузился по поясъ въ воду; но это то и толкало меня все впередъ къ австрiйской границѣ. Достигнувъ противоположнаго берега, я пустился бѣжать вслѣдъ за контрабандистомъ въ крестьянскiй дворъ, гдѣ и сѣлъ на грязноватую еще землю, чтобы одѣть ботинки на грязныя и мокрыя еще ноги, а брюки на иззябшее тѣло и войти въ теплую избу. Согрѣвшись немного, я поѣхалъ на станцiю желѣзной дороги, гдѣ выпилъ одну за другой двѣ рюмки спирта, пообчистился немного и, чувствуя какъ по всему тѣлу разливается тепло, сѣлъ въ вагонъ.... Черезъ трое сутокъ добрался до Женевы. Въ этомъ городѣ эмигрантовъ я прожилъ мѣсяцъ, присматриваясь къ жизни общественно-ре-

волюціонной и личной вожаковъ партій, знакомясь съ вопросами, недоступными революціонеру въ Россіи, посѣщая собранія, рефераты и лекціи.

Обратный путь былъ также удаченъ: я перешелъ границу въ другомъ уже мѣстѣ съ чемоданомъ „Студента", распространилъ его въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Екатеринославѣ и вернулся обратно въ Женеву за остальными номерами. Захвативъ помимо этого еще с-р-скую литературу, я направился вторично къ границѣ. Уже въ Вѣнѣ, послѣ отправки части литературы багажемъ, я остался при одной коронѣ (40 к.), которую я хранилъ пуще ока для уплаты во Львовѣ носильщику, безъ котораго я не смогъ бы снести всѣхъ пачекъ, корзинъ и чемодана. Тридцать часовъ я ничего не ѣлъ. Въ горлѣ пересохло, губы потрескались. Видъ у меня былъ ,,анархистскій": длинные растрепанные волосы, старая помятая шляпа, грязная, ботинки нечищенные, костюмъ старенькій, поношенный, руки немытыя, глаза воспаленные. На одной изъ станцій вблизи Львова въ вагонъ вошелъ австрійскій жандармъ, который сразу обратилъ на меня вниманіе. Я только что проснулся, лицо было помято. Онъ сѣлъ противъ, внимательно меня осмотрѣлъ и спросилъ, кто я, откуда и куда ѣду. Вѣжливо я задалъ ему вопросъ: имѣетъ ли онъ право меня разспрашивать.

— Имѣю, отвѣтилъ онъ довольно нелюбезно. Я — жандармъ и спрашиваю васъ потому, что вы кажетесь мнѣ подозрительнымъ. Недавно я задержалъ здѣсь одного русскаго ,,анархиста". Можетъ быть и вы изъ той же компаніи?

Я хотѣлъ было отвѣтить ему ,,по русски". Но этому мѣшали тѣ пачки съ литературой, которыя лежали надъ моей головой. Что, если онъ спроситъ, чьи это пачки и что въ нихъ? Вѣдь арестуютъ... А если задержатъ для выясненія личности, то какъ мнѣ быть: взять ли пачки, или оставить здѣсь?

Ко всему этому вагонъ былъ довольно таки пустъ и не трудно было узнать, кому принадлежатъ всѣ вещи. И я рѣшилъ побѣдить его ,,именемъ императора".

— Если вы имѣете право, началъ я, то извольте, скажу. (Въ это время зашелъ кондукторъ—руссинъ). Я студентъ императорскаго института. Путешествую по Европѣ. Теперь ѣду въ Лембергъ къ знакомымъ.

— У васъ есть заграничный паспортъ?

— Есть. Но я оставилъ его въ Бернѣ со всѣми вещами, такъ какъ изъ Лемберга я черезъ день ѣду обратно въ Бернъ, чтобы отправиться въ дальнѣйшее путешествіе...

Не давая ему вмѣшиваться въ мой разсказъ, я вытащилъ изъ кармана всѣ мои аттестаты, развернулъ одинъ изъ нихъ, писанный золотыми буквами и громко началъ читать: Императорскій технологическій институтъ Александра III... По указу его императорскаго величества...

Тутъ вмѣшался кондукторъ—руссинъ, который „объяснилъ" мнѣ, что жандармъ ничего не понимаетъ.

— Къ сожалѣнію, замѣтилъ я, не могу помочь бѣдѣ — плохо владѣю нѣмецкимъ языкомъ. Переведите ему. Вы руссинъ, я малороссъ, и какъ нибудь вамъ растолкую.

Кондукторъ понялъ весь мой разсказъ, даже самъ прочиталъ магическія слова „по указу его императорскаго величества" и перевелъ все жандарму. Но тотъ опять спросилъ, имѣю ли я заграничный паспортъ.

— Я вѣдь сказалъ, что забылъ его въ Бернѣ. Да и зачѣмъ онъ, если у меня такъ много другихъ документовъ, пояснилъ я ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ.

— А деньги у васъ есть?

— Но вѣдь этотъ вопросъ къ опредѣленію моей личности не относится...

— А! не относится. На слѣдующей большой станціи я васъ задержу и представлю комиссару.

— Это вы можете сдѣлать, я этого не боюсь нисколько. А денегъ у меня нѣтъ.

— Какъ же вы путешествуете?

— Въ Лембергѣ возьму у знакомыхъ, а по пріѣздѣ въ Бернъ получу изъ Россіи.

Я вынулъ кошелекъ и показалъ его ему. Онъ безцеремонно порылся въ немъ, нащупалъ крону, выразилъ сожалѣніе, что у меня такъ мало денегъ и растянулся на скамейкѣ. Скоро мы подъѣхали къ „большой станціи". Жандармъ поднялся и, ничего не сказавъ, вышелъ изъ вагона. Мы поѣхали дальше. Вошелъ кондукторъ.

— Развѣ вы не поняли, чего присталъ къ вамъ жандармъ? Хотѣлъ получить „на чай".

— За что?

— Ни за что. Замѣтилъ русскаго да еще плохо одѣтаго и вздумалъ припугнуть. Если бы у васъ были деньги, онъ бы самъ взялъ изъ кошелька. Я его знаю... Не будь у васъ документовъ, вы были бы арестованы... И хорошо еще, что вотъ этого онъ не замѣтилъ.

И кондукторъ ткнулъ пальцемъ въ литературу.

— Не миновать бы вамъ австрійской тюрьмы...

Скоро мы подъѣхали къ Лембергу. Сдавъ всѣ вещи на храненіе, я отправился по данному мнѣ въ Женевѣ адресу. Поздоровавшись и узнавъ, что это тотъ, адресъ котораго у меня имѣлся, я попросилъ крону.

— Вы не удивляйтесь, что я такъ стремительно началъ съ денегъ. Черезъ часъ все узнаете.

Получивъ просимое, я вышелъ и въ первомъ кабачкѣ закусилъ. Ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Къ новымъ знакомымъ пошелъ, не спѣша.

— Вы, безъ сомнѣнія, удивились моему поступку. Но, понимаете, я больше 30 часовъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

— Мы васъ накормили бы... Почему не сказали?

— Я не могъ ждать. А около васъ я замѣтилъ кабачекъ. Тамъ быстро подаютъ...

— У васъ ужасно подозрительный видъ. Будь я жандармомъ, непремѣнно бы васъ арестовалъ.

Я расхохотался и разсказалъ о приключеніи въ вагонѣ.

— И правъ! Приведите себя въ порядокъ...

На слѣдующій день я отправился къ границѣ. Пріѣхавъ въ мѣстечко С. ночью, я былъ встрѣченъ контрабандистомъ, рекомендованнымъ мнѣ с-р. Пачки съ литературой были отданы его помощнику. Утромъ мнѣ заявили, что сейчасъ переходъ черезъ границу невозможенъ, а ждать въ С. опасно. Я переѣхалъ въ Ч. Черезъ день послѣ моего отъѣзда изъ С. явился ко мнѣ помощникъ контрабандиста со скорбной повѣстью, будто онъ сдалъ литературу на храненіе другому лицу, а сей послѣдній теперь не хочетъ возвращать и грозитъ продать ее русскимъ жандармамъ, если не дадутъ выкупа. Нисколько не вѣря разсказу, я все же далъ деньги и къ вечеру мнѣ привезли лишь половину всей литературы. Прождавъ еще два дня, я отправился въ С. прямо къ главному контрабандисту. Завидя меня, онъ закричалъ, что я его гублю, что помощникъ и такъ грозитъ донести на него, что онъ ищетъ лишь

предлогъ и т. д. и предложилъ мнѣ убираться. Я не зналъ, что дѣлать. Часть книгъ, повидимому, пропала. Нужно было бы спасти другую часть, которая осталась въ Ч. Но у меня было ровно столько денегъ,сколько надо для уплаты за переходъ.Я рѣшилъ перейти на русскую сторону и переговорить съ русскими контрабандистами, такъ какъ книги въ Ч. могли храниться до прiѣзда кого либо съ условнымъ письмомъ. Найдя своего знакомаго контрабандиста и отдавъ ему всѣ имѣвшiяся у меня деньги, я вечеромъ выѣхалъ въ другое село, гдѣ пробылъ до утра. Утромъ за мной пришли, но узнавши, что я безъ денегъ, отказались взять съ собой.

— Да вѣдь я въ С. уплатилъ за переходъ! закричалъ я.

— Ничего не знаю. Не заплатите сейчасъ, не возьму... Уйду...

— Ну и идите!.. У меня денегъ нѣтъ. Я уже уплатилъ.

Но тутъ вмѣшалась хозяйка дома, гдѣ я ночевалъ.

— Ради Бога, возьмите его! Могутъ ко мнѣ зайти, увидятъ его. Что я скажу? Кто онъ? Откуда? Ради Бога, заберите его! Еще въ острогъ попаду. Онъ вамъ на той сторонѣ заплатитъ...

— Ну хорошо, сказалъ я, въ городѣ уплачу. Въ первый разъ у меня тоже не было денегъ, меня отвезли въ городъ и тамъ я расплатился, взявъ деньги у товарищей. Хотите? Вѣдь все равно вамъ возвращаться обратно. Одному ли, вдвоемъ ли, не все ли равно? Хотите? Ну?...

Контрабандистъ подумалъ, почесалъ затылокъ и, наконецъ, согласился.

Мы отошли отъ хаты нѣсколько сотъ шаговъ и начали переправляться черезъ рѣчку вбродъ, раздѣвшись наполовину. На томъ берегу не спѣша, одѣлись, поднялись на крутой берегъ, прошли мимо постового солдата и зашли въ крестьянскую избу. Это было часовъ въ шесть утра.

— Кумъ, а кумъ! Вставай, отвези панычa въ городъ.

— А? Что? въ городъ?...

— Ага, попались!.. Стой, ни съ мѣста! раздался вдругъ чей то громовый голосъ. Выходи во дворъ! гдѣ спиртъ? Говори!..

Я ничего не соображалъ. Посмотрѣвъ на кричавшаго, понялъ, что это былъ пограничный стражникъ. Но при чемъ тутъ спиртъ? Стражникъ обыскалъ всю комнату, но ничего не нашелъ.

— Спрятали!.. Ну, найдемъ! Не спрячешь...

Выйдя во дворъ, онъ выстрѣлилъ въ воздухъ изъ револьвера; тутъ же стоялъ солдатъ—татаринъ, минутъ пять тому назадъ пропустившій насъ. Онъ тоже неистово палилъ въ воздухъ изъ ружья.

— Идемъ! На кордонъ!.. А-а!.. Водку переносить! Я тебѣ покажу, какъ австрійскую водку таскать сюда для продажи! Я видѣлъ, какъ ты отправился на ту сторону и сразу сообразилъ, зачѣмъ ты идешь. Два часа я лежалъ на этомъ берегу подъ кустомъ и ждалъ тебя. Я тебѣ покажу, какъ спиртъ таскать! закричалъ онъ и ударилъ контрабандиста ручкой револьвера. — И тебѣ достанется!.. Онъ хотѣлъ и меня ударить, но я быстро повернулся къ нему лицомъ, поднялъ свою туристскую палку и крикнулъ:

— Не смѣете! Драться не смѣете!..

Мнѣ казалось, что если дать отпоръ сейчасъ же и въ самой рѣзкой формѣ, такъ чтобы онъ опѣшилъ и растерялся, то гроза пройдетъ. И я не ошибся.

— Что? Заревѣлъ онъ. Не смѣю!

— Да, не смѣете! еще громче гаркнулъ я. Вы можете только арестовать, но не бить...

— Что? Вотъ я тебѣ покажу!..

— Я тебя какъ „тыкну", такъ ты и своихъ не узнаешь! крикнулъ я и поднялъ угрожающе палку.

— Иди, иди! а не то...

Я понялъ, что опасность прошла, ибо онъ былъ въ недоумѣніи. Съ одной стороны — по костюму похожъ на жулика, съ другой — такой тонъ. Онъ злобно меня осматривалъ, все время ворча. Но я уже не обращалъ вниманія на его ворчанье, занятый мыслью, какъ отдѣлаться отъ имѣвшихся у меня прокламацій и нелегальныхъ карточекъ. Выбросить ихъ изъ кармана незамѣтно для стражника невозможно было — онъ шелъ позади. Волей-неволей приходилось ждать.

Мы пришли на кордонъ рано. Начальникъ пограничной стражи еще спалъ. Меня стерегъ лишь одинъ солдатъ. Когда онъ вышелъ, чтобы принести, по моей просьбѣ, воды, я быстро

выхватилъ изъ кармана всю пачку и швырнулъ ее далеко на высокій шкафъ. Въ карманѣ остались лишь фотографическія карточки.

Арестовавшій меня стражникъ успѣлъ разсказать всѣмъ о поимкѣ, и одинъ солдатъ съ довольно симпатичнымъ лицомъ вошелъ въ комнату, улыбаясь.

— Чего вы улыбаетесь? спросилъ я.

— Стражникъ сердитъ на васъ. Проходимецъ какой то, говоритъ, а еще хорохорится — не смѣешь, кричитъ... Я и пришелъ посмотрѣть на васъ.

Зашелъ и стражникъ.

— Теперь я знаю, кто вы!.. Вы — иностранный агентъ, какъ Дрейфусъ. Границу срисовывали, мѣстоположеніе осматривали. Вотъ вамъ и достанется!..

И онъ ножнами шашки пытался ткнуть въ меня, но я схватилъ за конецъ и рванулъ.

— А! Сопротивляться!.. Вотъ придетъ начальникъ и онъ съ тобой поговоритъ.

— Вотъ я спрошу твоего начальника, имѣешь ли ты право драться и ругаться. Посмотримъ еще, кому достанется.

Взбѣшенный стражникъ ушелъ изъ комнаты. Поговоривъ немного съ солдатомъ, я попросился выйти. Тамъ я уничтожилъ всѣ карточки и вернулся совершенно спокойный.

Слухъ о пойманномъ „протестантѣ" достигъ до жены начальника стражи. Вошелъ деньщикъ:

— Госпожа начальница спрашиваетъ, не желаете ли чаю.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ я.

Выпивъ два стакана чаю и закусивъ хлѣбомъ съ масломъ, я закурилъ махорку, взятую у солдата, и приготовился къ допросу. Скоро явился и начальникъ. Онъ былъ очень вѣжливъ со мной, внесъ въ протоколъ заявленіе о грубомъ обращеніи стражника, сдѣлалъ ему выговоръ, накормилъ меня солдатскими щами и отправилъ на Гуковскую таможню.

Мы прошли 12 верстъ въ три часа. Начальника таможни не было и пришлось ждать до 12 часовъ ночи. За это время я успѣлъ познакомиться съ дочерью какого-то таможеннаго чиновника, студенткой медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ,

которая выступила въ мою защиту противъ чиновника—отца, обвинявшаго меня въ неповиновенiи существующимъ законамъ.

— И чего вамъ стоило взять заграничный паспортъ? Не пришлось бы мытарствовать. Такъ нѣтъ же! Духъ неповиновенія такъ великъ, что предпочитаютъ подвергаться опасности — пилилъ чиновникъ.

— А чѣмъ плохо такъ? спросила дочь. По крайней мѣрѣ интересно... Ночь... рѣка... жутко немного, но зато потомъ пріятна побѣда. Я бы тоже хотѣла испытать это состояніе.

— Вы любите сильныя ощущенія?

— Немного... Чай будете пить?

— Охотно...

Вечеромъ явился на эту таможню помощникъ контрабандиста изъ С., расположеннаго какъ разъ противъ Гукова, и вступилъ со мною въ продолжительную бесѣду. Онъ доказывалъ мнѣ, что я въ его рукахъ. Стоитъ ему лишь сказать начальнику, что у него моя „литература", и дѣло приметъ совершенно другой оборотъ.

— Дайте пять рублей и дѣло съ концомъ.

— Если вы такой гусь, что готовы продать человѣка за деньги, то гдѣ гарантія, что, получивъ выкупъ, вы все же не донесете на меня?

— Клянусь вамъ жизнью дѣтей, что я честный человѣкъ, заговорилъ онъ быстро. Я не поступилъ бы такъ съ вашими книгами, но меня сильно притѣсняютъ. И „главный", и тотъ, который васъ отправилъ нынче ночью, захватили всѣхъ въ свои руки. Работаешь на нихъ, работаешь, а ничего не получаешь...

— Чѣмъ же я виноватъ?

— Вы не виноваты. Но не думайте, что я способенъ на нехорошій поступокъ. У меня теперь жена и дѣти голодаютъ. Дайте пять рублей.

— У меня денегъ совершенно нѣтъ. Стражникъ меня обыскалъ и знаетъ. Можете у него спросить. Но если бы у меня и было, я не далъ бы — не вѣрю вамъ.

Долго длился разговоръ на тему о выкупѣ. Я не зналъ, какъ быть. Онъ могъ донести, не получивъ денегъ, могъ донести послѣ получки.

— У васъ нѣтъ денегъ, дайте часы. Я ихъ продамъ рубля за три и то довольно.

— Часы! Далъ бы я вамъ, но не довѣряю.

Тутъ посыпался цѣлый градъ клятвъ по русски, по нѣмецки, что онъ меня вѣкъ будетъ помнить, что онъ сейчасъ же исчезнетъ и т. д. Я рискнулъ — снялъ часы и отдалъ. Лишь только онъ ихъ получилъ, какъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ С. Опасность миновала.

Въ два часа ночи меня отправили въ ближайшее село къ сельскому старостѣ. Здѣсь я подложилъ подъ голову пиджакъ и растянулся на лавкѣ.

— Стерегите его. Это опасный человѣкъ, сказалъ предъ уходомъ стражникъ.

— Иди, иди, мы за него отвѣчаемъ, — возразилъ староста.

Рано утромъ въ сопровожденіи двухъ сотскихъ отправили меня къ становому приставу. Отсюда часа черезъ два — въ слѣдующее село. Къ пяти часамъ я пришелъ туда и заночевалъ, такъ какъ не было писаря, который бы распорядился о дальнѣйшей отправкѣ. Всю ночь дрожалъ отъ холода въ совершенно сырой „каталажкѣ", несмотря на то, что все время шагалъ изъ угла въ уголъ. Утомленный безсонницей и голодомъ, я рано утромъ вновь отправился въ путь. Дорогой разговорился съ сотскимъ, произнесъ цѣлую рѣчь противъ правительства, которую онъ молча выслушалъ, отдохнули подъ плетнемъ, закусили хлѣбомъ съ водой и лукомъ, которыми запасся мой провожатый, и къ полудню прибыли въ городъ, въ уѣздную полицію. Сотскій разсказалъ здѣсь своему знакомому городовому о „студентѣ". Подходитъ онъ ко мнѣ и спрашиваетъ, нѣтъ ли у меня здѣсь знакомыхъ...

— Студента Б. знаете?

— Знаю я или не знаю, все равно. Передайте ему (Б. былъ мой знакомый).

Въ городѣ всѣ узнали о моемъ арестѣ и засуетились. Заявились къ столоначальнику, сунули ему взятку, довольно солидную, и ровно черезъ сутки я получилъ проходное свидѣтельство для проѣзда въ Харьковъ.

ГЛАВА X.

Въ январѣ 1904 года по порученію Екатеринославскаго и Харьковскаго Комитетовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ я поѣхалъ заграницу за литературой, имѣя при себѣ настоящій паспортъ потомственнаго дворянина, прапорщика запаса, рѣчь Ф. Фрумкиной на судѣ по поводу покушенія ея на жандармскаго генерала Новицкаго, манифестъ и резолюціи третьяго обще-студенческаго съѣзда, программу его и краткіе протоколы. Съ такимъ багажемъ пріѣхалъ я въ Граево утромъ, а вечеромъ выѣхалъ къ границѣ вмѣстѣ съ восемнадцатью евреями „американцами" (эмигрантами). Часа черезъ два мы остановились посреди поля, а нашъ проводникъ отправился розыскивать тотъ постъ, черезъ который намъ предстояло перейти. Ночь была темная, дорога скользкая. Душно сдѣлалось въ крытой колымагѣ, набитой столькими людьми, и я вылѣзъ на свѣжій воздухъ. Разговорился съ возницей.

— Часто ловятъ „американцевъ"?

— Бываетъ... Постойте кто то идетъ...

И онъ направился прямо на фигуру... Это ты, Станиславъ, раздалось въ тиши.

— Кто говоритъ? Кто такіе?

— Господинъ вахмистръ, я вамъ дамъ десять рублей только отпустите... Пятнадцать...

— Попались молодцы! Ни съ мѣста! Стрѣлять буду...

Пока мы стояли въ ожиданіи возвращенія проводника, вахмистръ пограничной стражи, шедшій на кордонъ, наткнулся на нашъ возъ. Я стоялъ поодаль. Думалъ было бѣжать. Но не зналъ, въ какую сторону, не былъ знакомъ съ мѣстностью. Пока я раздумывалъ, что дѣлать, кто то изъ „американцевъ" крикнулъ: Эй-вы! Чего стоите, садитесь скорѣе...

— Садитесь всѣ, крикнулъ вахмистръ. Кто попытается бѣжать, того убью на мѣстѣ.

Бѣжать было уже поздно. Я сѣлъ на козлы, а возница повелъ лошадей подъ уздцы въ гору подъ несмолкаемый грохотъ выстрѣловъ вахмистра. Въ отвѣтъ раздались ружейные залпы на ближайшихъ постахъ, на кордонѣ появились люди съ факелами, двигавшіеся внизъ, съ горы, по направленію къ намъ. Жутко сдѣлалось въ этомъ адскомъ шумѣ, подъ окрики сол-

датъ, освѣщавшихъ все шествіе, подъ непрерывное „вье-вье“ возницы. Наконецъ и лошади стали. Солдаты начали безпощадно бить лошадей, вахмистръ — ругать меня, кучера, а „американцы“ — возницу, котораго они считали виновникомъ неудачи.

— Вы не смѣете ругаться! Я дворянинъ и не позволю?.. крикнулъ я исключительно съ цѣлью разсѣять панику среди эмигрантовъ.

— Дворянинъ?.. Какой-такой дворянинъ?.. Какъ въ такую компанію попалъ дворянинъ?..

— Послѣ разберемъ, но безъ ругани...

Мой окрикъ подѣйствовалъ. Вахмистръ успокоился, солдаты тоже и мы взобрались безъ ихъ помощи на гору. Тутъ я вспомнилъ о моемъ „багажѣ“. Но выбросить его было опасно, хотя и возможно. Если бы онъ былъ найденъ, то пришлось бы сказать, кто его владѣлецъ. Помня первую свою удачу, я рѣшилъ попытаться вторично отдѣлаться такимъ же путемъ отъ моихъ бумагъ.

Насъ загнали всѣхъ въ спальню солдатъ, и оттуда вызывали поочередно для обыска. Не медля, я попросилъ нѣсколько человѣкъ заслонить меня отъ сторожившаго насъ солдата, вынулъ все изъ кармана, положилъ солдату подъ матрацъ и пошелъ въ слѣдующую комнату. Вахмистръ осмотрѣлъ мой паспортъ и сказалъ:

— Вѣрно, дворянинъ. Какъ же вы попали въ жидовскую компанію? Не лучше ли ѣхать прямо, съ паспортомъ, а не тайкомъ?.

— Лучше. Только я не могъ ждать. Чтобы получить заграничный паспортъ, нужно было дней десять, а я долженъ къ сроку пріѣхать на должность въ Лондонъ. Я и поѣхалъ съ „американцами“.

— Вы чѣмъ занимаетесь?

— Я чертежникъ.

— Нехорошо все таки... Вы вѣдь прапорщикъ запаса. Вдвойнѣ нехорошо.

— Нужда заставила. Не по доброй волѣ...

Все это я какъ то сразу придумалъ въ тотъ самый моментъ, когда направлялся на обыскъ. По окончаніи этой процедуры насъ всѣхъ перевели въ другую комнату, гдѣ мы разлеглись на соломѣ.

Утромъ начался допросъ въ той самой комнатѣ, гдѣ производился обыскъ. Всѣхъ опрошенныхъ помѣщали въ спальнѣ. Этимъ я воспользовался, чтобы вынуть изъ подъ матраца мои бумаги — слишкомъ цѣнны были эти документы, чтобы не попытаться спасти ихъ.

Днемъ насъ всѣхъ отправили на ближайшую таможню, гдѣ вахмистръ, между прочимъ, разсказалъ офицеру—жандарму о дворянинѣ среди эмигрантовъ. Услышавши фамилію, онъ поинтересовался посмотрѣть на меня, такъ какъ зналъ „моего брата."

— Да похожъ, сказалъ онъ. Очень похожъ. Удивительно, какъ такой благородный человѣкъ пускается въ такой путь... Молодость, молодость!..

Отсюда насъ отправили на Граевскую таможню, гдѣ мы просидѣли до вечера, а на ночь насъ заперли въ „каталажкѣ" при гминномъ управленіи, до того тѣсной, что всю ночь восемь человѣкъ простояли у дверей.

Наконецъ настало утро. Насъ вызвали въ управленіе, чтобы отправить въ Щучино къ исправнику, и при этомъ вторично всѣхъ обыскивали. На мнѣ была высокая барашковая шапка; ее я снялъ съ головы, положилъ туда бумаги, оставилъ шапку на столѣ, а самъ вылѣзъ впередъ къ писарю. Послѣ обыска я вновь запряталъ все въ карманъ, увѣренный, что удастся сохранить рукописи въ цѣлости.

Пока мы ѣхали, насъ учили, какъ отвѣчать исправнику, который уже былъ подкупленъ. Главное, нужно было настаивать, что мы ѣхали въ Августово, но заблудились и остановились въ полѣ.

— Зачѣмъ же вы ѣхали въ Августово? спросилъ исправникъ.

Я агентъ нефтепромышленной акціонерной компаніи, которая открываетъ въ Бѣлостокѣ складъ керосина. Желая разсчитать приблизительное количество его для всего района, общество это отправляетъ агентовъ во всѣ города, мѣстечки, села, гдѣ имѣются магазины и лавки, чтобы гарантировать себѣ покупателей. Съ этой цѣлью я ѣхалъ въ Августово, но заблудился...

Черезъ часъ послѣ этого „объясненія" я былъ вызванъ въ канцелярію исправника, гдѣ находился какой то полицейскій офицеръ.

— Вотъ вамъ проходное свидѣтельство. Въ теченіе пяти дней вы должны быть въ Кіевѣ.

— Пять дней мало. Мнѣ надо десять, чтобы устроить здѣсь всѣ дѣла, — отвѣтилъ я.

— Хорошо... Пусть десять. Но раньше распишитесь здѣсь.

Онъ далъ мнѣ простой клочекъ бумаги и сталъ позади меня. Посмотрѣвъ на другой конецъ стола, я увидѣлъ мой паспортъ. Офицеръ смотрѣлъ на подпись его владѣльца. Я понялъ, что онъ меня подозрѣваетъ, но поймать не сможетъ, ибо подпись я изучилъ превосходно, раньше чѣмъ отправился въ путь. Моимъ росчеркомъ онъ, повидимому, остался доволенъ, ибо я былъ сейчасъ же освобожденъ. Черезъ часъ была выпущена еще одна часть арестованныхъ и въ ту же ночь мы перешли прусскую границу.

ГЛАВА XI.

Недѣли черезъ двѣ я былъ уже въ Е., гдѣ первое время былъ совершенно „чистъ". Но послѣ ареста товарища, организатора рабочихъ кружковъ, пришлось замѣнить его и посѣщать тѣ квартиры, которыя были уже выслѣжены. Въ первый разъ я замѣтилъ за собой подозрительную личность, неизвѣстно откуда появившуюся. Чтобы „замести слѣды", я направился на ярко освѣщенную улицу и вскочилъ на заднюю площадку трамвая. Сыщикъ — на переднюю, поворачиваясь ко мнѣ лицомъ на всѣхъ остановкахъ. Избѣжать преслѣдованія возможно было лишь въ томъ случаѣ, еели спрыгнуть съ трамвая на полномъ его ходу. Выбравъ удобный моментъ, я прыгнулъ съ площадки, успѣлъ взобраться на встрѣчный трамвай и обернулся лицомъ въ сторону шпіона. Онъ смотрѣлъ на меня „во всѣ глаза". Такая открытая погоня за мной должна была привести къ аресту, и я поспѣшилъ выбраться изъ города. Но скоро получилъ письмо съ просьбой пріѣхать. Я рѣшилъ рискнуть. Авось вывезетъ. Но это русское „авось" не вывезло — я попалъ въ тюрьму.

Въ теченіе первой недѣли моего вторичнаго пребыванія въ Е. я ничего за собой не замѣчалъ. Но въ день ареста слишкомъ открыто и цинично меня травили, чтобы не понять, что часъ мой пробилъ. Выйдя днемъ изъ квартиры и повернувъ глаза вправо и влѣво, я замѣтилъ двухъ „шпиковъ“, немедленно за мной послѣдовавшихъ во всю прыть. Я рѣшилъ ихъ помучить. Заходилъ въ магазины, аптекарскіе склады, отправился на базаръ, побывалъ у доктора, гдѣ сидѣлъ около часу. Выйдя отъ него, сейчасъ же замѣтилъ выскочившаго изъ-за угла шпіона. Я остановился, какъ будто читая приписанный мнѣ докторомъ рецептъ. Онъ же долженъ былъ пройти мимо меня. Тогда я вздумалъ сѣсть на трамвай. Но, повернувъ за уголъ, наткнулся сразу на троихъ, слишкомъ открыто меня осматривавшихъ. Я замедлилъ шаги и такъ же открыто, въ упоръ, осмотрѣлъ ихъ физіономіи. Не знаю, эта ли моя „смѣлость“, или что либо другое, но они не пошли за мной; я безпрепятственно уѣхалъ первымъ же трамваемъ.

Въ этотъ же день подъ вечеръ необходимо было переправиться черезъ рѣку на рабочее собраніе. Не успѣлъ я дойти до угла, какъ замѣтилъ трехъ „знакомцевъ“. На меня они ужъ не смотрѣли и не трогались съ мѣста. Совершенно спокойный, я уѣхалъ, невдалекѣ отъ прохода къ рѣкѣ вылѣзъ изъ вагона и осмотрѣлся. Каково же было мое изумленіе, когда шагахъ въ пятнадцати отъ меня увидѣлъ на скамейкѣ одного изъ тѣхъ троихъ! Я нѣсколько минутъ простоялъ въ раздумьи надъ вопросомъ: какъ же онъ здѣсь очутился? Ларчикъ просто открывался: онъ пріѣхалъ слѣдующимъ трамваемъ, разстояніе котораго отъ передняго ничтожно, слѣзъ одновременно со мной, забѣжалъ въ скверъ и сѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. На этотъ разъ я спасся проходнымъ дворомъ. Придя домой, я разсказалъ обо всемъ происшедшемъ и хотѣлъ немедленно исчезнуть.

— Нѣтъ, вы не уѣзжайте. Неужели вы думаете, что сегодня непремѣнно васъ арестуютъ?

— Увѣренъ... Если бы вы видали, какъ нахально они за мной бѣгали...

— Утромъ лучше рѣшимъ, какъ уѣхать. Эту ночь не опасно. Комнату мы „почистили“, ничего нелегальнаго. Да къ тому же денегъ нѣтъ...

Пришлось оставаться, приготовившись къ аресту: положилъ около себя на столикѣ всѣ адреса, шифрованныя явки и разныя мелкія записки. Часа въ три ночи раздался звонокъ. Пока открывали дверь, я успѣлъ разжевать всѣ бумажки, но не могъ ихъ проглотить. Я кинулся къ кувшину съ водой и началъ нервно пить большими глотками довольно грязную воду. Съ трудомъ ихъ проглотилъ... Стучали въ дверь. Какъ только я ее открылъ, двѣ руки очутились въ моихъ карманахъ.

— Ничего нѣтъ...

Боялись вооруженнаго сопротивленія...

———

Черезъ недѣлю послѣ моего ареста въ тюрьмѣ праздновали 1-е мая. Правда, празднованіе было довольно неудачное — „Варшавянку“ пѣли, кто въ лѣсъ, кто по дрова, красное знамя сейчасъ же сняли штыкомъ, но послѣдствія этой попытки были плачевны. Всѣ заключенные были лишены права свиданій, переписокъ, выписокъ, права пользоваться пищей изъ „политическаго котла“ срокомъ на одинъ мѣсяцъ и кромѣ того у всѣхъ отобрали матрацы и столы на три дня. Мы отвѣтили на эти репрессіи постановленіемъ ложиться или садиться, когда явится начальство, впредь до отмѣны всѣхъ наказаній. Первые нѣсколько дней всѣ отказались ѣсть общеуголовный обѣдъ, но, предвидя возможность голодовки, рѣшили не истощать себя. Насъ было двое, не пожелавшихъ повиноваться общему постановленію и отказавшихся принимать *уголовную* пищу, всякую же другую ѣли. Началась борьба между начальникомъ тюрьмы и нами. Онъ хотѣлъ заставить насъ покориться и съ этой цѣлью старался не допустить въ камеру ничего кромѣ уголовной пищи. Дверь не открывалась, около окна взадъ и впередъ ходилъ часовой, уголовные не подпускались близко, во время прогулки часовой зорко слѣдилъ, чтобы никто ничего не передавалъ. Съ своей стороны, мы прибѣгали къ всевозможнымъ уловкамъ, чтобы получить пищу—часто ходили къ врачу, въ пріемной котораго насъ встрѣчали уголовные и передавали яко-бы выписанные для себя продукты, иной разъ удавалось передать въ окно, иной разъ, завернувъ въ бумагу, клали продукты даже въ парашу. Въ общемъ, какъ

мы ни ухитрялись, количество было слишкомъ недостаточно и мы жили впроголодь. Послѣдніе же восемь дней у насъ на человѣка былъ всего одинъ паекъ хлѣба. Раздѣливъ его на восемь частей, мы каждый день съѣдали по куску и запивали чаемъ то съ сахаромъ, то безъ сахару. Такъ продолжалось тридцать дней. Тридцать дней мы почти не ѣли, но не объявляли и голодовки, думая, что мѣсячный срокъ наказанія кончится и жизнь войдетъ въ нормальную колею. Но за наше демонстративное лежанье и сидѣнье, когда появлялось начальство, а оно съ цѣлью начало являться часто—то начальникъ тюрьмы, то тюремный инспекторъ то прокуроръ палаты,—намъ продлили срокъ наказанія еще на мѣсяцъ и послѣ каждаго посѣщенія сажали въ карцеръ темный или свѣтлый на трое, пять и семеро сутокъ, лишая каждый разъ постели, стола и стула.

Во время одной изъ прогулокъ — гуляли попарно, камерами—часовой ударилъ слегка одного рабочаго. Подняли крикъ, шумъ, потребовали начальника тюрьмы и смѣны часового. Я былъ вызванъ въ контору для объясненій. Волнуясь, я началъ разсказывать о возмутительномъ поступкѣ солдата, но начальникъ тюрьмы (мы его звали дракономъ) вдругъ перебилъ меня:

— Что вы разсказываете? Ничего подобнаго не было...

— Какъ не было? Да изъ-за чего же весь сыръ—боръ загорѣлся?

— Ничего не было.., Мнѣ мои служители уже доложили обо всемъ инцидентѣ. Онъ лишь хотѣлъ ударить и имѣлъ право, такъ какъ вашъ товарищъ не слушалъ его приказаній...

— Что за наглость!.. Если вы вѣрите своимъ служителямъ, то незачѣмъ было меня звать!..

— Не смѣть кричать! Вы въ кабинетѣ начальника!..

— Что?!..

И я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ нему, поднявъ руку, но былъ остановленъ помощникомъ начальника и появившимися надзирателями...

— Какая подлость!.. крикнулъ я и ушелъ. Во время повѣрки мнѣ передали постановленіе начальника о заключеніи меня на пять сутокъ въ карцеръ за дерзкое обращеніе съ нимъ во время исполненія обязанностей. Это было въ

послѣдніе дни перваго мѣсяца, когда онъ рѣшилъ изолировать нашу камеру и взять насъ голодомъ.

Нервное напряженіе достигало кульминаціонной точки, но все же еще не рѣшались на крайнюю мѣру—голодовку. А начальство все время ее провоцировало.

Зайдя разъ въ одну камеру, онъ увидѣлъ на стѣнѣ дракона, изо рта котораго вылетало пламя съ надписью „три дня карцера". Художники поплатились за это семью днями темнаго карцера.

Въ другой разъ онъ спрятался въ пустой камерѣ и подслушалъ разговоръ и рѣчи заключенныхъ. На другой день онъ посадилъ „оратора" „за призывъ къ неповиновенію администраціи" на семь сутокъ въ темный карцеръ.

Готовясь къ рѣшительной битвѣ, мы не препятствовали заключенію въ карцеръ и не протестовали, что не мало удивляло всю тюремную администрацію.

Быть можетъ вся эта исторія ничѣмъ бы не кончилась, если бы не невыносимое отношеніе къ цѣлой группѣ рабочихъ, арестованныхъ послѣ всеобщей южной стачки 1903 г. и содержавшихся на положеніи уголовныхъ.

Несмотря на то, что эти рабочіе были произвольно выхвачены полиціей изъ массы забастовщиковъ, они оказались достойными имени революціонеровъ. Съ первыхъ же дней тюремной жизни они повели борьбу съ администраціей. Прежде всего не признавали себя уголовными и требовали къ себѣ отношенія, какъ къ политическимъ, которые цѣной многихъ жизней и большихъ страданій завоевали себѣ болѣе или менѣе сносное существованіе въ тюрьмахъ и не слишкомъ грубое къ себѣ отношеніе*) „власть имущихъ". По выработанной тюремной дисциплинѣ корридорный надзиратель обязанъ былъ командовать: „Смирно! Встать на повѣрку" или просто: „встать!" при появленіи „начальства". Политическіе были „лишены" этой „льготы", къ этому же стремились и забастовщики путемъ всевозможныхъ демонстрацій. При командѣ „смирно, встать!" всѣ садились или

*) Современная тюрьма существенно отличается отъ тюрьмы 1903—4 годовъ. Всѣ льготы уничтожены и тюремная администрація стремится не безъ успѣха уравнять въ правахъ уголовныхъ и политическихъ.

ложились. Тогда начальникъ командовалъ: „поднять!..“ Нѣсколько надзирателей бросались къ первому сидящему, брали его подъ мышки и подымали. Тотъ вставалъ.

— Другого! командовалъ начальникъ.

Они оставляли перваго и такимъ же путемъ подымали второго.

Третьяго!..

Они бросались къ третьему, а въ это время первые двое садились.

Такъ продолжалось нѣкоторое время. Лишенные всего —чаю, сахару, бѣлаго хлѣба, табаку, свиданій, переписокъ и т. д., они все же не „смирялись“ и не покорялись. Тогда они были отправлены въ исправительное арестантское отдѣленіе, гдѣ были посажены въ желѣзную клѣтку. Въ первый же вечеръ за отказъ подчиниться командѣ „встать“ на нѣсколько человѣкъ были надѣты смирительныя рубахи. Утромъ слѣдующаго дня за отказъ снять шапки при встрѣчѣ со старшимъ надзирателемъ одинъ былъ посаженъ въ глубокій, сырой колодецъ.

Смирительная рубаха, употребляемая въ „арестантскихъ ротахъ“, представляетъ собой длинную до пятъ и широкую рубаху съ семи аршинными рукавами, которыми зашнуровываютъ несчастнаго, какъ грудного ребенка, но съ такой силой и жестокостью, что кровообращеніе пріостанавливается. Одинъ изъ рабочихъ, испытавшихъ на себѣ это орудіе пытки, разсказывалъ, что самый сильный человѣкъ не можетъ выдержать такого пеленанья больше двухъ часовъ. Связаннаго бросаютъ въ карцеръ, куда часто заходитъ надзиратель справляться, живъ ли еще плѣнникъ. Одинъ изъ забастовщиковъ послѣ 1½ час. лежанья впалъ въ обморчное состояніе. Его окатили ведромъ холодной воды и оставили въ томъ же положеніи. Другой же, не будучи въ состояніи терпѣть, пытался разможжить себѣ голову о стѣну, но былъ отодвигаемъ отъ нея каждый разъ, когда связанный доползалъ туда путемъ неимовѣрныхъ усилій.

Наконецъ, они объявили голодовку. Ихъ перевели обратно въ тюрьму, гдѣ борьба продолжалась. Въ концѣ девятаго мѣсяца борьбы они очутились въ сыромъ, грязномъ и холодномъ подвалѣ безъ кроватей, безъ матрацовъ и подушекъ, безъ столовъ и безъ всякихъ продуктовъ. Это

заставило соединиться всѣхъ—и уголовно-политическихъ (забастовщики) и политическихъ для солидарныхъ дѣйствій: была объявлена голодовка, длившаяся восемь дней. Мы требовали возстановленія прежняго режима или перевода въ другія тюрьмы.

Насъ, четырехъ интеллигентовъ „зачинщиковъ“ и четырехъ самыхъ боевыхъ рабочихъ, перевели изъ тюрьмы въ участокъ, а потомъ въ исправительное арестантское отдѣленіе, гдѣ разыгрался грандіозный скандалъ во время нашего пріема.

— Шапки долой! крикнулъ начальникъ, войдя въ контору.

— Убирайся вонъ! отвѣтилъ одинъ изъ товарищей.

— Въ карцеръ ихъ! Поднять ихъ!..

Мы всѣ двинулись прямо на него, а одинъ съ сжатыми кулаками полѣзъ впередъ.

— Конвой! окружить ихъ! гаркнулъ поблѣднѣвшій начальникъ.

— Это подло!.. Не такихъ видали!.. Не сломаете... раздалось со всѣхъ сторонъ...

— Я объявляю голодовку! произнесъ одинъ.

— Какъ хотите... отвѣтилъ начальникъ и выскочилъ изъ конторы. Больше мы его не видали.

Какъ только онъ удралъ, всѣ успокоились. Насъ посадили однако въ желѣзную клѣтку. Изъ солидарности мы присоединились къ голодовкѣ товарища.

Въ двѣнадцать часовъ принесли обѣдъ — щи и кашу.

— Вѣдь мы же вамъ заявили, что ѣсть не будемъ. Зачѣмъ принесли? И съ этими словами и щи, и каша очутились съ трескомъ на полу.

— Принесете въ другой разъ, въ голову полетитъ.

— Мы не виноваты. Намъ приказано отвѣтилъ старшій надзиратель.

— Передайте, кому знаете, чтобы насъ перевели въ другую камеру. Здѣсь мы сидѣть не будемъ...

Вечеромъ насъ перевели въ громадную, свѣтлую камеру. Но голодовка продолжалась шесть дней. И такъ какъ начальникъ къ намъ ни разу не являлся, а обращеніе было очень вѣжливое и предупредительное, то мы ее прекратили.

Черезъ двѣ недѣли намъ объявили о высылкѣ насъ въ Польшу.

Мы прошли тюрьмы — Кременчугскую, Кіевскую, Варшавскую пересыльную, Ново-Георгіевскую крѣпость, Пл-ую и прибыли почти черезъ мѣсяцъ въ городъ П-ъ. Каждую нашу остановку мы ознаменовывали какимъ либо протестомъ. Особенно рѣзки и успѣшны были протесты въ Кіевѣ и Пл-ѣ.

Лукьяновская тюрьма одинъ изъ рѣдкихъ экаемпляровъ среди всѣхъ россійскихъ тюремъ(за исключеніемъ сибирскихъ). Картежная игра, пьянство, воровство и противоестественный развратъ процвѣтаютъ здѣсь во всю. Я былъ свидѣтелемъ, какъ изъ ткацкой мастерской передали, привязавъ къ спущенной веревкѣ, громадный кусокъ полотна на верхній этажъ. Часовой доложилъ объ этомъ въ контору. Немедленно отправились съ обыскомъ и не нашли. Я видѣлъ тамъ же уголовнаго, который проглотилъ восемь золотыхъ десятирублевокъ, чтобы не отдавать ихъ въ контору, а потомъ проигралъ ихъ въ карты, вынувъ изъ своихъ экскрементовъ. Я видѣлъ тамъ цѣлую группу пересыльныхъ, которые регулярно попадаютъ въ тюрьму каждый мѣсяцъ спеціально для игры въ карты. Ихъ высылаютъ на родину, они пріѣзжаютъ обратно, ихъ арестовываютъ, отправляютъ въ тюрьму, гдѣ они ждутъ этапа. За это время они обыгриваютъ всѣхъ пересыльныхъ, принуждая ихъ къ игрѣ, кто же отказывается, у того „пропадаютъ" всѣ вещи, и никакіе поиски не помогаютъ. За жалобы бьютъ смертнымъ боемъ. Лишь „атаманъ" уголовныхъ творитъ судъ, и его постановленія безпрекословно исполняются. Я видѣлъ одного на утренней прогулкѣ въ однихъ кальсонахъ, а на вечерней въ превосходномъ костюмѣ, новомъ пальто, шляпѣ, лакированныхъ ботинкахъ, которые онъ „выигралъ у жида". Я видѣлъ, какъ у политическаго украли пальто изъ камеры, и какъ по приказанію атамана оно было сейчасъ же найдено и возвращено по принадлежности, такъ какъ „политики" — „наши друзья". Я видѣлъ приготовленные въ тюрьмѣ серебрянные рубли, одинъ изъ которыхъ мнѣ предложили за двугривенный „на память о Лукьяновкѣ".

Наканунѣ этапа мы потребовали себѣ выписки пищевыхъ продуктовъ на дорогу. Цѣлый день ждали — не принесли. На вечерней повѣркѣ заявили дежурному помощнику начальника. Ждали до восьми, девяти — нѣтъ выписки. Рѣшили вызвать

начальника. Заявили разъ, другой — не приходитъ. Рѣшили заставить его притти. Вытащили изъ подъ наръ оконную раму, розломали ее, вооружились кусками, достали палки и подъ стукъ и грохотъ палками въ дверь и подоконникъ затянули „марсельезу". Прибѣжавшему помощнику заявили, чтобы пришелъ начальникъ.

— Хорошо, скажу, только прекратите концертъ.

— Будемъ ждать десять минутъ, — отвѣтили мы.

Десять минутъ прошли. Никто не явился. Протестъ возобновился съ новой силой. Прибѣжалъ помощникъ.

— Начальникъ хочетъ узнать, чего вы требуете.

— Мы требуемъ начальника.

— Для чего?

— Не ваше дѣло... Зовите начальника. Уходите. Мы не прекратимъ, пока онъ не придетъ.

Всѣ заключенные съ интересомъ слѣдили за нашей тактикой и за ея исходомъ. Они не вѣрили, чтобы начальникъ удовлетворилъ наше требованіе — сдѣлать выписку въ 10 часовъ ночи.

Мы продолжали пѣть и стучать.

— Начальника! Начальника сюда! Мы требуемъ начальника!..

Почти въ десять съ половиной часовъ открылась дверь и влетѣлъ начальникъ.

— Въ карцеръ захотѣли! Вы забыли, должно быть, гдѣ вы находитесь, крикнулъ онъ, держа руки въ карманахъ, гдѣ у него всегда лежали револьверы.

— Прежде всего не кричите. Вы не въ кабакѣ...

Онъ не ожидалъ такого отвѣта и сейчасъ же смягчилъ тонъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Еще утромъ мы сдѣлали выписку и до сихъ поръ ее не принесли. Завтра мы уходимъ въ этапъ. Безъ пищи не пойдемъ. Если не хотите утромъ скандала, распорядитесь, чтобы намъ принесли все необходимое по нашей запискѣ.

— Что? Въ одиннадцать часовъ? Вы не въ гостинницѣ!..

— Мы съ утра заявили!.. Если выписки не будетъ, завтра никого не впустимъ въ камеру и сами не выйдемъ.

— Посмотримъ!

— Въ такомъ случаѣ вонъ отсюда!!..

— Да вы не горячитесь, пожалуйста! Куда васъ высылаютъ?

Мы ему разъяснили, что намъ предстоитъ далекій путь, что сегодня мы цѣлый день не ѣли изъ-за неаккуратности завѣдующихъ выпиской, что право на нашей сторонѣ и т. д.

Въ одиннадцать съ половиною часовъ наше требованіе было удовлетворено.

Послѣднее столкновеніе съ тюремнымъ начальствомъ произошло въ Пл-ской тюрьмѣ, куда мы прибыли послѣ 36-ти верстнаго перехода, во время пріема этапа. Когда вызвали пишущаго эти строки, ему предложили снять шапку.

— Что? Шапку? Это еще на какомъ основаніи, спросилъ я.

— Вы стоите передъ начальникомъ.

Отвѣтомъ на это замѣчаніе былъ мой искренній смѣхъ, взбѣсившій тюремщиковъ.

— Я васъ въ карцеръ отправлю! крикнулъ побагровѣвшій начальникъ.

— Силой только вамъ это удастся сдѣлать.

— И меня тогда! вдругъ раздался голосъ. Это отозвался одинъ изъ четырехъ „зачинщиковъ".

— Съ вами не разговариваютъ, вы и не вмѣшивайтесь.

— Его дѣло — мое дѣло.

— Молчать! крикнулъ уже старшій надзиратель. Еще разговариваетъ „пся крэвь"...

— Ахъ ты подлецъ! крикнулъ, подступая къ нему, товарищъ.

Весь этапъ заволновался. Къ нимъ бросился я, за мной начальникъ, за нимъ польскій рабочій, административно ссылаемый на родину. Еще минута и началась бы свалка.

— Конвой! Ружья на изготовку! окружить ихъ!.. Мы были окружены конвоемъ, не знавшимъ, какъ быть. По правиламъ онъ не имѣлъ права подчиняться командѣ начальника тюрьмы, а лишь командѣ своего унтеръ-офицера, который куда-то удалился. Его нерѣшительность и то, что отдѣльнымъ солдатамъ понравился тотъ отпоръ, который расходившіеся тюремщики получили, спасли насъ. Отведя насъ въ отдѣльныя камеры, конвойные говорили:

— Ну и дуракъ же онъ! На изготовку. Да онъ не имѣетъ права...

— А здорово вы его! сказалъ другой.

Какъ только миновала гроза, мы явились въ контору писать жалобу на дѣйствія начальника.

— Вы можете писать. Это ваше право. Но и я также пишу жалобу на васъ, — доложилъ намъ смотритель тюрьмы. Вы не имѣли права отказываться снять шапку. Вѣдь вы идете съ карточкой, на которой вы сняты безъ шапки. А сравнить васъ съ карточкой я могъ, если бы вы были безъ шапки.

— Но тогда вы говорили другое, какъ начальникъ, — отвѣтилъ я. А политическіе не снимаютъ шапокъ, да будетъ вамъ извѣстно.

— Вы хоть и политическіе, но арестанты, которые должны подчиняться дисциплинѣ тюремной.

— Арестанты... Да! Но не забывайте, что вы пока только начальникъ, но не палачъ, а готовы уже были приказать въ насъ стрѣлять, — отвѣтилъ ему товарищъ.

Начальникъ даже поблѣднѣлъ отъ нанесенной ему обиды, но ничего не отвѣтилъ. Утромъ слѣдующаго дня, уже безъ инцидентовъ, мы прибыли въ П. Во время пріема насъ начальникъ этой тюрьмы сказалъ:

— Вы совсѣмъ не такъ страшны, какъ мнѣ писали. Довольно мирны. Если бы вы знали, какіе отзывы о васъ имѣются у меня!..

— Наше поведеніе зависитъ отъ того, какъ насъ встрѣчаютъ и какъ къ намъ относятся.

И съ перваго же дня отношенія эти были приличныя, и наша жизнь мирно текла въ четырехъ стѣнахъ одиночекъ.

ГЛАВА XII.

Физіономія политической тюрьмы 1906 и послѣдующихъ годовъ кореннымъ образомъ разнится отъ тюрьмы предъидущихъ годовъ. Великая революціонная стихія захватила въ свой водоворотъ представителей всѣхъ общественныхъ классовъ Россіи, растворила въ этой сѣрой и расплывчатой массѣ революціонныхъ соціалистовъ, кинула затѣмъ все это въ тюрьмы, обезцвѣтивъ вполнѣ опредѣленную въ революціонномъ отношеніи старую политическую тюрьму съ ея традиціями и отношеніемъ къ начальству.

Въ началѣ 1906 года я увидѣлъ въ тюрьмѣ совершенно отличное отъ того, что видѣлъ раньше. Вся тюрьма раздѣлилась на двѣ части — буржуазную и пролетарскую. При чемъ послѣдняя ненавидѣла первую и проявляла свою ненависть въ такихъ дѣйствіяхъ, какъ экспропріація пищевыхъ продуктовъ.

Традиціи старой общей тюрьмы завѣщали политическимъ арестованнымъ уравнительный принципъ пользованія продуктами. Никто не долженъ получать больше другого, все получаемое идетъ въ общую коммуну, выборные представители которой распредѣляютъ продукты.

Начиная съ 1906 года подъ вліяніемъ попавшихъ въ тюрьму буржуазныхъ элементовъ, а затѣмъ и элементовъ „индивидуалистическихъ“, этотъ принципъ постепенно сходитъ на нѣтъ.

Въ той тюрьмѣ, гдѣ мнѣ пришлось провести начало 1906 года всѣ „буржуи“ собрались въ одной камерѣ, жили припѣваючи, чуть ли не вино пили и именины справляли. Къ нимъ въ гости являлся начальникъ тюрьмы, съ которымъ они были пріятели. Естественно, что подобныя отношенія не нравились пролетаріямъ и революціонерамъ, отношенія марающія честь политической тюрьмы. Къ тому же между тѣми и другими не было даже товарищескихъ отношеній: одни ненавидѣли другихъ. И въ итогѣ — „борьба классовъ“ въ тюрьмѣ. Попытки обсужденія вопросовъ сообща приводили къ скандаламъ, чуть ли не къ побоищу. Несолидарность заключенныхъ была такъ велика, что даже казнь товарища не могла ихъ спаять и двинуть на общій протестъ. Я говорю о казни Ивана Пулихова.

Послѣ конфирмаціи приговора мы ждали его казни съ часу на часъ. Наступила ночь... Во многихъ камерахъ выбрали часовыхъ, которые должны были разбудить тюрьму, если бы Пулихова повели на казнь. Глубокой ночью прокрались палачи къ нему въ камеру и вывели его. Онъ крикнулъ: ведутъ на казнь!..

Загудѣла тюрьма. Ни одинъ не спалъ...

У воротъ онъ крикнулъ: прощайте товарищи!

— Палачи, убійцы! раздался истерическій крикъ.

— Палачи! подхватили другіе, и вся тюрьма превратилась въ ревущее море, сквозь стонъ котораго былъ слышенъ плачъ.

Сквозь темноту ночи до насъ долеталъ стукъ топора, чьи то шаги и приказанія.

— Сколачиваютъ висѣлицу!.. долетаетъ голосъ.

— Гдѣ? Неужели при немъ! Негодяи!

Всю ночь стояли у оконъ товарищи и нѣмымъ взглядомъ осматривали ворота, сквозь которыя онъ ушелъ въ тотъ міръ, откуда нѣтъ возврата.

Его повѣсили на входныхъ воротахъ. Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Утромъ тюрьма дала знать товарищамъ на волю о казни, вывѣсивъ въ окнахъ черныя знамена.

Администрація тюрьмы потребовала убрать ихъ, грозя репрессіями. Тюремные „буржуи“ заволновались, начали убѣждать другихъ, что нужно исполнить приказаніе, что надо избѣжать репрессій, что висѣли знамена порядочно, что дѣло вѣдь не во времени и т. д. Они повели агитацію по всей тюрьмѣ и подѣйствовали на колеблющихся. Революціонно настроенные элементы, не желая подвергать опасности избіенія многихъ „сочувствующихъ“, подчинились большинству.

Послѣ казни Пулихова объявили однодневную голодовку — протестъ. Но „буржуи“ и этотъ протестъ превратили въ формально-бездушную комедію — они никакъ не могли дождаться вечера, когда уже „можно“ будетъ кушать. Еще днемъ они уже сговаривались съ уголовнымъ, чтобы онъ въ такой-то часъ наставилъ самоваръ.

Съ каждымъ днемъ становилось все хуже: дрязги, сплетни, озлобленіе росли. Тюрьма превратилась въ какой то адъ, который обрекалъ многихъ на нравственныя страданія. Но скоро я былъ по недоразумѣнію освобожденъ и довольно долгое время „не попадался“.

———

Встрѣчаясь довольно часто со всѣми максималистскими работниками, бывая часто въ разныхъ районахъ на рабочихъ квартирахъ, сталкиваясь также и съ боевиками, я въ концѣ-концовъ былъ выслѣженъ, какъ ни остерегался. Въ Петербургѣ, гдѣ сыскъ поставленъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ провинціи, гдѣ цѣлые легіоны сыщиковъ къ услугамъ охраннаго отдѣленія, располагающаго велосипедистами, автомобилистами, извозчиками, неотступно ѣдущими за жертвой;

мужчинами и женщинами, городовыми, швейцарами, дворниками, полотерами, проникающими въ разные дома для слѣжки;горничными, лакеями, корридорными въ гостинницахъ и ресторанахъ, — необходимо имѣть гораздо болѣе одной пары глазъ, чтобы услѣдить за собой и не „притащить хвоста" куда либо, или чтобы не захватить его откуда нибудь. Въ выслѣживаніи жертвъ примѣняютъ всевозможныя средства — моментальное фотографированіе, внезапно окликаютъ по старой кличкѣ или фамиліи. Очень опасна стаціонарная система, при которой преслѣдуемаго „передаютъ" съ мѣста на мѣсто, такъ что трудно услѣдить за непрерывно мѣняющимися физіономіями шпіоновъ.

Замѣтивъ разъ слѣжку за квартирой одной изъ лучшихъ работницъ максималистской организаціи, я рѣшилъ ее предупредить объ этомъ. Проникнуть туда незамѣченнымъ было трудно, ибо четыре пары глазъ смотрѣли за этимъ домомъ. И я сдѣлалъ это безъ всякихъ предосторожностей. Вся трудность моего положенія заключалась въ томъ, чтобы потомъ уйти отъ „погони", отдѣлаться отъ „хвоста". Я отправился кружнымъ путемъ, бродилъ по многимъ улицамъ, заходилъ по разнымъ личнымъ дѣламъ, воспользовался проходнымъ дворомъ и думалъ, что исчезъ изъ виду шпіоновъ. По крайней мѣрѣ ни позади, ни спереди, ни съ боковъ никого не видно было, ни извозчиковъ, ни „нищихъ"... Улица была пустынна. Я зашелъ тогда въ переплетную мастерскую, гдѣ брошюровалось 22 тыс. нашихъ книгъ. Когда я вторично туда явился, меня предупредили, что вчера распрашивали у дворника, куда я заходилъ. Слѣдовательно, я былъ выслѣженъ, но какъ? Этого такъ и не удалось узнать.

Черезъ нѣсколько дней въ одномъ изъ переулковъ Петербургской стороны я замѣтилъ слѣдившаго за мной шпика, прятавшаго все время свое лицо. Въ этой мѣстности я не зналъ ни одного проходного двора, приходилось итти въ другую часть города. По дорогѣ я увидѣлъ двухъ извозчиковъ— одного свободнаго, другого лишь освобождавшагося. Я сѣлъ на свободнаго и сказалъ громко, чтобы слышалъ и другой: „вези на Англійскій проспектъ". Шпіонъ, запыхавшись, показался изъ-за угла и, увидя меня на извозчикѣ удалявшимся, пустился бѣжать къ другому извозчику.

При крутомъ поворотѣ мнѣ удалось замѣтить, что позади довольно далеко отъ меня, ѣдетъ кто-то, но кто различить не могъ.

— На Невскій, извозчикъ! сказалъ я...

На Невскомъ была такая давка, экипажей было такъ много, что они еле двигались. Я слѣзъ и быстро направился къ одной конторѣ, имѣвшей ходъ на другую улицу черезъ дворъ какого-то склада, сѣлъ на извозчика, по дорогѣ пересѣлъ на конку и скрылся.

Бросить работу и уѣхать въ другой городъ я не могъ — некому было передать все начатое, всѣ связи, склады, издательство и т. д. Пришлось остаться.

Переночевавъ въ безопасномъ мѣстѣ, я утромъ купилъ себѣ костюмъ, пальто, шляпу, перчатки, палку, ботинки другого цвѣта, пенснэ, потомъ зашелъ къ парикмахеру и привелъ въ порядокъ волосы и бороду, днемъ отправился во вторую парикмахерскую, гдѣ подстригъ бороду клиномъ, а вечеромъ того же дня зашелъ въ третью и побрился. *) Усы закрутилъ à la Головинъ, переодѣлся во все новое, пересталъ являться туда, куда раньше ходилъ и, пробывъ еще мѣсяцъ, уѣхалъ въ Москву.

Здѣсь я встрѣтился со старымъ своимъ товарищемъ, виднымъ работникомъ п. с-р. Соглашаясь во всемъ съ максималистами, онъ, однако. въ виду упорныхъ слуховъ о массѣ провокаторовъ въ Союзѣ с-р. м., не желалъ примыкать къ нему. Мы сговорились начать вдвоемъ совершенно отдѣльную, самостоятельную работу. Но въ это время мнѣ передали, что членъ п. с-р. ищетъ какого либо. члена Союза, чтобы передать ему документы, подтверждающіе существованіе провокаторовъ въ Б. О. (Дѣло шло о С. Рыссѣ и о его якобы двухъ помощникахъ) Не найдя никого въ Москвѣ, онъ уѣхалъ по дѣламъ партіи въ Петербургъ. Я отправился его розыскивать.

Максималистская организація была уже въ это время сильно разгромлена. По старымъ адресамъ ходить было опасно.

---

*) Одинъ знакомый сказалъ мнѣ, будто при Треповѣ былъ изданъ приказъ, которымъ парикмахеры обязывались доносить въ полицію о всѣхъ, брѣющихъ длинныя бороды.

— Гдѣ же ночевать? спросилъ я, сидя вечеромъ у знакомыхъ. Оставаться здѣсь — безумно, а итти некуда.

Въ это время явилась одна дама, немного мнѣ знакомая. Узнавъ мое положеніе, она предложила прибѣгнуть къ послѣднему средству: ночевать въ гостинницѣ съ „дамой“, роль которую она согласилась взять на себя.

— Второй разъ мнѣ приходится быть въ такомъ положеніи. Вашего же товарища спасала. Паспорта никакого не требуется.

Первая ночь прошла благополучно. Не найдя с-р-овъ, приходилось вторично ночевать въ П. И я рѣшилъ рискнуть: пойти на одну изъ старыхъ квартиръ. Въ эту ночь я и былъ арестованъ.

За время моего заключенія въ одиночной Петербургской тюрьмѣ я съ помощью тюремной азбуки велъ непрерывныя бесѣды съ рядомъ со мною сидящими. Физіономія этихъ революціонеровъ-индивидуалистовъ настолько необыденна, что я передамъ на страницахъ моихъ записокъ все, что они мнѣ стучали, и обрисую вкратцѣ ихъ обликъ.

Я не зналъ ихъ фамилій и, по разъ принятому для себя правилу, не спрашивалъ ихъ, кто они, что они. Я назову одного изъ нихъ Николаемъ Осокинымъ, другого — Яковымъ Быстровымъ.

——

Въ первые дни своей тюремной жизни Осокинъ думалъ лишь о смерти, о мужественной смерти революціонера. Но на седьмой день ему намекнули, что онъ могъ бы спасти себѣ жизнь, если бы захотѣлъ; болѣе того, онъ могъ бы очутиться даже на свободѣ.

Онъ понялъ... Понялъ и промолчалъ...

И съ тѣхъ поръ, вернувшись въ свою маленькую, темноватую камеру, онъ почти непрерывно шагаетъ по ней, по временамъ останавливаясь у окна и смотря сквозь рѣшетку на голубое небо, напоминавшее ему о жизни...

Онъ шагаетъ взадъ и впередъ, преслѣдуемый одной мыслью: для построенія храма будущаго допустимы *всѣ* средства.

Съ того памятнаго часа эта мысль преслѣдуетъ его упорно, неотступно и днемъ и ночью, она сверлитъ его мозгъ, не

давая ни на чемъ другомъ сосредоточиться. Онъ перестал ъ интересоваться судьбой своихъ товарищей, пересталъ отвѣчать на ихъ стукъ. Лишь шагаетъ изъ конца въ конецъ, изрѣдка хватаясь за голову, горячую и больную, изрѣдка произнося вслухъ отдѣльныя слова, отрывочныя фразы, по которымъ можно было догадаться о мучившей его мысли.

На его большомъ, красивомъ, блѣдно-матовомъ лбу появи лись характерныя складки глубокаго раздумья. Рѣзкая вертикальная борозда прорѣзала лобъ, болѣе мелкія радіусами легли вокругъ глазъ.

Когда ноги переставали ему повиноваться, онъ садился на низенькую, привинченную къ стѣнѣ кроват и, опустивъ голову на руки, просиживалъ, не двигаясь, цѣлые часы.

Жандармъ, часто заглядывавшій въ волчекъ, не разъ шопотомъ передавалъ кому-то о странномъ поведеніи арестанта.

За первые семь дней передъ нимъ прошла вся его жизнь. Вспомнилъ онъ свои бурные студенческіе годы, тотъ кружокъ, въ которомъ онъ вращался и душой котораго онъ былъ. Вспомнилъ и о томъ вліяніи, какимъ онъ пользовался въ студенческой средѣ, на сходкахъ и въ кружкахъ... Вспомнилъ и о своихъ столкновеніяхъ съ начальствомъ во время безчисленныхъ академическихъ „исторій", и о своихъ скитаніяхъ послѣ увольненій, и о возвратѣ въ родную студенческую семью.

Вспомнилъ онъ и другой періодъ своей жизни — періодъ подпольный. Онъ организаторъ подпольныхъ рабочихъ кружковъ, онъ пропагандистъ, онъ агитаторъ... Вотъ онъ на трибунѣ-пнѣ въ лѣсу, передъ нимъ масса рабочихъ съ устремленными на него жадными глазами, ждущими отъ него разрѣшенія многихъ непонятыхъ ими вопросовъ жизни. Его слово ясно, убѣдительно, популярно. Съ затаеннымъ дыханіемъ прислушиваются къ его рѣчи объ антагонизмѣ труда и капитала, о столѣтіями продолжающейся борьбѣ между ними, о современномъ стремленіи рабочаго класса уничтожить эксплоатацію человѣка человѣкомъ, о необходимости борьбы подъ краснымъ знаменемъ возстанія... Онъ вспомнилъ какъ воодушевлялись они, измученные трудомъ дня, какъ горѣли ихъ глаза къ концу его рѣчей, какъ они готовы были итти за нимъ по первому его зову.

Его имя было популярно въ рабочей средѣ; куда бы онъ ни являлся, вездѣ онъ заслуживалъ любовь и уваженіе,—вездѣ онъ былъ братъ и товарищъ.

Знали его желѣзную волю, знали его непримиримое отношеніе къ врагамъ труда, для которыхъ у него не было мягкаго слова — для нихъ онъ не зналъ пощады, онъ не ждалъ ея и для себя.

Онъ вспомнилъ, наконецъ, самый важный и опасный періодъ своей жизни, когда отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу. Какъ долго не рѣшался онъ!.. Да гожусь ли я? не разъ спрашивалъ онъ себя... Не дрогну ли? Но принявъ рѣшеніе, онъ всегда былъ впереди всѣхъ. Онъ никогда не посылалъ другихъ, а шелъ съ ними рядомъ. Сила наша, говорилъ онъ, въ довѣріи другъ къ другу. Довѣріе — въ равенствѣ: и на полѣ битвы, и передъ лицомъ смерти, и въ радости, и въ печали...

Всю свою недолгую и тревожную жизнь онъ провелъ въ полномъ согласіи съ выкованными имъ въ горнилѣ революціонной практики идеями, въ полной гармоніи оъ разработанными имъ для себя, для своей работы теоріями. Онъ ни разу не отступилъ отъ признаваемыхъ имъ взглядовъ. Всѣ свои шаги онъ всегда подчинялъ тѣмъ святымъ идеаламъ, на алтарь которыхъ онъ готовъ былъ принести въ жертву свою молодую, многообѣщавшую жизнь. Онъ шелъ всегда прямо къ цѣли, безъ компромиссовъ съ врагомъ, безъ страха глядя въ ожидавшее его „завтра". И въ первый разъ теперь, почти на порогѣ смерти, преслѣдуетъ его одна мысль: для построенія храма будущаго допустимы *всѣ* средства.

Онъ стоитъ у окна своей камеры и смотритъ во дворъ тюрьмы. Мысли его заняты все тѣмъ же: допустимо ли?

— Но повѣрятъ ли тебѣ на слово, тебѣ „извѣстному", тебѣ съ такимъ прошлымъ, тебѣ не знавшему пощады для своихъ враговъ?

— Да, не повѣрятъ... тогда...

При одной этой мысли холодный потъ выступилъ у него на лбу, дрожь пробѣжала по всему тѣлу и онъ зашагалъ...

— Развѣ были у меня когда либо такія мысли, развѣ прежде онѣ могли появиться? Почему же теперь я въ ихъ власти? Почему онѣ лѣзутъ, лѣзутъ, лѣзутъ? Почему?

— Жизнь прекрасна и жить такъ хочется...

—Хочется знать, чѣмъ кончится эта геройская борьба народа, что будетъ въ ближайшемъ будущемъ, кто побѣдитъ, какъ пойдетъ развитіе родины, по какому пути... А послѣ смерти — ничего, ничего... Какъ хочется жить, жить и бороться!..

— Ну, а если повѣрятъ слову, если повѣрятъ? Почему не сдѣлать шага? Почему? что запрещаетъ? Развѣ можетъ случиться, чтобы я измѣнилъ тому залитому кровью знамени, подъ которымъ я такъ долго стоялъ? Всѣ знаютъ, что этого не можетъ быть... И всѣ меня поймутъ... У нихъ и мысли не будетъ объ измѣнѣ,..

— Не будетъ? Почему? Развѣ они не будутъ имѣть права сказать: трусъ! Когда ты придешь къ нимъ и разскажешь, какъ ты избѣжалъ смерти, развѣ они не будутъ имѣть права сказать: трусъ! испугался черной пасти смерти, могильнаго холода небытія, испугался и... предалъ... Предалъ идею, загрязнилъ чистое доселѣ знамя. Нѣтъ тебѣ мѣста въ нашихъ рядахъ, подъ нашимъ знаменемъ борьбы, борьбы во имя освобожденія народа. Иди своей дорогой!..

— Что же потомъ? Скрыться совсѣмъ отъ всѣхъ, отъ друзей и отъ враговъ? Скрыться — оставить поле битвы? Скрыться — оставить борьбу, во имя которой я жить хочу?..

— Остаться... Воспользоваться положеніемъ и нанести ударъ... Но развѣ „ихъ“ проведешь? Развѣ они не потребуютъ сейчасъ же работы, дѣла, а не словъ! Потребуютъ, потребуютъ... Что же будешь ты дѣлать тогда, къ чему прибѣгнешь, чтобы продолжать „игру“, чтобы использовать положеніе, чтобы быть честнымъ предъ собой.

Онъ уткнулся лицомъ въ подушку, заткнулъ уши, какъ бы не желая слышать словъ неотвязчивыхъ, ужасныхъ, надоѣдливыхъ, отравляющихъ его душу и покой... Но вдругъ онъ вскочилъ... Глаза горѣли дикимъ блескомъ отваги и рѣшимости, лицо было блѣдно...

Нѣтъ! Мои мысли — измѣна, предательство. Мои мысли — жестокій, незаслуженный ударъ всему, чему поклоняюсь, ударъ тому стягу, который незапятнаннымъ переходитъ изъ рукъ въ руки вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Временное ликованіе „ихъ“ по поводу моей „измѣны“ нельзя будетъ ничѣмъ предотвратить, нельзя будетъ громко крикнуть, что „они“ ошибаются, что мое паденіе фиктивно, что это одинъ

изъ маневровъ непріятеля. Они этого не будутъ знать, и используютъ мое согласіе въ своихъ цѣляхъ. И „нейтральные“, видя фактъ, повѣрятъ „имъ“, а не мнѣ, „имъ“, а не намъ. Они обобщатъ этотъ шагъ, перенесутъ его на всѣхъ... Ядъ недовѣрія отравитъ ихъ души. И не только ихъ, а главное — души многихъ активныхъ борцовъ.

Наши предшественники были сильны не только вѣрой въ народъ, въ знамя истины, не только ненавистью къ настоящему, но еще и своей душевной цѣльностью; кристальная чистота ихъ души была талисманомъ, спасавшимъ отъ мукъ сомнѣній — отъ подобныхъ думъ. И ихъ уважали... Ихъ казнили, какъ разрушителей, какъ могильщиковъ существующаго, но ихъ уважали даже враги... И въ этомъ было ихъ передъ нами преимущество. Поэтому къ нимъ не осмѣливались подходить съ... „предложеніями“. А къ намъ? Осмѣливаются... потому, что мы люди толпы, люди массы, люди обыкновеннаго, взялись за дѣла великія, за дѣла не по нашимъ силамъ. Мы давно уже раздвоились... Они это видятъ и спѣшатъ изъ этой великой трагедіи нашей души получить барышъ. А мы, цѣпляясь за грязную соломинку, попадаемъ на услужливо брошенный намъ предательскій крючекъ, и въ итогѣ — потеря былого обаянія въ обществѣ, потеря уваженія у враговъ, потеря идеей увлекательности, красоты, мощи и... постепенная смерть самой идеи...

Нѣтъ! Мы не строители будущаго, мы даже и не разрушители настоящаго, ибо не разрушители тѣ, кто думаетъ о спасеніи своего тѣла, о спасеніи своей жизни.

Онъ сидитъ на столѣ, болтая ногами и насмѣшливо смотря въ глаза тому, съ кѣмъ недавно еще хотѣлъ вступить въ неравный бой...

Жандармскій ротмистръ съ красивымъ, довольнымъ и наглымъ лицомъ побѣдителя жадно слѣдитъ за своей жертвой. Глаза, черные глаза впиваются въ душу, хотятъ вскрыть затаенныя думы побѣжденнаго.

— Вамъ грозитъ очень тяжелое наказаніе...

— Ну! Въ самомъ дѣлѣ? И что же?

— Вы какъ будто легко относитесь къ своей судьбѣ. Развѣ для васъ все равно, жить или умереть?

— Нѣтъ, не все равно. Жить лучше, чѣмъ быть съѣденнымъ червями... Наивный вопросъ...

— Ну вотъ, стоитъ лишь вамъ искренно раскаяться, и мы не отдадимъ васъ червямъ... Посмотрите вотъ на это, не узнаете ли кого?

— Какъ же, знаю, очень хорошо знаю!.. *Это* — студентъ университета.

— Ну?

— Ну и... арестованъ за революціонную пропаганду...

— Откуда вамъ это извѣстно? Вы съ нимъ знакомы?

— Откуда? Онъ снятъ въ студенческой формѣ - значитъ студентъ. Карточка у васъ - значитъ арестованъ. Ха-ха-ха! А вы подумали - даетъ „откровенныя показанія", рѣшился, наконецъ, перейти во вражескій станъ. Скажите, какъ вы сами относитесь къ такимъ измѣнникамъ, худшимъ изъ худшихъ? Вѣдь вы имъ не довѣряете, не можете довѣрять, —ибо они служатъ за страхъ, а не за совѣсть. Развѣ въ вашемъ лагерѣ есть убѣжденные люди? Нѣтъ, у васъ все люди купленные... Ну-ка, купите меня! Сколько вы мнѣ предложите? Оцѣните меня, мою цѣну въ революціи вы установите. Но знайте, дорогъ я и дешево людьми не торгую.

— Оцѣнить мы васъ сумѣемъ! Но раньше докажите вашу готовность откупиться.

— Видите ли, мы находимся въ неравныхъ условіяхъ — я плѣнникъ, вы тюремщикъ. Договоръ между нами - договоръ между неравными сторонами. И я вправѣ буду данное здѣсь вамъ слово нарушить. Вотъ почему я хочу сказать „да" или „нѣтъ" не подъ мечемъ смерти. Освободите меня сейчасъ и этимъ докажите *свою* искренность. Вѣдь и я вамъ нисколько не вѣрю. Гдѣ гарантія, что мое чистосердечное „раскаяніе" вы не обратите впослѣдствіе противъ меня же? Гдѣ?

— Гарантія? Зачѣмъ она вамъ? Освободиться отъ васъ мы и такъ сумѣемъ. Уликъ противъ васъ и такъ достаточно. Вотъ вамъ и настоящая гарантія. А освободить васъ... Если бы отъ меня зависѣло... пожалуй, рискнулъ бы.

— Ха-ха! Вотъ видите - рискнулъ бы! Значитъ не довѣряете... Кончимъ разговоръ. Другъ друга мы не обманемъ, не проведемъ.

Осокинъ отвернулся къ окну и подумалъ: зачѣмъ я вступилъ съ нимъ въ разговоръ да еще въ такомъ тонѣ? Правда,

для меня разговоръ не опасенъ, но... вѣдь онъ недопустимъ, для всѣхъ оскорбителенъ. Еще на самомъ дѣлѣ подумаетъ... Выгнать его, крикнуть, вылить все возмущеніе свое противъ всѣхъ ему подобныхъ, все негодованіе свое противъ этихъ убійцъ „по закону", весь вопль души своей противъ виновниковъ ужасовъ жизни...

— Не упорствуйте, скажите только.

— Ничего я не скажу! Оставьте меня... Вамъ не понять, что есть гораздо болѣе цѣнное для человѣка, чѣмъ жизнь — честь!

Онъ остался одинъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ?! Зачѣмъ я не оборвалъ его тогда же, при первомъ намекѣ? Зачѣмъ я далъ ему возможность и право вторгаться сюда, говорить, какъ равный съ равнымъ? Что мной руководитъ? Боязнь смерти? Жажда жизни? Даже посмѣяться надъ нимъ мнѣ не удалось! Смѣяться такъ, чтобы черезъ этотъ смѣхъ онъ чуялъ презрѣніе ко всему ихъ міру, ненависть ко всѣмъ сытымъ и довольнымъ, ко всѣмъ мѣщанамъ духа и морали. Чтоже меня удерживаетъ? Неужели лучъ надежды?

—Нѣтъ, нѣтъ...

—Къ чему же вся эта двойственность, безпринципность некрасивая и позорная?

——

Ночь... Онъ лежитъ, закутавшись въ одѣяло, но не спитъ. Все та же мысль его мучитъ.

Въ камеру вошелъ жандармъ. Осокинъ сѣлъ.

— Зачѣмъ вы пришли, что вамъ надо? Зачѣмъ вы не даете покоя даже ночью? Вы думаете чего либо достигнуть своимъ хожденіемъ, надоѣданіемъ! Ошибаетесь! Ошибаетесь горько. Я никого не выдамъ! Никого!.. Ни-ко-го!.. Слышите, никого! Больше я не произнесу ни слова. Уходите!

— Не горячитесь, г. Осокинъ. Зачѣмъ нервничать? Вѣдь насилія надъ вами не производятъ. Вы не спите, все равно не спите. Мы это знаемъ. Я и пришелъ сказать вамъ, что есть еще время, ибо вамъ грозитъ...

— Оставьте меня въ покоѣ!

— Вамъ грозитъ смертная казнь.

— Убирайтесь вонъ! Убійцы!..

Онъ упалъ на постель въ припадкѣ дикой злобы и жажды мести тому міру, который храмъ настоящаго строитъ на человѣконенавистничествѣ, порабощеніи и издѣвательствѣ.

— Кто они издѣвающіеся надъ нами?

—Наступитъ ли день, когда не будетъ продажныхъ, торгующихъ своей совѣстью и честью ради услажденія брюха, ради роскоши, разврата. Наступитъ ли день, когда прекратится торговля своимъ человѣческимъ достоинствомъ, своею личностью ради алчныхъ аппетитовъ кучки звѣрей, ради укрѣпленія царства дикарей!.. Наступитъ ли?

Всю ночь онъ метался въ постели. Лишь подъ утро заснулъ. тревожнымъ сномъ.

Онъ всталъ разбитый, усталый, съ головной болью, общимъ упадкомъ силъ и сразу вспомнилъ ночной визитъ, свой поступокъ,и взяло его раздумье. Не надо горячиться; это слѣдствіе безсилія духа. Надо быть хладнокровнымъ и совершенно не отвѣчать на приставанія. Вести себя такъ, какъ будто онъ — „пустое мѣсто“. Это лучшая тактика въ подобномъ положеніи. Оградить себя отъ подобныхъ оскорбленій силой невозможно здѣсь, здѣсь, гдѣ чувствуешь себя связаннымъ, гдѣ крылья подрублены...

„Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,
„Вскормленный на волѣ орелъ молодой...

запѣлъ сосѣдъ...

— Нельзя пѣть! Сойди съ окна! Раздался окрикъ часового. Сойди! Стрѣлять буду!..

Вотъ она темная сила, подумалъ Осокинъ и возбужденно зашагалъ по камерѣ.

— Но... *можно* заставить его уйти и не возвращаться... *можно*. А потомъ? Потомъ грубая кулачная расправа, быть можетъ пытки, издѣвательство. Кровавые руки будутъ хлестать по лицу, по щекамъ, будутъ бить сапогами, рвать волосы...

—Выдержу ли я звѣрство изступленныхъ палачей! Не лучше ли молча терпѣть *его* присутствіе, чѣмъ не сумѣть молчать *тогда*, не сумѣть отвѣтить молчаливымъ презрѣніемъ на физическую боль?..

И онъ молчалъ... Молчалъ терпѣливо... А „тотъ“ ежедневно появлялся, усаживался на единственной скамейкѣ и говорилъ... говорилъ...

— Потускнѣла нѣкогда яркая ваша идея, полиняло нѣкогда красное ваше знамя... порозовѣло... Широта революціоннагодвиженія не пошла вамъ на пользу, на пользу революціи. Отдѣльные ручейки, которые вливались въ море народнаго гнѣва, помутнѣли, засорились, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загрязнились...

Вы идеализировали народъ, а онъ не только „фефела", онъ нѣчто худшее,—онъ грубый эгоистъ, жестокій. Посмотрите, какъ онъ реагировалъ на событія. Мало того, что онъ не выступилъ въ защиту представителей своихъ, онъ отвернулся и отъ тѣхъ, кто жизнь за него отдаетъ: отвернулся отъ васъ, ибо вы не дали ему синицы въ руки... Онъ отвернулся, ибо увидѣлъ, что сила внѣ васъ. Онъ пошелъ теперь за той силой, отъ которой надѣется что либо получить, и противъ которой вы боретесь. За чечевичную похлебку онъ продалъ право первородства. Народъ не идеалистъ, а матеріалистъ грубый, пошлый. Онъ продастъ васъ, если ему будетъ это выгодно. Онъ грубый индивидуалистъ, жестокій тиранъ, ярость котораго вы не разъ чувствовали. И теперь не мѣсто вамъ въ народѣ— тамъ васъ ждетъ месть обманутыхъ вами, месть тѣхъ, кто недавно вамъ довѣрялъ, месть тѣхъ, отъ которыхъ мы должны васъ защищать...

Вы вѣрили въ интеллигенцію. Гдѣ она теперь въ моментъ упадка, въ тотъ моментъ, когда ея голосъ необходимъ? Гдѣ она? Что ее интересуетъ, чѣмъ увлекается? Порнографіей, санинизмомъ, голымъ тѣломъ, красивыми ногами, бедрами и дѣвичьей грудью... Что интеллигентскіе писатели воспѣваютъ? Народъ? Пролетаріатъ? Героевъ? Отдѣльныя проявленія героической части соціалистической интеллигенціи и пролетаріата?—Они воспѣваютъ распущенность, развратъ, насиліе... Они увлеклись ,,проблемой пола", односторонне-грубо преломленной въ ихъ головахъ. На что направляются лучшія дарованія? На рѣшеніе политико-экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, вопросовъ равенства и свободы! Нѣтъ! на проповѣдь равноправности женщины въ сферѣ половой разнузданности...

Гдѣ ваша молодежь, ,,соль земли", ,,цвѣтъ страны"? Она ушла изъ стана погибающихъ, переметнулась въ станъ веселящихся — въ публичные дома, отдѣльные кабинеты,

сады и шантаны. Она разочаровалась въ революціи и, лишь только вчерашній кумиръ былъ сверженъ, приняла участіе въ оргіи, устроенной на его трупѣ...

Всмотритесь въ тѣхъ, кто проповѣдуетъ царство свободы, равенства и братства. Посмотрите, примѣняютъ ли они въ своей собственной жизни эти принципы. Гдѣ у нихъ равенство! Среди нихъ есть бѣдные и богатые. Есть „товарищи", которые живутъ роскошно, ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, живутъ такъ, какъ не удается многимъ врагамъ „товарищей". Есть и такіе, которые буквально пухнутъ съ голоду... И часто они сидятъ рядомъ—сытые рядомъ съ голодными, одѣтые въ лохмотьяхъ рядомъ съ шикарными и блестящими, измученные трудомъ рядомъ съ самодовольными бездѣльниками...

А куда дѣлось равенство? Тамъ царитъ культъ личностей и революціонный карьеризмъ. Посмотрите, какъ покорныхъ „верхамъ" выдвигаютъ, какъ ихъ устраиваютъ и помогаютъ взобраться на вершину партійной лѣстницы и какъ придавливаютъ громко вскрывающихъ внутреннія язвы, какъ убиваютъ въ нихъ иниціативу, какъ заставляютъ молчать или, въ противномъ случаѣ, убираться вонъ изъ „братской" семьи. Чѣмъ ваше начальство лучше нашего—бюрократическаго? И у васъ вырабатываются деспоты, разъ имъ попадаетъ власть въ руки. Они такъ же нетерпимы и такъ же отлучаютъ отъ своей церкви, такъ же требуютъ повиновенія. Тамъ также господа и рабы, тамъ такое же лакейство, такое же заискиваніе и такая же боязнь быть лишеннымъ чести. Какъ легко это тамъ дѣлается?.. Сколько напрасныхъ жертвъ? Тамъ та же протекція, то же значеніе связей, та же власть денегъ... Да, это такъ?.. И не надо вамъ закрывать глаза: требованія жизни вытѣснили идею изъ ея окоповъ. Идея теперь—маякъ мерцающій...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней жандармскій ротмистръ возвращался къ этой темѣ... Нѣсколько разъ онъ пытался вызвать Осокина на разговоръ...

Осокоинъ молчалъ и смотрѣлъ въ окно, какъ будто онъ былъ одинъ. Лишь непрерывное постукиванье пальцемъ въ окно слегка выдавало его волненіе. Хотѣлось крикнуть:

ложь, клевета!.. Но страшнымъ напряженіемъ воли, онъ сдерживалъ себя и продолжалъ барабанить по стеклу.

На разсвѣтѣ двадцатаго дня онъ былъ казненъ...

———

Съ перваго же дня своего ареста Яковъ Быстровъ рѣшилъ бѣжать изъ тюрьмы, бѣжать во что бы то ни стало. Но, попавъ въ одиночку, онъ понялъ, что ему не уйти...

— Не уйти!.. Умереть... За что? Я еще такъ мало сдѣлалъ... Почти ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ бы сдѣлать... Я могъ бы нанести рядъ страшныхъ ударовъ врагамъ, рядъ ударовъ, отъ которыхъ они не такъ быстро оправились бы. Я чую въ себѣ на это силы, умѣніе и способности...

Онъ прислонился къ окну и внимательно осмотрѣлъ дворъ. Внизу расхаживалъ часовой...

— Не уйти!.. Неужели сдаться, не попробовать увидѣть воли, товарищей, не испытать вновь счастья борьбы, счастья видѣть растерянность враговъ, ихъ ужасъ передъ градомъ ударовъ, направляемыхъ невѣдомой рукой? Неужели отсюда одна дорога — на висѣлицу?

Онъ снова посмотрѣлъ во дворъ. Внизу стоялъ часовой и слѣдилъ за окномъ его камеры. Онъ повернулся и замѣтилъ глазъ корридорнаго надзирателя въ волчкѣ...

—Не уйти, не уйти!..

—Онъ задумался надъ блеснувшей вдругъ мыслью.

Путь опасный... Опасный во всѣхъ отношеніяхъ. Но мнѣ ли останавливаться предъ опасностью, мнѣ ли раздумывать о послѣдствіяхъ? Могутъ ли они быть плохими, если это останется тайной, будетъ извѣстно немногимъ избраннымъ, не сдѣлается достояніемъ массы, чтобы не вызвать подражанія... Это орудіе въ рукахъ слабыхъ наноситъ имъ же ударъ... Это—палка о двухъ концахъ. Лишь смѣлые духомъ, сильные волей способны управлять ею, способны этимъ путемъ ковать счастье родины. И я буду ковать!... Вы почувствуете еще мою силу! Не думайте, что меня такъ легко побѣдить!.. Еще поборемся!..

Но... какъ отнесутся тѣ, кто остался тамъ... на посту, какъ доказать имъ всю необходимость въ данное время подобныхъ шаговъ?.. Какъ доказать имъ, что это одинъ изъ

лучшихъ путей борьбы. Я предвижу тотъ градъ обвиненій въ забвеніи революціонныхъ традицій, принциповъ, въ отсутствіи твердыхъ устоевъ соціалистической морали, въ авантюризмѣ и тому подобныхъ „грѣхахъ", которые на меня посыпятся изъ устъ правовѣрныхъ. Тяжела будетъ борьба противъ моихъ обвинителей!.. Что же дѣлать? Сдаться?.. Умереть? Умереть гордо, бросивъ своей смертью вызовъ врагамъ?..

* * *

Жребій брошенъ... Мнѣ ли бояться послѣдствій!

Мнѣ ли объявившему войну современному всесильному Богу — капиталу; мнѣ ли призывавшему народъ къ полному разрушенію существующаго во имя созданія храма будущаго на основѣ свободы и любви человѣка къ человѣку....

Мнѣ ли отрицающему власть, законъ, право — основы современнаго рабства, религію, своимъ авторитетомъ поддерживающую тотъ строй, который сотни милліоновъ обрекаетъ на умственное и нравственное вырожденіе.

Мнѣ ли поднявшему знамя бунта противъ всѣхъ понятій и идеаловъ современнаго общества, придуманныхъ господами для обузданія дерзкой воли рабовъ; осмѣивавшему и дерзко попиравшему буржуазную мораль и идею долга, выгодную только сильнымъ, примѣняемую противъ слабыхъ.

Мнѣ ли, бичевавшему слабыхъ за кротость и терпѣніе, богатыхъ — за ненависть, жадность, грубость, жестокость; доказывавшему, что современное общество держится на лжи, измѣнѣ, продажности; разрушавшему мощнымъ словомъ основы семьи, и добродѣтели.

Мнѣ ли, повергшему во прахъ всѣ эти старые предразсудки, поднявшему красное знамя свободы во имя творчества новыхъ формъ жизни, прекрасныхъ и справедливыхъ, гдѣ сольются въ единую гармонію любовь, братство и счастье, гдѣ, исчезнетъ даже понятіе о преступности, обманѣ и зависти.

Мнѣ ли не посягнуть на рожденную понятіями секты мораль!

Кто отрицаетъ само понятіе долга, какъ религію господъ, тотъ не можетъ признавать долгъ революціонный....

Кто зоветъ къ борьбѣ во имя полной свободы, тотъ не можетъ быть рабомъ партіи. А я, какъ будто, боюсь, боюсь ее

ослушаться, не смѣю свободно поступать, какъ хочу; меня какъ будто гнететъ мысль, что она отъ меня отшатнется... Значитъ съ ея взглядами и понятіями я считаюсь, ея мнѣніемъ интересуюсь.

Я не свободенъ, я рабъ!..

Я рабъ, какъ и всѣ говорящіе лишь о красотѣ будущаго!..

Я ничѣмъ не отличаюсь отъ жрецовъ умѣренности и аккуратности!....

Я боюсь, какъ и эти послѣдніе, смѣлыхъ выводовъ человѣческаго разума!

Я рабъ выработанныхъ другими доктринъ, держащихъ въ уздѣ выгодной имъ морали смѣлыхъ разумомъ и дерзкихъ волей, господствующихъ надъ ихъ душой, ихъ сердцемъ и волей!..,

Я рабъ тѣхъ идеаловъ-идоловъ, которыхъ я давно разбилъ и бросилъ въ сорный ящикъ мѣщанства. Я преклоняюсь передъ ними, окружаю ореоломъ величія и культомъ красоты!

Я нахожусь во власти ихъ и потерялъ способность свободно и логично мыслить и разсуждать!..

Нѣтъ! Я рву сковавшія меня путы условной морали, я сообразуюсь лишь съ требованіями того красиваго земного храма, построить который я призывалъ все отважное, дерзкое, смѣлое и могучее!...

Я рву окутавшую меня паутину новой, но не общечеловѣческой, корпоративной морали..

Бойтесь кастовой психологіи, губительной для великаго дѣла будущаго!..

Бойтесь культа личностей!.

Бойесь старыхъ путей. Идите смѣло новыми для завоеванія царства равенства на землѣ!

Дерзайте!..

ГЛАВА XIII.

Отъ С. Александровскаго до г. Якутска наша партія политическихъ административно-ссыльныхъ ѣхала 28 сутокъ. Въ теченіе этого времени мы имѣли возможность знакомиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ настроеніемъ сибирскаго крестьянства, съ его отношеніемъ къ современному*) по-

*) Относится къ началу 1908 г.

ложенію вещей, къ политическимъ партіямъ, ихъ лозунгамъ и программамъ, къ правительству и его мѣропріятіямъ и т. д. И это ознакомленіе было довольно детальное, ибо въ теченіе 28 дней мы чувствовали себя не арестованными, гонимыми въ далекую и холодную восточную Сибирь, а скорѣе вольными пропагандистами, мчащимися изъ села въ село, ведущими непрерывную проповѣдь идей соціализма и революціонной борьбы народа противъ самодержавія и капитала.

Эта „вольность“ не была взята нами съ бою. Нѣтъ! Это была счастливая случайность, слѣдствіе цѣлаго ряда обстоятельствъ, среди которыхъ боевой составъ нашей партіи занималъ послѣднее мѣсто, а первое—„сознательность“ конвоя, ни разу не пожелавшаго быть орудіемъ въ рукахъ жандарма, начальника конвоя, въ первые дни нашего невольнаго путешествія пытавшагося показать силу своей надъ нами власти. Кромѣ того у самого „начальника“ конвоя не доставало для роли сгибателя въ баранній рогъ ни характера, ни энергіи, ни умѣнія. Лучшей его характеристикой служитъ столкновеніе съ писаремъ—женщиной на одномъ изъ станковъ послѣ Олекминска. Она оказалась очень бойкой и энергичной. Крестьяне и нахвалиться не могли ея работоспособностью и самостоятельностью. Съ ихъ словъ, она—изъ „опростившихся“, вышла замужъ за крестьянина, который вскорѣ умеръ. Осталась она съ дѣвочкой безъ средствъ,—ее и выбрали въ писаря. Это дѣйствительно была „бой-баба“. И остроту ея зубовъ почувствовалъ нашъ „начальникъ партіи“, какъ любилъ называть себя жандармъ. Увидя передъ передъ собой „бабу“, онъ прикрикнулъ, чтобы лошади были немедленно готовы.

— Не кричи, отвѣтила она. Здѣсь нѣтъ твоихъ подчиненныхъ. Ишь, разорался дармоѣдъ!

„Начальникъ“ опѣшилъ. Онъ не ожидалъ такого отпора, а, главное, такого „свирѣпаго“ лица, дышавшаго ненавистью къ „синему мундиру“.

— Почему вы требуете только 16 лошадей? спросила она, узнавъ отъ насъ, что крестьяне села Солянскаго настояли на 22-хъ.

— Мнѣ отпущены деньги на шестнадцать, смиренно, понизивъ тонъ, отвѣтилъ жандармъ.

— А намъ какое дѣло, что отпущено! Полагается 22, такъ плати...

Долго длился споръ, но никто, кромѣ ,,высшаго начальства" его рѣшить не могъ, и она сдалась, предварительно обругавъ ихъ всѣхъ прохвостами и кровопійцами. Въ отместку она запрягла жандарму какую-то клячу въ ,,корыто", а не въ сани, такъ что нашъ ,,начальникъ" пріѣхалъ на слѣдующій станокъ позже всѣхъ и до того измученный, что долженъ былъ не въ очередь подкрѣпить свои силы. И это ,,издѣвательство" ,,бабы" онъ принялъ, какъ должное, безъ протеста, безъ спора...

Отношенія между нами и конвоемъ установились чисто дружескія. Этому способствовало еще и то, что мы для нихъ сдѣлали все, чего не сдѣлало начальство, посылая въ такой суровый путь.

Въ сибирскіе декабрскіе морозы конвой былъ посланъ сопровождать насъ въ легкой одеждѣ: въ буркахъ вмѣсто катанокъ, безъ барнаулокъ, выдаваемыхъ даже намъ — „арестантамъ", безъ дохъ, а въ короткихъ полушубкахъ подъ шинелью. Вмѣсто мѣховыхъ рукавицъ—рукавицы изъ чернаго сукна. О назначеніи ихъ въ конвой они узнали утромъ, а часа въ четыре того же дня выѣхали, такъ что не успѣли приготовиться. И они буквально замерзали въ дорогѣ.

Мы начали агитацію на этой почвѣ и въ концѣ концовъ добились того, что въ Киренскѣ конвойные солдаты категорически потребовали теплой одежды. Они получили только катанки и не переставали коченѣть вплоть до Якутска, не смотря на наше рѣшеніе устраивать ихъ на ночь въ кошевѣ. По очереди каждый изъ трехъ, находившихся въ ней, уступалъ свое мѣсто конвойному, а самъ садился на козлы рядомъ съ ямщикомъ, бралъ ружье въ руки и „охранялъ" и товарищей своихъ, и конвойнаго. Почти во всѣхъ кошевахъ солдаты часть ночи спали.

Когда рѣшался вопросъ о ночевкѣ въ какомъ либо мѣстѣ, голосовали вмѣстѣ со всѣми и солдаты, нерѣдко разрѣшавшіе споръ между двумя частями партіи—ѣхать или отдыхать.

Понятно, жандармъ былъ безсиленъ и его приказанія просто не исполнялись. Онъ это сознавалъ и велъ себя тише воды, ниже травы.

И вотъ, благодаря такому „стеченію обстоятельствъ“, мы не только избѣгали „исторій“, вызываемыхъ, чаще всего, грубостью начальника конвоя, „исторій“, такъ часто случающихся въ настоящее время разгула реакціи и развала всѣхъ скрѣпъ, ранѣе сдерживавшихъ немного дикіе инстинкты человѣка-звѣря,-мы имѣли возможность познакомится съ настроеніемъ сибирскаго крестьянства, съ его желаніями и надеждами. И выходъ, къ которому мы пришли на основаніи нашихъ наблюденій, вполнѣ совпалъ съ выводами мѣстныхъ коренныхъ жителей, близко соприкасавшихся съ трудовымъ населеніемъ Иркутской губерніи и Якутской области.

Нами было отмѣчено почти полное отсутствіе черносотеннаго теченія въ крестьянской средѣ. *) Въ теченіе 28 дней мы непрерывно вели бесѣды на всѣхъ станкахъ, во время ѣзды съ ямщиками, и ни разу во время этихъ бесѣдъ не проскользнуло „истинно-русскаго“ отношенія къ т. н. „освободительному движенію“ и къ „политикамъ“. За исключеніемъ „братушекъ“, которые не заводили съ нами никакихъ разговоровъ, а старались какъ можно быстрѣе спровадить насъ изъ села и передать на другой станокъ, для чего бѣшено гнали лошадей и великолѣпно везли насъ по бурятскимъ снѣжнымъ полямъ,-на всѣхъ остальныхъ станкахъ непремѣнно подымался разговоръ о „думахъ“, о трудной крестьянской жизни и необходимости ея облегченія. Почти вездѣ населеніе проявляло интересъ къ нашей судьбѣ, высыпало встрѣчать и провожать насъ. Въ одномъ селѣ намъ преподнесли рыбу, капусту, пироги, бѣлый хлѣбъ. Въ другомъ-вина, конфектъ и денегъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не брали денегъ за чай, картошку и молоко, въ нѣкоторыхъ предлагали услуги свои въ случаѣ побѣговъ, давали адреса, куда можно заѣхать и скрыться. И почти вездѣ, когда бы мы ни пріѣхали, днемъ ли или вечеромъ, черезъ нѣсколько минутъ хата наполнялась любопытными и интересующимися, чтобы „поглядѣть и покалякать“.

Въ одномъ селѣ въ нашу довольно просторную избу набралось свыше 40 человѣкъ крестьянъ. Они разбились на группы. Около однихъ ссыльные передавали видѣнное ими, слышанное и пережитое, въ яркихъ краскахъ рисуя крестьянское и рабочее житье. Другіе пѣли революціонныя пѣсни, третьи

(* Отдѣльные черносотенцы вездѣ имѣются, но и то не активные.

записывали ихъ, записывали адреса, куда можно обратиться за литературой,—давали свои. Тутъ же шмыгалъ взадъ и впередъ жандармъ, прислушиваясь ко всему, что говорятъ. Онъ производилъ всей своей фигурой непріятное впечатлѣніе. Лицо острое, птичье, улыбка ехидная, іезуитская.

—Въ шею бы его отсюда... Шпіонъ! раздавались голоса молодыхъ крестьянъ.

—Чего вы выглядываете? спросилъ одинъ ссыльный. По привычкѣ?

—Э-э... нельзя. Вѣдь вы произносите запрещенныя рѣчи, ругаете правительство. Э-э... поете революціонныя пѣсни.

—Ха-ха-ха!.. раздался дружный смѣхъ. Многіе изъ насъ въ Якутку идутъ за это „преступленіе". Неужели же здѣсь мы будемъ признавать то, чего раньше не признавали. Для васъ пѣсни запрещенныя, а для насъ самыя что ни на есть настоящія.

—Э-э.. нельзя... пора ѣхать...

—Послушайте, жандармъ, ужасно противно смотрѣть, какъ вы шпіоните. И такъ нахально. Если вы, какъ начальникъ партіи, считаете своей обязанностью слѣдить за нами, то садитесь на стулъ и смотрите, бомбъ и револьверовъ не передадимъ ли. Подслушивать и знать, о чемъ рѣчь идетъ, вамъ для этого не надо.

Ему поставили стулъ у дверей. Онъ смутился и безропотно сѣлъ на стулъ. Но минуты черезъ двѣ, три, видя что, никто не обращаетъ никакого вниманія на его присутствіе, поднялся и исчезъ.

А экспромтомъ организовавшійся митингъ продолжался.

—Какъ у васъ крестьяне на счетъ Думы? спросили одного молодого крестьянина.

—Барская дума! протянулъ онъ, махнувъ при этомъ рукой. И первыя мало чего дали бы намъ, а эта ужъ подавно. Наши, вотъ, думають, что первая Дума дала бы земли, если, бы ее не разогнали, и облегчила бы крестьянскую жизнь. А отъ 3-ей ждать добра не приходится. Это всѣ понимаютъ.

—Жизнь наша тяжелая. Кормимся только отъ гоньбы. И на не кого надѣяться, и не знаемъ, какъ выбраться изъ нашей бѣдности,—сказалъ другой.

—Какъ выбраться! На себя надѣйся и жизни не жалѣй... Вотъ и все ..

Могучее пѣніе „русской марсельезы“ прервало разговоръ. Во всей этой демонстраціи принимали участіе и крестьяне, совершенно не стѣснявшіеся жандарма и мѣстныхъ властей. Открыто поносили дармоѣдниковъ и живодеровъ и съ чисто крестьянскимъ юморомъ издѣвались надъ „птицей“. Во главѣ ихъ стоялъ учитель, молодой, симпатичный съ открытымъ лицомъ и живыми глазами.

Въ Мухтуѣ Иркутской губерніи (приблизительно въ 150 в. отъ Нохтуйска) мы встрѣтили „политика“ изъ мѣстныхъ купчишекъ. Заинтересовавшись моральнымъ и духовнымъ обликомъ деревенскаго революціонера, мы вступили съ нимъ въ бесѣду, просидѣвъ на этомъ станкѣ вмѣсто 2-хъ часовъ—5, что случалось съ нами довольно часто. Онъ былъ очень словоохотливъ и разсказлъ намъ, какъ онъ попалъ въ тюрьму за чтеніе и распространеніе брошюръ. Но чѣмъ больше онъ разсказывалъ, тѣмъ яснѣе становилось для насъ, что онъ не „настоящій“. И это нашло подтвержденіе въ его дальнѣйшемъ поведеніи. Во время нашего разговора въ комнату вошелъ жандармъ. А. немного побледнѣлъ, всталъ и произнесъ: здравствуйте...

—А-а! Вы здѣсь? Что дѣлаете? спросилъ жандармъ протягивая ему руку.

Тотъ ее крѣпко пожалъ и даже потрясъ, при чемъ какъ-то подобострастно заглядывалъ ему въ глаза.

—Не занимаетесь ли вы опять политикой?

Смотрите, вы ужъ разъ пострадали... А здѣсь вамъ нельзя оставаться... постороннимъ...

—Здѣсь онъ не посторонній! раздались протестующіе голоса, и „птица“ немедленно упорхнула.

—Зачѣмъ вы съ нимъ такъ себя ведете? Развѣ это подобаетъ революціонеру?

—Видите ли , онъ меня арестовалъ, обыскъ производилъ и можетъ на меня донести, если я...

—Э!... такъ вы плохой политикъ. Развѣ подобаетъ революціонеру такъ разсуждать?

Долго ему объясняли и доказывали на тему о революціонной морали.

Подлиза.. подмазкинъ сынъ... Лебезитъ предъ этой сволочью...

Это былъ отзывъ крестьянъ и крестьянокъ, находившихся въ другой комнатѣ и наблюдавшихъ сцѣну встрѣчи А. съ жандармомъ.

—Да и что съ него возьмешь.. Онъ какой то наивный, глупый. Къ чему то стремится, но не знаетъ къ чему и какъ. Начальства труситъ. Ничему отъ него научиться нельзя. Ни растолковать, ни разсказать, ничего не можетъ. Вотъ про землю и Думу разспрашивали. Ничего не знаетъ...

—А вы сами какъ на этотъ счетъ?

—Да что, пока не возьмемъ, не дадутъ....

—И всѣ такъ думаютъ какъ вы? спросили одного.

—Нѣтъ... Многіе на думу надежду имѣли... не на эту господскую, а на первую, вторую...

Вы принадлежите къ какой либо партіи?

—Нѣтъ, у насъ почти всѣ безъ партій...

Книгъ ихнихъ много читали... Вѣрно пишутъ...

Отрадно было слышать эти слова, отрадно было бесѣдовать съ крестьянами. Но то, что мы увидали въ С. до того всѣхъ поразило, что даже теперь, спустя свыше двухъ лѣтъ, вся картина встрѣчи нашей партіи встаетъ, какъ живая.

Мы пріѣхали въ С. часовъ около восьми вечера. О томъ, что „партія ѣдетъ“ тамъ узнали отъ одного купца, встрѣтившаго раньше насъ, съ предыдущаго станка. Какъ только мы подъѣхали къ станку, насъ направили въ одну сторону, конвой и жандарма въ другую.

Мы вошли въ довольно просторную комнату. Съ правой стороны стояла группа въ 15 дѣтей во главѣ съ восьмилѣтнимъ знаменосцемъ. Задніе стояли на скамейкѣ. Какъ только всѣ вошли въ комнату, дѣтскій хоръ грянулъ „русскую марсельезу“.

Жандармъ, которому все же хотѣлось посмотрѣть, гдѣ будутъ „отдыхать“ конвоируемые имъ плѣнники, вошелъ вслѣдъ за нами въ комнату и, увидя знамя и довольно стройное пѣніе дѣтей, замахалъ руками и попятился къ дверямъ.

—Нельзя... нельзя!.. зашепталъ онъ. Бросьте пѣть, бросьте!..

—Жандармамъ здѣсь не мѣсто!.. Идите въ другую избу... Маршъ отсюда—,крикнулъ 13-ти лѣтній регентъ.

И „птица“ немедленно скрылась... Мы были сильно поражены этимъ юнымъ хоромъ и стояли словно прикованные къ

милымъ личикамъ, на которыхъ отражалась какая-то торжественность, пониманіе серьезности нинуты и готовность защищать свое знамя, которымъ размахивалъ минутой назадъ ребенокъ передъ лицомъ власти. Первымъ очнулся т. М., еще недавно проѣзжавшій эти мѣста и ничего подобнаго не видавшій. Слезы выступили у него на глазахъ, онъ кинулся впередъ и крѣпко расцѣловалъ знаменосца.

Громкое „ура“ раздалось вслѣдъ за этимъ, всѣ двинулись въ слѣдующую комнату, гдѣ хозяева угощали пріѣзжихъ. Подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ произносились одинъ за другимъ тосты, пошли разговоры, разспросы и т. д.

Въ это время молодежь рѣшила не выпускать насъ изъ села до утра и устроить въ „честь политиковъ“ „вечорку“... И они добились своего. По какому то пункту устава о подводной повинности по Якутско-Иркутскому тракту на каждаго пассажира полагается по лошади. Считая конвоировъ такими же пассажирами, они требовали платы и за нихъ. Жандармъ запротестовалъ, ссылаясь на невыдачу прогонныхъ для конвоя.

—Если начальство ваше не соблюдаетъ правилъ, то не мы тому виной. Мы требуемъ по закону, который, можетъ быть, другіе уже забыли. Достаточно для васъ и то, что вы около 2 т. верстъ ѣхали безъ денегъ.

Какъ ихъ ни уговаривалъ жандармъ, ничего не помогало. Они знали, что споръ можетъ быть рѣшенъ лишь высшей властью, для вызова которой придется отправлять нарочнаго. А пока что можно будетъ погулять съ „политикой“. Такъ оно и случилось: споръ былъ разрѣшенъ лишь утромъ слѣдующаго дня и въ пользу протестантовъ.

А мы пока гуляли. „Вечорка“ была устроена въ школѣ. Туда собрались всѣ дивчата и парни, пѣли и сибирскія, и революціонныя пѣсни, лучшіе танцоры и танцорки откалывали „русскую“ и „казочка“ подъ игру уродливаго до ужаса скрипача, вели хороводы, заканчивавшіеся по обычаю поцѣлуями кавалеровъ съ ближайшими дамами, нѣкоторые подвыпили съ гостепріимной С. молодежью. Въ „весельи“ принимали участіе и конвойные...

Съ такимъ же радушіемъ и привѣтливостью провожали насъ, суля лучшихъ временъ...

Такой же революціонной и отзывчивой можно считать и молодежь села Ч. Въ то время, какъ во всей Россіи не было ни одного мѣста, гдѣ бы осмѣлились открыто протестовать противъ современнаго разгула реакціи, въ селѣ Ч. девятаго мая 1908 г. была устроена демонстрація съ пѣніемъ пѣсенъ и ношеніемъ краснаго знамени, закончившаяся,, дѣломъ 22-хъ''.

Въ очень многихъ мѣстахъ Сибири культурно-революціонную дѣятельностъ проявляютъ учителя и писаря, которые не только растолковываютъ крестьянамъ законы и циркуляры, но и организуютъ протесты и даже забастовки. Такъ наприм. забастовка ямщиковъ части Ирку.-Якут. тракта.

Въ нашей партіи были старые ссыльные, близко соприкасавшіеся съ сибирскимъ, особенно же съ якутскимъ населеніемъ, знавшіе ихъ политическій обликъ въ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ, имѣвшіе, слѣдовательно, возможность оцѣнить значеніе всѣхъ событій для этого глухого ,,уголка'' Россіи. И они были поражены тѣмъ, что увидѣли и услышали, той перемѣной, которая произошла во взглядахъ и психологіи населенія, перемѣной, бьющей въ глаза, и открыто проявляющейся по всему тракту. Они не вѣрили въ этакое ,,чудо'' въ началѣ. Но повсемѣстность явленія побѣдило ихъ скептицизмъ и въ концѣ концовъ одинъ изъ нихъ, самый старый, съ гордостью произнесъ: и наша долгая работа здѣсь сказалась.. Мы можемъ гордиться...

XIV.

Жизнь въ этомъ дикомъ краю представляетъ собою точную копію съ жизни въ какомъ либо захолустномъ провинціальномъ до реформеннаго періода городишкѣ съ той лишь разницей, что отсюда, какъ говорится, три года скачи не доскачешь до центра культурной жизни.

Жизнь здѣсь—сѣрое, монотонное прозябаніе, скука и бездѣліе, пьянство и другія „развлеченія", не дающія ничего ни уму, ни сердцу. И это здѣсь, въ центрѣ области, гдѣ 7 т. населенія, гдѣ „просвѣтительныя учрежденія", клубы и „библіотеки"...

Здѣсь проводятъ почти все свободное время за картами и выпивкой, процвѣтающей въ этомъ краю какъ нигдѣ въ Россіи со временъ Владиміра Святого. Алкоголь (и не водка а спиртъ)

—бичъ не только инородцевъ—тунгусовъ, ламутовъ, чукчей, юкагировъ и даже якутовъ, факторъ ихъ разложенія и вымиранія, но и бичъ интеллигентныхъ пришельцевъ, тоску жизни нудной заливающихъ спиртомъ. Здѣсь пьютъ всѣ—и туземцы, и пришельцы, и уголовные, и политическіе, и мужчины и женщины, старыя и молодыя. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить въ клубѣ „подвыпившую" дѣвушку, еле держащуюся на ногахъ.

Въ первый разъ, когда человѣкъ 15 изъ мѣстной демократіи чествовали второй „пріѣздъ" старыхъ ссыльныхъ, оказавшихъ вліяніе на развитіе демократическихъ взглядовъ въ средѣ якутской молодежи, я видѣлъ, какъ представительницы „прекраснаго пола" нисколько не отставали отъ „исконныхъ потребителей" вина и такъ же выдѣлывали пьяныя „па", какъ и мужчины.

Ансамбль былъ полный...

Потомъ не разъ я съ этимъ сталкивался. И мѣстное „общество" не реагировало на это, повидимому, для нихъ нормальное явленіе.

Привыкли, приглядѣлись....

Разъ даже во время „масляничныхъ" катаній на тройкахъ одна дѣвушка распѣвала въ „лежачемъ положеніи", дѣвушка, довольно скромная и симпатичная въ обыденной жизни.

Пьетъ купечество, пьютъ чиновники, полицейскіе, учителя, духовенство и... громадная часть ссыльныхъ.

Вся мѣстная жизнь представляется постороннему зрителю въ видѣ сплошной „выпивки", то аристократической съ виномъ и шампанскимъ, то демократической съ простой „казенкой".

Лишь отдѣльными оазисами выдѣляются на этомъ „пьяномъ" фонѣ группы людей, стремящихся оздоровить эти „гиблыя мѣста" и внести сюда живую струю новой жизни, охватившей всю Россію.

Провести въ такомъ омутѣ нѣсколько лѣтъ и не заразиться общимъ „весельемъ" нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему, между прочимъ, каждый революціонеръ, съ перваго дня ссылки, мечтаетъ о побѣгѣ.

Какъ ни труденъ онъ, какъ ни зорько слѣдитъ полиція за ссыльными, но побѣгъ возможенъ, хотя съ каждымъ годомъ затрудняется.

Еще въ 1907-году, когда сибирское крестьянство было сплошь революціонно, когда мѣстные черносотенцы были нѣмы, когда урядники, становые пристава и исправники сквозь пальцы смотрѣли на побѣга, и въ нѣкоторыхъ единичныхъ пунктахъ даже помогали имъ, когда матросы, пароходная администрація и пароходовладѣльцы не боялись отвѣтственности и покровительствовали ссыльнымъ во время побѣговъ,-еще въ этомъ году изъ одного Олекминска бѣжало около 45-ти человѣкъ изъ 50-ти. Самымъ выдающимся побѣгомъ безспорно считается побѣгъ Хаенко, Махлина и Андреева, административно сосланнаго изъ Москвы послѣ оправданія его военно-полевымъ судомъ по процессу Владиміра Мазурина; весь путь отъ Олекминска до Иркутска они совершили пѣшкомъ, безъ денегъ, имѣя лишь крестьянскіе адреса. Они шли въ качествѣ пріискателей, которые массами направляются лѣтомъ на Витимскія и Олекминскія золотоносныя системы, изучивъ основательно ,,жаргонъ", пріискателей, ихъ нравы и манеры, и узнавъ подробно путь. Послѣ Витима путь сдѣлался труднѣе и они пользовались помощью крестьянъ, которые ихъ укрывали и указывали ближайшіе пути на слѣдующіе станки. Кое гдѣ, встрѣчая крестьянина-сибиряка, они садились въ телѣгу и отдыхали отъ долгой ходьбы.

Такъ шли они три мѣсяца. Добрались до Пензы, гдѣ, принятые за бродягъ были арестованы и отправлены въ Вилюйскъ...

Массовые побѣги политическихъ обратили вниманіе правительства и было отдано распоряженіе „принять мѣры". Уже въ 1908-году всѣ приходящіе и отходящіе пароходы осматривались полиціей. И пока хотя бы одинъ ссыльный оставался на пароходѣ, онъ не отходилъ отъ пристани. Кромѣ того каждый пароходъ сопровождался до конечнаго пункта агентомъ по надзору за ссыльными, которыхъ всѣ они знали въ лицо. И если кто либо садился на пароходъ не въ Якутскѣ, а на какой либо другой станціи, онъ все равно подвергался риску быть узнаннымъ пароходныни шпіонами. Помимо всего, послѣ отхода каждаго парохода (два раза въ недѣлю) ко всѣмъ ссыльнымъ являлись „шпики" узнавать, дома ли они. Несмотря на всѣ строгости побѣги все же удавались. Такимъ „удачнымъ" побѣгомъ былъ побѣгъ Свядоща. Въ августѣ 1908-года онъ отправился на пароходѣ „Якутъ", на которомъ губернаторъ выѣхалъ встрѣчать Иркутскаго генералъ-губер-

натора Селиванова, ревизовавшаго область. Случилось какъ-то, что чиновники, сопровождавшіе губернатора, спустились въ машинное отдѣленіе и здѣсь увидѣли С. Онъ былъ отправленъ въ Якутскую тюрьму на пароходѣ „Пермякъ", капитанъ котораго былъ архи черносотенцемъ. Изъ тюрьмы его отправили въ Вилюйскъ. Но на осенней пристани, въ семи верстахъ отъ города, онъ въ удобный моментъ бросился въ воду, выскочилъ на берегъ и скрылся. Черезъ нѣсколько дней онъ выѣхалъ на первый отъ Якутска станокъ Табагу, и съ помощью случайно встрѣтившагося крестьянскаго парня, узнавшаго въ С. „политика",—ночными сигналами заставилъ капитана парохода, идущаго изъ Я., послать за нимъ лодку на берегъ Оказалось что то былъ пароходъ „Пермякъ". Съ ближайшаго станка капитанъ телеграфировалъ, что бѣглецъ у него. Но въ судьбѣ С. приняли горячее участіе матросы, которые превращали С. въ товарный тюкъ и также какъ и весь товаръ перебрасывали его туда и обратно всякій разъ, когда происходилъ обыскъ. Но долго быть товаромъ не было физической возможности. А обыски все учащались...Рѣшено было спустить его на берегъ, обманувъ встрѣтившую пароходъ полицію, чтобы избѣгнуть „генеральный" обыскъ.

Когда пароходъ остановился недалеко отъ села Соляпскаго для нагрузки дровъ, на пристани появился полицейскій надзиратель и зорко слѣдилъ за всѣми сходящими. Тогда прикащики, ѣхавшіе въ Иркутскъ, затѣяли во второмъ классѣ драку, разбили лампу, стекло и одному даже носъ.

— Караулъ! закричалъ побитый. Убили! Убили! Спасите!..

На пристань выскочилъ еще одинъ и накинулся на полицейскаго.

— Чего вы здѣсь стоите? Тамъ людей убиваютъ!

Кинулся стражъ въ каюту второго класса, но тамъ уже было все спокойно и раненныхъ не было. Тогда понялъ онъ, что его обманули, кинулся обратно на пристань, но было уже поздно: С. сошелъ уже на берегъ, гдѣ былъ окруженъ появившимися солянцами и увезенъ. Поиски, длившіеся нѣсколько дней, не дали никакихъ результатовъ. Онъ исчезъ безслѣдно.

Чтобы гарантировать успѣхъ своему побѣгу, я добивался того, чтобы за мной перестали слѣдить. Прежде всего я началъ гнать въ шею „агентовъ по надзору".

Я жилъ на заимкѣ въ трехъ верстахъ отъ города. Туда сначала пріѣзжалъ „агентъ" послѣ отхода пароходовъ. Пріѣдетъ, зайдетъ прямо въ комнату и спрашиваетъ:

— Здѣсь живетъ такая-то или такой-то?

Онъ превосходно знаетъ, кто здѣсь живетъ, но политическіе, воюя противъ такого вторженія шпиковъ въ свои квартиры, добились того, что „безъ дѣла" они не появлялись. Но слѣдить за ссыльными надо и они придумывали дѣла: то придетъ узнать, гдѣ живетъ Х., У., Ц., то—позвать въ полицію, то принесетъ какую либо повѣстку. рѣшилъ Я отучить ихъ розыгрывать эту комедію.

— Зачѣмъ вы врете? накинулся разъ я на „своего" „шпика" (каждому агенту поручается нѣсколько ссыльныхъ, за которыми онъ и слѣдитъ). Вѣдь я знаю, что вы пришли узнать, не уѣхалъ ли я. Зачѣмъ комедія? Если вы еще разъ явитесь, то я васъ вонъ выброшу. Такъ и передайте полиціймейстеру.

Въ слѣдующій разъ онъ, раньше чѣмъ зайти, постучалъ въ дверь. Замѣтивъ его приближеніе, мы ее заперли. Онъ еще разъ постучалъ. Молчаніе... Онъ обошелъ весь домъ, заглядывалъ во всѣ окна, потомъ вновь постучалъ.

Вы опять пріѣхали! Я вѣдь сказалъ, что гнать буду!

— Мнѣ полиціймейстеръ приказалъ.

Въ такомъ случаѣ, я васъ больше не впущу и вы все равно не будете знать, дома ли я или уѣхалъ.

Такъ я и поступилъ. Тѣмъ болъе, что у меня въ это время скрывался бѣжавшій изъ Вилюйска товарищъ.

Надоѣло агенту выслушивать такія „любезности" и онъ, повидимому, рѣшилъ дѣлать ложныя донесенія. По крайней мѣрѣ, онъ ограничивался тѣмъ, что проѣзжалъ мимо всѣхъ заимокъ и уѣзжалъ обратно въ городъ. Если ему удавалось встрѣтить кого либо — хорошо, не удавалось — тоже ничего.

Я же, для успокоенія агента, началъ появляться часто въ полиціи или проходить мимо нея.

Наступало время отъѣзда. Я жилъ уже въ городѣ, имѣя двѣ квартиры — одну „оффиціальную", о которой я самъ „доложилъ" полиціймейстеру, другую — конспиративную, гдѣ я проводилъ все время. На первой шпикъ меня никогда почти не видѣлъ, не заставалъ ни утромъ, ни вечеромъ, а на вопросы, здѣсь ли живетъ такой-то, получалъ утвердительные от-

вѣты. Если я узнавалъ, что онъ часто появляется, что означало безпокойство моимъ отсутствіемъ, я являлся въ полицію „по дѣлу“, потомъ вновь пропадалъ. Когда почва была такимъ образомъ подготовлена, я, превратившись въ молодого купчика, отправился въ путь.

О томъ какъ я добрался до Иркутска (2700 верстъ отъ Якутска), приходится пока умолчать. О разныхъ эпизодахъ, волновавшихъ меня и разстраивавшихъ мое самочувствіе также. Можно лишь упомянуть, что, садясь въ Витимѣ (отъ Якутска 1400 верстъ) на пароходъ, долженъ былъ пройти мимо пристава, осматривавшаго слишкомъ пристально каждаго пассажира.

— Меня ли уже ищутъ или другихъ? пробѣжала мысль.

— Посмотрѣть ли на него или нѣтъ? пробѣжала вторая.

— Нѣтъ, рѣшилъ я. По глазамъ можетъ узнать.

И я, внѣшне совершенно спокойный, гордо прошелъ въ каюту, откуда старался не выходить, чтобы не встрѣчаться съ приставомъ, ѣхавшимъ въ Киренскъ.

— Если встрѣчусь съ нимъ, то узнаетъ или нѣтъ! думалъ я. Онъ видѣлъ меня одинъ разъ, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, зимой, когда я ѣхалъ въ Якутскъ.

А если узнаетъ. У нихъ память на лица вѣдь хорошая! Тогда обратно...

При этой мысли я начиналъ волноваться и совершенно забывалъ, что имѣю далеко не тотъ видъ, какой имѣлъ въ Якутскѣ, и что только хорошо знавшій меня могъ узнать въ купчикѣ политическаго, бѣжавшаго изъ ссылки.

Одинъ разъ я думалъ, что на пароходѣ будетъ обыскъ. Во время одной изъ стоянокъ бѣжали съ парохода двое уголовныхъ. Конвой разсыпался по тайгѣ, долго искалъ бѣжавшихъ, но никого не нашелъ. Можно было предполагать, что они обыщутъ и пароходъ, чтобы провѣрить, не на немъ ли они запрятались. И еслибы обыскъ начался, пришлось бы столкнуться съ знакомыми стражниками. Въ тягостной неизвѣстности я находился часа два. Но потомъ всѣ успокоились, и солдаты махнули на уголовныхъ рукой.

Изъ Усть-Кута я выѣхалъ съ знакомымъ Иркутскимъ купцомъ на лодкѣ. Черезъ четверо сутокъ — изъ Жигалова на лошадяхъ до Иркутска, отсюда желѣзной дорогой въ Парижъ.

Мое „путешествіе“ въ общей сложности продолжалось 36 дней безъ перерыва.

XV.

Какъ слѣдствія одного и того же явленія — реставраціи реакціи послѣ разгрома революціи 1905-6 г. г. — политическая ссылка и политическая эмиграція имѣютъ между собою очень много общаго.

Революція, втянувшая въ свой водоворотъ громадныя массы недовольныхъ людей, должна была послѣ своего разгрома выдѣлить разношерстную, разно-настроенную, „индивидуалистическую“, а въ общемъ качественно низкую ссылку, ибо между массовой революціей и степенью идейности ея участниковъ существуетъ обратная пропорціональность.

Этотъ же „законъ“ правиленъ и для политической эмиграціи. Но здѣсь онъ усложняется многими побочными факторами, отсутствующими въ ссылкѣ.

Говоря о ссылкѣ, ссылкѣ современной, совершенно не похожей на ссылку старую 80, 90-хъ и даже начала 900-хъ годовъ, я буду опираться исключительно на факты, игнорируя при этомъ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ отношеніе къ экспропріаторской практикѣ. Ибо всякую экспропріацію, всякое воровство можно теоретичски обосновать, теоретически оправдать.

Я буду оперировать съ фактами, обрисовывающими духовную сущность нѣкоторой части административно и по суду сосланныхъ — именно правой ея части. Правда, трудно въ данное время провести демаркаціонную линію между разными частями ссылки, гдѣ въ одну кучу правительствомъ свалены и революціонеры идеи и дѣла, и мало-идейные, но честные борцы за свободу народа, и разбойники революціи, и мошеники идеи, и многіе другіе представители идейныхъ и уголовныхъ теченій. Но даже для мало интересующагося ссылкой должно быть видно, что она состоитъ изъ трехъ частей — правой, центра и лѣвой, при чемъ одно время зловоніе правой было настолько значительно, что дискредитировало политическую ссылку вообще, и лишь сильный натискъ лѣвыхъ, прибѣгшихъ къ газетамъ и журналамъ, отстоялъ престижъ политическаго ссыльнаго.

Вотъ нѣсколько портретовъ „тоже политиковъ“.

С. Д-о. Всю свою жизнь, по его личнымъ разсказамъ, онъ старался устроиться на чужой счетъ. Въ своей безнравственности и безпринципности доходилъ до того, что гордился тѣмъ, что удалось ему „приворожить“ довольно богатую дѣвушку и обобрать ее.

— Теперь, вотъ, иду въ ссылку и имѣю денежки.

Его спросили, какъ онъ въ ссылку попалъ, исповѣдуя такія идеи.

— Поэтому и попалъ. Не могу мирно жить. Люблю опасность. Чтобы чуять себя. Тамъ было одно дѣло. Не узнали, потому и ссылка. Не то...

И вотъ этотъ „индивидуалистъ“, любящій сильныя ощущенія, будучи сосланъ въ первый разъ, подалъ о помилованіи. Амнистированный, онъ началъ снова свою „индивидуалистическую“ дѣятельность и... былъ сосланъ вторично. Вторично просилъ о помилованіи, былъ освобожденъ и... продолжалъ свою дѣятельность, цинично приговаривая: живи пока живется. Въ итогѣ онъ... попалъ въ третій разъ въ ссылку, откуда собирался вновь просить о помилованіи.

Я заинтересовался этимъ „типомъ“. Какъ то я спросилъ его: какъ вы сочетаете просьбы о помилованіи съ продолженіемъ вашей практики? Одно изъ двухъ. Если вы покаялись, бросьте прежнюю жизнь, если не хотите бросать, не покаялись еще, то зачѣмъ такая низость, какъ на колѣняхъ клянчить сожалѣнія. Вѣдь обманывать такимъ путемъ даже врага своего тоже мерзко!.. Я не касаюсь другой стороны этихъ просьбъ.

— Отвѣтьте мнѣ раньше, почему нельзя обманывать. Почему нельзя врать?

— Да вѣдь это нечестно, морально — грязно даже съ уголовной точки зрѣнія!

— Что такое „нечестно“? Почему врать нечестно? Что такое мораль? Что такое грязь? Вѣдь это условности. У меня есть своя мораль. Вотъ вы идейный человѣкъ — стремитесь къ водворенію на землѣ соціалистическаго рая. Ну положимъ — есть соціализмъ. Всѣ сыты, обуты, одѣты, развиты, культурны. Всѣ — сверхчеловѣки. Ну, а дальше что? Каковъ смыслъ той, будущей жизни? Смыслъ жизни культурныхъ и сытыхъ свиней? Съ какой стати я для такой будущей жизни буду жертвовать собой. Нѣтъ, живи во всю въ этомъ мірѣ, живи, какъ

можешь, ничего не признавай, ибо все придумано людьми. А что такое люди? Что такое человѣкъ? Кусокъ мяса и больше ничего.

Такова теорія многихъ, съ которыми приходилось сталкиваться. Проявляясь въ обыденной жизни, она даетъ такія уродливыя картины, такіе невозможные типы, что перо не въ состояніи ихъ описать.

Повздорили двое ссыльныхъ: одинъ изъ „индивидуалистовъ",— другой изъ той же семейки, самъ опредѣлившій свою нравственную физіономію—при встрѣчѣ во дворѣ Александровской тюрьмы съ уголовнымъ.

—А! Б....ъ! За что? Опять за „прихватку"? привѣтствовалъ онъ его.

—Нѣтъ! Я теперь ужъ по части „политики"...

И вотъ столкнулись эти „политикане".

—Постой, кричитъ Б—ъ, я тебя „уважу"!„

И „уважилъ". Ночью когда всѣ спали, онъ собралъ свои собственныя экскременты въ бумагу и положилъ ихъ на подушку „врагу". Тотъ лицомъ попалъ въ эту „прелесть" и проснулся. Поднялъ шумъ, крикъ...

Утромъ собраніе по поводу „безобразія"....

—Это сдѣлалъ Б. Никто другой на это не способенъ.

—Не я!. клянусь жизнью, всѣмъ святымъ не я! Развѣ я, не понимаю, что это гадость!

Но тутъ выступилъ третій.

— Я не хотѣлъ вмѣшиваться въ это „дѣло", но безстыдство и наглость Б. меня заставляютъ. Это сдѣлалъ онъ. Я не спалъ и видѣлъ, какъ Б. подкрадывался къ постели. Я видѣлъ что онъ положилъ свертокъ, но не смогъ сообразить „коварства" этого „товариша".

Въ такой зараженной Д. и Б. атмосферѣ должны жить всѣ ссыльные. Ужасно мучительная жизнь! Тяжелое нравственное состояніе!.

И у большинства современныхь ссыльныхъ, рабочихъ и крестьянъ, у „центра" ссылки, состоящаго изъ людей вѣры въ революцію и соціалистовъ, изъ людей мало искушенныхъ и въ вопросахъ теоріи, и въ вопросахъ тактики, съ трудомъ разбирающихся въ связи реакціи съ порнографіей, разгрома революціи и появленія революціонныхъ хулигановъ, но видящіе предъ собой всю накипь революціи,—у большинства ссылки

должна явиться и, дѣйствительно, является мысль: если вездѣ такъ, если вездѣ эти отбросы какъ слѣдствіе революціонной стихіи, то не нужно ли съ ней бороться? Дастъ ли революція, даже при побѣдѣ, что либо при наличности таковыхъ элементовъ?...

Противъ такой деморализаціи центра выступаетъ лѣвая ссылка. И отбросы чуютъ всю глубину ея презрѣнія и борются съ ней „своими средствіями", изъ которыхъ не исключается и угрозы ножевой расправой. Въ Александровской пересыльной тюрьмѣ эти элементы образовали свою собственную „пролетарскую коммуну", съ ножами въ рукахъ „экспропріировали" у несогласно съ ними мыслящихъ столы, посуду, скамьи, ибо съѣстныхъ припасовъ у „непролетаріевъ" никогда не было.

Благодаря „правымъ" ссыльнымъ ухудшается положеніе политическихъ въ разныхъ тюрьмахъ, теряется то уваженіе, которое было ими завоевано упорной и долгой борьбой. Теперь нѣтъ его и не можетъ быть—этому мѣшаютъ тѣ, кто и въ тюрьмахъ, и въ ссылкѣ проводитъ все свое время въ пьянствѣ, карточной игрѣ, кто орудіемъ борьбы съ лѣвыми выбираетъ сплетни, клевету, доносы.

Да, доносы! Такой фактъ, фактъ доноса одной части на другую, имѣлъ мѣсто въ Александровской тюрьмѣ.

Правда и то, что есть симптомы, показывающіе, чтодаже городозые, не только обыватели, поняли разницу между разными частями ссылки и не валятъ всѣхъ въ одну кучу. Они уже отличаютъ „настоящихъ политиковъ" отъ „политической шпанки".

—За ними, говорятъ агенты по надзору за ссыльными, мы не слѣдимъ. Они не убѣгутъ. Чего имъ бѣжать! Дома, чай, ѣсть нечего, а здѣсь пособіе получаютъ. Водки и женьщинъ и здѣсь достать можно. Чего же имъ еще надо!

Жизнь этой шпаны въ ссылкѣ въ высшей степени возмутительна. Это прежде всего—„принципіальное бездѣліе".

—Почему вы ничего не дѣлаете! Вѣдь работу найти можно! говаривалъ я часто.

—Не могу работать, понимаете? Не могу! .. отвѣчалъ одинъ.

—Противно работать! прибавлялъ другой.

—На себя бы работалъ, а на другихъ не хочу, пояснялъ третій.

—Но жить же надо?

—Да какъ нибудь проживемъ....

И они жили какъ нибудь. Ходили изъ дома въ домъ, отъ знакомаго къ знакомому, гдѣ поѣдятъ, гдѣ попьютъ, на билліардѣ поиграютъ, авось „повезетъ", въ карты сразятся, авось перепадетъ маленькая толика.

Бываетъ и такъ, что одни „индивидуалисты" начисто обыграютъ другихъ послѣ получки казеннаго пособія.

Во вторыхъ—непробудное пьянство. Въ Якутскѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Группа, человѣкъ въ 15, пьянствовала цѣлыя сутки. Посреди разгула одимъ умеръ. Когда явился докторъ, на полу лежалъ трупъ, около него —ссыльный въ безсознательномъ состояніи, а другой все время совалъ мертвецу въ ротъ рюмку. Когда докторъ констатировалъ смерть, лишь отдѣльные изъ этой группы ушли съ попойки. Нѣкоторые продолжали пьянствовать какъ ни въ чемъ не бывало. Даже коренные сибиряки, жители дальняго сѣвера, пасуютъ передъ такимъ пьянствомъ.

При слѣдованіи партіи ссыльныхъ въ Якутскъ лѣтомъ 1908-го года на паузкахъ произошелъ слѣдующій случай. Ссыльный Т., предполагая, что никого нѣтъ внутри паузка, началъ рыться въ чужомъ чемоданѣ. Т,. что вы дѣлаете? спросила одна поселенка, которую Т. не замѣтилъ. Вѣдь это не вашъ чемоданъ...

—Я... я... ищу книгу...

Въ самомъ Якутскѣ „товарищъ" стащилъ у стараго ссыльнаго 200 р., зайдя къ нему въ то время, когда тотъ спалъ.

Ссыльная, живя на средства другой ссыльной, копила въ тоже время „на черный день", выманивая у своей товарки деньги на разныя яко-бы хозяйственныя надобности.

Во время слѣдованія партіи ссыльныхъ зимой въ Якутскъ, двое до того напились на одной ночевкѣ, что одинъ заснулъ въ лужѣ, а другой до того матерно ругался, что ссыльныя женщины должны были удалиться.

Одинъ „интеллигентъ" бѣжалъ изъ Олекминска. Пойманный, онъ далъ честное слово не дѣлать попытокъ къ бѣгству. Его освободили, и онъ вновь бѣжалъ.

Администрація ссылки знаетъ все, что происходитъ въ средѣ ссыльныхъ. Это объясняется тѣмъ, что шпіоны рекрутируются изъ ссыльныхъ.

Я видѣлъ, какъ ссыльный просилъ одолжить у полиціймейстера пять рублей.

— Вамъ! отвѣтилъ полиціймейстеръ. Вы мнѣ еще должны съ прошлаго года. Все же далъ бы вамъ, если бы зналъ, что не на выпивку.

—– Не хотите, не надо... могъ только отвѣтить этотъ „политикъ“, поступившій вскорѣ послѣ этого въ циркъ клоуномъ.

Потерпѣвъ фіаско у „высшей власти“, онъ тутъ же попросилъ два рубля у старшаго городового. Но и этотъ не „сочувствовалъ“ политической шпанкѣ.

Въ Якутскѣ нѣсколько ссыльныхъ образовали воровскую шайку и шайку для храненія краденыхъ вещей. Въ серединѣ 1908 года нѣсколько было арестовано. Полиціймейстеръ долго не рѣшался арестовать одного уличеннаго.

—Какъ же! говорилъ онъ. Неловко... Политикъ все таки.

Подобные факты, и даже почище, имѣли мѣсто не только въ Якутскѣ, но и въ другихъ мѣстахъ—въ Туруханскомъ краѣ и въ Астраханской губерніи но и перечисленныхъ мною достаточно, чтобы понять какъ мучительна жизнь совершенно здоровыхъ людей въ подобной атмосферѣ.

———

Тяжесть этой жизни толкаетъ къ побѣгамъ и тѣхъ, кому побѣгъ даже невыгоденъ. Тамъ, думаютъ они, за рубежемъ, внѣ предѣловъ досягаемости, можно будетъ вздохнуть легче, тамъ другой воздухъ, другіе люди, другіе нравы, другія отношенія....

Глубокое разочарованіе ждетъ такихъ оптимистовъ. Политическая эмиграція—та же ссылка, еще хуже, ибо тамъ громадное вліяніе на ненормальность жизни оказываютъ „гиблыя мѣста“, здѣсь же—подлость человѣческой природы.

Казалось бы, что здѣсь на чужбинѣ чувства солидарности должны были быть крѣпче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но этого то и нѣтъ даже въ средѣ одинаково мыслящихъ. Одной изъ причинъ является—рѣзкая противоположность *личной* жизни эмигранта-рабочаго, эмигранта - интеллигента, эмигранта - вожака партіи и эмигранта безработнаго.

„Мы требуемъ отъ братьевъ выработки крѣпкаго убѣжденія и жизни согласной съ этими убѣжденіями“,—писалъ П. Лавровъ лѣтъ 35 тому назадъ. Эти слова дошли до нашего

поколѣнія, которое передало ихъ и распространило въ рабочихъ массахъ, которое гордилось сравнительно недавно тѣмъ, что въ „нашей партіи" личная жизнь партійныхъ людей, особенно же вожаковъ и лидеровъ, не расходится съ убѣжденіями и принципами. Русскій рабочій, русскій крестьянинъ до послѣдняго времени былъ такого же мнѣнія. Но факты жизни разсѣиваютъ эту иллюзію, а факты жизни эмигрантской еще болѣе способствуютъ этому.

Вотъ передъ вами „верхи", интересующіеся лишь тѣми, кто около нихъ. Быть можетъ это практически объяснимо но психологіи массъ непонятно и теоретически недопустимо. И ясно почему у рабочаго вырабатывается взглядъ о ,,верхахъ", какъ группѣ черствой, эгоистичной, узко—фанатичной и нетерпимой....

Отношенія обостряются, создается атмосфера, пропитанная недовѣріемъ и злобой.

Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же отрицательные типы, проявляющіе свою ,,индивидуальность" въ.... культурной формѣ.

Вотъ ,,эмигрантъ" , пользующійся помощью товарищей и копящей деньги.

Вотъ другой предпочитающій лучше жить впроголодь, чѣмъ работать.

Вотъ ,,эмигрантка", демонстрирующая предъ своими ,,товарищами" богатство своего туалета.

Вотъ еще одна, демонстрирующая ,,откровенность" своего костюма.

Таковы факты, подхватываемые озлобленными и раздуваемые въ ,,неслыханное преступленіе".

Эти факты—почва для роста той махаевщины, которая корень зла всего соціалистическаго движенія видитъ въ ,,злой волѣ" интеллигенціи, почва для того разброда и распада, которыми такъ богата жизнь соціалистическихъ партій и что является тормазомъна пути сплоченія силъ для продолженія великой революціонной борьбы за освобожденіе русскаго народа.

Существенныя опечатки:

Напечатано:	*Должно быть:*
1 стр. Памяти погибшимъ посвящаю	Памяти погибшихъ посвя-щ а ю.
63 стран. 13 стр. сверху ежеминутно рисковавшаго жизнью.	Ежеминутно, быть можетъ, рисковавшаго жизнью.

Гр. Нестроевъ.

Изъ дневника максималиста

Памяти погибшимъ посвящаю.

